Пролетарии всех стран, соединяйтесь

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

Год издания VI

Издательство „ПРАВДА“

Адрес редакции: Москва, 9, Тверская, 48. Тел. 4-38-28, кремл. 3-99

№ 6 — 31 МАРТА — 1930 г.

На два фронта.

Вся история нашей партии — история борьбы на два фронта: борьбы против откровенного, ничем не прикрытого правого оппортунизма и борьбы против «левого» оппортунизма героев псевдореволюционной фразы, против мелкобуржуазной революционной истеричности. В этой борьбе на два фронта складывалась и закалялась большевистская партия, партия революционного пролетариата, партия Ленина. В этой борьбе на два фронта—упорной, систематической и непримиримой—завоевывала и воспитывала партия рабочий класс в целом. В этой борьбе на два фронта пришла партия к победе Октябрьской революции. И в этой борьбе на два фронта — против мелкобуржуазного революционного авантюризма и против правооппортунистических шатаний—партия добилась величайших успехов в деле социалистического строительства.

Борьба на два фронта — упорная и последовательная — красной нитью проходит через всю историю партии, никогда не теряя своей актуальности, своей злободневности, своего значения в деле осуществления и проведения большевистской политики.

Лозунг борьбы на два фронта отнюдь не исключал, однако, а даже более того, предполагал в каждый данный момент, в зависимости от того или иного соотношения классовых сил, заострения и усиления ударов на одном или другом участке внутрипартийной борьбы. В каждый данный момент та или другая разновидность оппортунизма — откровенно-оппортунистического типа или оппортунизма, прикрывающегося «доотказу» «левой» фразеологией—становилась наиболее вредной, наиболее опасной. И именно на преодолении этой опасности, главной опасности в данный момент, не теряя из виду борьбы на два фронта, сосредоточивала партия решающий удар против оппортунизма.

Именно такой главной опасностью являлся в свое время троцкизм, выродившийся впоследствии в контрреволюционное, антисоветское течение. Именно такой главной опасностью в настоящее время является правый, откровенно-оппортунистический уклон, уходящий своими корнями и питающийся идеологией кулачества.

Не преодолев, не разгромив троцкизм, не показав его антисередняцкой, авантюристической сущности, партия не могла бы разрешить задачу укрепления союза рабочего класса с середняком. Мелкобуржуазный революционный авантюризм *не желал* «считаться с мелким крестьянином, как мелким крестьянином», *не желал* в упорной, тяжелой и трудной борьбе завоевывать и создавать необходимые условия и предпосылки для переделки индивидуального крестьянского хозяйства в хозяйство коллективизированное и, тем самым, толкал партию на такую политику, которая неизбежно влекла за собой разрыв союза рабочего класса с середняцкими массами крестьянства. Именно поэтому троцкизм и являлся главной опасностью на том этапе развития нашей революции. Антиреволюционность троцкизма выражалась в его антисередняцкой концепции, в отрицании им возможности прочного союза рабочего класса с середняком, больше того, в признании неизбежности столкновения с основными массами крестьянства, и в утверждении невозможности победного строительства социализма в СССР. На этом этапе развития троцкизм являлся главной опасностью, главной угрозой в деле успешного разрешения задач социалистического строительства и вся партия именно на преодолении и разгроме троцкизма сосредоточила основной огонь. «Разгром троцкизма и закрепление союза с середняком были важнейшими предпосылками успешного развертывания социалистического строительства» (Молотов).

Но уже в период борьбы партии с троцкизмом, все явственнее вырисовывался и оформлялся уклон откровенно-оппортунистического типа. Дерясь против троцкизма на стороне партии, правооппортунистические элементы занимали *свою, отличную от партии позицию* и в этом отношении являлись партийными попутчиками. Разоблачая антисередняцкую сущность троцкизма, разоблачая мелкобуржуазный авантюристический революционаризм троцкизма, не понимавшего необходимости «считаться с мелким крестьянином, как мелким крестьянином», правооппортунистические элементы внутри партии *не понимали преходящего* характера этой политики. Величайший тактический маневр, задачей которого являлось создать крупную социалистическую промышленность, способную реорганизовать земледелие, а до тех пор «считаться с мелким крестьянином, как мелким крестьянином»,—они приняли за «эволюцию» партии, за отказ партии, по крайней мере в обозримый период, от переделки крестьянского хозяйства, его коллективизации. Здесь корни правооппортунистического утверждения, что лозунг ужиться с середняком не может быть снят *«никем и никогда»*. Тем самым фигура мелкого крестьянина, само существование мелкого крестьянина именно как мелкого

крестьянина утверждалось неизменным на неопределенно-длительный срок. Основная же задача этого тактического маневра: создать крупную социалистическую промышленность, способную реорганизовать земледелие, превратить мелкого крестьянина в коллективизированного производителя — оказалась вне поля зрения правооппортунистических элементов партии.

Отсюда понятен тот факт, что оппортунистическая сущность этих попутчиков партии в борьбе с троцкизмом с особенной резкостью выявилась именно тогда, когда на базе растущей и крепнущей социалистической индустрии мы вступили в этап социалистической реконструкции сельского хозяйства и решительного наступления на капиталистические элементы деревни, что не могло не повлечь за собой усиления колебаний середняцких масс крестьянства. Верные своей оппортунистической сущности, эти «крестьянские философы» оказались решительно неспособны понять происходящих процессов. И в борьбе партии *за* переделку индивидуального крестьянского хозяйства, *за* коллективизацию, в борьбе партии с сторонниками незыблемости мелкого индивидуального крестьянского хозяйства, — они выступили *не на стороне партии, а против партии*, против коллективизации, взяв курс на незыблемость мелкого индивидуального крестьянского хозяйства, взяв курс на развязывание капиталистических отношений. Не разоблачив до конца истинной сущности этих «крестьянских философов», не показав антиреволюционного характера всех их взглядов, не вскрыв их идеологии, враждебной ленинизму, нельзя было мобилизовать рабочий класс на разрешение задач социалистической реконструкции сельского хозяйства, нельзя было организовать бедноту вокруг коллективизации, нельзя было преодолевать колебания самого середняцкого крестьянства, и, тем более, нельзя было перейти к ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации.

Капитуляция правых на ноябрьском пленуме ЦК отнюдь не означала и не означает, что правая опасность, опасность откровенно-оппортунистического уклона, перестала быть главной опасностью. В период ломки старого общественно-экономического уклада деревни, в период выкорчевывания корней капитализма и социалистической реконструкции сельского хозяйства, в период широкой коллективизации бедняцко-середняцких масс крестьянства и ликвидации кулачества как класса,—неизбежны будут и попытки правооппортунистических элементов внутри партии, с той или иной степенью резкости, противопоставлять *свою* политику — политике *партии*, неизбежны будут попытки задержать, затормозить, повернуть вспять поступательный ход развития нашей революции. А это все означает, что правый уклон, опасность правооппортунистических шатаний остается *главной опасностью*. И с этой точки зрения величайшей политической ошибкой было бы думать, что борьбу с правооппортунистическими элементами внутри партии можно рассматривать как пройденный

этап, передав его в архив истории. Возросшее сопротивление кулачества и неизбежные на определенных этапах дальнейшего развития нашей революции колебания в настроениях мелкособственнической стихии неизбежно будут питать и проявления, с той или иной силой резкости, правооппортунистических шатаний внутри партии.

Но именно в этот же период—перелома в настроении середняцких масс крестьянства, их решительного поворота к коллективным формам земледелия, неслыханно высоких темпов нашего индустриального развития и общих успехов дела социалистического строительства,—со всей резкостью встает опасность «лево»-оппортунистических загибов и заскоков, оппортунистических извращений троцкистского типа. Успехи опьяняют, кружат голову и рождают авантюристического характера попытки перескочить через необходимые этапы развития, попытки декретировать, административным путем разрешить то, что может быть разрешено только в порядке соблюдения необходимых посредствующих звеньев. Эта опасность головокружения от успехов была прекрасно показана в статье тов. Сталина. Наши успехи, — писал тов. Сталин, — «имеют и свою теневую сторону, особенно когда они достаются сравнительно «легко», в порядке, так сказать, «неожиданности». Такие успехи иногда прививают дух самомнения и зазнайства: «Мы все можем!», «нам все нипочем!». Они, эти успехи, нередко пьянят людей, при чем у людей начинает кружиться голова от успехов, теряется чувство меры, теряется способность понимания действительности, появляется стремление переоценить свои силы и недооценить силы противника, появляются авантюристические попытки «в два счета» разрешить все вопросы социалистического строительства».

Эту потерю чувства меры, эту потерю способности понимать действительность, эту переоценку своих сил и недооценку сил противника, эти авантюристические попытки «в два счета» разрешить сложнейшие вопросы социалистического строительства—мы могли наблюдать в разных формах и разных проявлениях. Сюда относятся и те перегибы, которые были допущены в ряде мест в области коллективизации, сюда относится и предложение о ликвидации советов в районах сплошной коллективизации, сюда относятся и попытки административного запрещения рынков, сюда же, наконец, относятся и утверждения о том, что у нас уже «сплошное социалистическое плато» и что ленинский вопрос: «кто — кого?», таким образом — снят. «Лево»-оппортунистический, — троцкистского типа характер подобного рода «уклонов» — не подлежит сомнению. В самом деле, что означают эти перегибы в области коллективизации, попытки «смаху» и обязательно «сплошь» перевести индивидуальные бедняцко-середняцкие хозяйства в «коммуну» с обобществлением не только средств производства — инвентаря и рабочего скота, но и всего имущества этих хозяйств? Эти перегибы усиливают колебания середняцких масс крестьянства, не привлекают, а отталкивают их от колхоз-

ных форм хозяйствования, дискредитируют идею колхозного строительства, неизмеримо усложняют и затрудняют дело социалистического переустройства сельского хозяйства, портят отношения рабочего класса с середняцкими массами крестьянства и угрожают, благодаря этой политике «лево»-оппортунистического головотяпства и авантюристической псевдореволюционности, самому союзу рабочего класса с крестьянством. В новых формах, новой обстановке и новых условиях эти «лево»-оппортунистические заскоки повторяют ошибки, по сути дела, троцкистского типа.

Такой же характер имеют и предложения о ликвидации советов в районах сплошной коллективизации и утверждение о якобы уже достигнутом превращении нашей переходной экономики в сплошное социалистическое плато и утверждение, что вопрос: «кто — кого?» уже снят и т. п. Что лежит в основе всех этих рассуждений и утверждений? Что общего им всем и что их роднит между собой?—Истеричность мелкобуржуазного авантюристического революционаризма, однотипного троцкистской псевдореволюционности, потеря чувства меры и реальной действительности, перескакивание через середняцкие массы крестьянства, перескакивание через этап обостренной классовой борьбы за переделку индивидуального бедняцко-середняцкого крестьянства, перескакивание через этап ликвидации кулачества как класса.

Нет сомнения, что такой «прыжок» через середняка, столь характерный для всей идеологии троцкизма, чреват самыми серьезными последствиями для союза рабочего класса с середняцкими массами крестьянства, угрожая разрывом его. Это особенно должны помнить те, кто думает, что оппортунизмом является только «отставание» от движения вперед, «отставание» от хода развития революции, но никак не забегание вперед. «Лучше забежать вперед, чем отстать» — таков лозунг современных политических Митрофанушек, искренне верящих в свою политическую мудрость и дальнозоркость.

Но «ничто не ново под луной». И эта своеобразная политика «дальнего прицела», когда упорно забывают стоящие в порядке дня социалистического строительства «очередные» задачи, удивительно напоминает все ту же «мудрость» троцкистского «гения». «Такое перепрыгивание через этап обостренной классовой борьбы, каким является настоящий период, — говорил т. Молотов, — является одним из ярких примеров оппортунистического смазывания классовых задач пролетариата под флагом «левых» фраз и потому несовместимо с ленинизмом. Борьба с такой «левизной», на деле представляющей разновидность оппортунизма, является нашей большевистской обязанностью. Без борьбы с такой «левизной» не может быть серьезной борьбы с правым оппортунизмом». Ибо своей авантюристской политикой эта своеобразная «фракция» «громче всех крикунов» льет воду на мельницу откровенно правого оппортунизма. Весьма характерно, что мелкобуржуазная сущность правых оппортунистов кое-где и кое у кого находит свое выра-

жение в «лево»-оппортунистических перегибах и «теорийках». И не случайно, что перегибы в деле коллективизации кое-где были делом кулачества, пытавшегося «с этого конца» вести свою разрушительную работу против коллективизации, «с этого конца» дискредитировать идею колхозного строительства, «с этого конца» подрывать союз рабочего класса с середняцкими массами крестьянства. Вот почему в постановлении ЦК партии («Правда» от 15 марта) говорится, что «все эти искривления являются теперь основным тормозом дальнейшего роста колхозного движения и прямой помощью нашим классовым врагам». «Основным тормозом»—это должны запомнить все те, кто до сих пор не разобрался и не понял своеобразия, переживаемого нами этапа. «Основным тормозом»—это должно быть ясно и до конца усвоено всеми теми, кто до сих пор не может понять, что, не устранив того, что является «основным тормозом дальнейшего роста колхозного движения», мы не сумеем преодолеть и то право-оппортунистическое торможение, которое вызывается действием «лево»-оппортунистических тормозов.

Только в упорной и систематической борьбе на два фронта можно бороться за линию партии, за ленинскую политику. Ибо оба уклона от этой линии, от этой политики питают друг друга, ибо оба уклона от этой линии ведут к реставрации капитализма и преодоление каждого из них немыслимо без энергичной, решительной и последовательно проводимой борьбы на два фронта.

«Искусство руководства есть серьезное дело. Нельзя отставать от движения, ибо отставать — значит оторваться от масс. Но нельзя и забегать вперед, ибо забежать вперед— значит потерять связь с массами. Кто хочет руководить движением и сохранить вместе с тем связи с миллионными массами, тот должен вести борьбу на два фронта — и против отстающих и против забегающих вперед» (Сталин).

Со всей силой и энергией должна вестись борьба как против «левого» оппортунизма, так и оппортунизма правого, остающегося главной опасностью в деле социалистического строительства. И с особенной резкостью должна проводиться борьба против попыток правооппортунистических элементов представить борьбу партии с перегибами, как отступление от проводимой партией политики социалистического переустройства сельского хозяйства. Борьба с перегибами не отступление, как это клеветнически утверждают правые оппортунисты, а условие развертывающегося наступления партии на капитализм, условие успешного развертывания дела социалистического переустройства сельского хозяйства и выкорчевывания корней капитализма.

В. Милютин.

Основные проблемы сплошной коллективизации.

1929—30 год является годом решительной победы социалистических форм в деревне, когда двинулась мощным потоком вся основная масса многомиллионного крестьянства по пути величайшей, невиданной в истории перестройки, ломая, разбивая и круша старые, отжившие формы хозяйства и быта, творя новую, коллективную организацию. Под руководством рабочего класса крестьянские массы бедняков и середняков отказываются от частной собственности на средства производства и создают коллективные хозяйства на новой экономической основе. Крупное, обобществленное сельское хозяйство об'единяет землю в общие посевы, об'единяет скот, организует новую технику сельского хозяйства.

Сплошная коллективизация это — новая страница нашей истории, героическая страница социалистической победы над отсталой, глубоко уходящей в прошлое областью нашей общественной жизни. И недаром этот сдвиг породил отчаяние, наполнил страхом сердца врагов и заставил их во всем мире поднять бешеный вой против нашего социалистического строительства. Сначала они полагали, что наша пятилетка, наша реконструкция народного хозяйства и, в особенности, сельского хозяйства, только план, который мы не сумеем осуществить в действительности. Но уже два последних года в корне разбили их надежды. Мы не только достигаем выполнения наших планов, но и перевыполняем их.

Пятилетка буквально стала одним из основных пунктов, на котором сосредоточивают свое внимание буржуазные экономисты. С каждым разом им приходится признавать неправильность своих первых подходов и констатировать несомненные успехи реализации пятилетнего плана народного хозяйства СССР.

Чтобы видеть, какой размах получила коллективизация, достаточно привести несколько цифр и сопоставлений. За 1928 и 1929 гг. данные ЦСУ (без Туркменистана, Казахстана, Якутии), за 1930 г. данные, опубликованные в «Правде» за 2-е-III с. г.

Годы	Количество крестьянских хозяйств в колхозах		Посевная площадь.
	в абсол.цифрах.	в %%	
1928 г. 1/VI	402 тыс.	1,6	1,3 млн. га.
1929 г. 1/V	873 „	3,9	4,2 „ „
1930 г. на 20/II . . .	14 млн.	56	82,6 „ „ пашни

Таковы успехи начала 1930 года, но это не исключает колебаний количественных размеров коллективизации: известного процента выходов из колхозов.

Конечно, в рамках сплошной коллективизации будет немало остатков прошлого, немало противоречий. Было бы, конечно, полной, ни на чем необоснованной наивностью полагать, что социалистический строй будет нам дан сразу в готовом виде. Это было бы не только наивностью, но и непониманием дела. Конечно, колхоз не является предприятием последовательно-социалистического типа, как, например, завод или фабрика, или же как такое государственное предприятие, как совхоз. В колхозе, особенно в артели и в товариществе по общественной обработке земли, сохраняется еще частная собственность на некоторые, хотя бы и второстепенные средства производства. Но все это не должно закрывать одного величайшего значения факта, что коллективы, несмотря на свои несовершенства, представляют социалистическую форму хозяйства, т.-е. форму, содержанием которой является обобществление средств производства. И не правы те товарищи, которые не отдают себе ясного отчета в этом факте и путают при определении роли и значения коллективизации как социалистической формы хозяйства. Этим самым они волей-неволей будут сбиваться и сбиваются с правильного пути политики колхозного строительства.

Проведение сплошной коллективизации влечет за собой огромные новые сдвиги как в нашей экномике, так и в политике. Прежде всего — проведением сплошной коллективизации наносится решающий удар не только остаткам капитализма в деревне в виде кулацкой ее верхушки, но, главное, той основе, той базе, которая питала капиталистическую верхушку деревни, порождала капиталистические элементы деревни. Наносится решающий удар по капиталистической тенденции развития сельского хозяйства, и сельское хозяйство переводится на новые рельсы развития крупных обобществленных форм, иными словами, социалистических форм хозяйства.

Напомним еще раз глубокие слова Ленина, сказанные им в 1920 г.:

> «Каждый внимательно наблюдавший за жизнью в деревне знает, в сравнении с жизнью города, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство,—перевести хозяйство страны и в том числе земледелие на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства» (Ленин, «Речь на VIII с'езде советов»).

Перевести хозяйство, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на базу современного крупного хозяйства — вот что рекомендовал Ленин для того, чтобы вырвать корни капитализма и подорвать базу внутреннего врага.

Индустриализация страны и сплошная коллективизация являются свидетельством того, что эта программа Ленина выполняется и ведет именно к тем результатам, какие он предвидел. Мы вырываем корни капитализма и уничтожаем базу внутреннего врага, сумев двинуть всю основную крестьянскую массу на переход к крупному обобществленному хозяйству.

Нам уже пришлось сталкиваться с ошибочными мнениями некоторых товарищей, упускающих из виду, что по этому пути социалистического строительства мы шли и идем со всей основной многомиллионной массой крестьянства. Некоторые наши теоретики представляли весь процесс механически: индустриализация дала технику, соответствующими партийными и советскими инстанциями было принято решение и коллективизация

произошла. Незачем закрывать глаза на то, что именно благодаря таким подходам мы зачастую на местах наблюдаем картину голого административного подхода к проведению коллективизации, когда распоряжениями заменяют тот огромной важности организационный процесс коллективизации, какой должен быть проводим. Такой упрощенский подход безусловно вреден, на основе его рождается спешка, торопливость, которые не помогают, а мешают делу коллективизации.

Достижение наше заключается именно в том, что сама основная масса крестьянства, бедняцкая и середняцкая, осознала преимущества крупного обобществленного сельского хозяйства на практике, что на это не только влияла словесная агитация, а влияла агитация практикой дела. Именно — факт более высокой производительности в колхозах, факт лучшего использования техники, определенных хозяйственных достижений, повел к тому, что крестьянство убедилось в преимуществах крупного обобществленного сельского хозяйства и двинулось по этому пути, об'единяя свое хозяйство, обобществляя средства производства. Эта, как писали некоторые газеты, «агитация показом» сыграла решающую роль в сдвиге всей основной массы крестьянства на путь коллективизации. Непонимание этого есть непонимание процесса коллективного строительства. В этом именно ценен тот подход, который проявляет крестьянство, когда посылает ходоков знакомиться с достижениями колхозов и совхозов и тогда только переходит к строительству колхозов.

Проведение коллективизации требует тщательной продуманности и подготовки. Наскоком, нажимом, поспешностью можно лишь дискредитировать это дело, а не укрепить его. Особенно это относится к проведению основы строительства колхозов: обобществления средств производства.

Обобществление средств производства.

Обобществление средств производства является основой строительства колхозов. Уже национализация земли, т.-е. отмена раз навсегда частной собственности на землю и установление на нее исключительно государственной собственности СССР, обеспечила возможность социалистического строительства в сельском хозяйстве, обеспечила возможность, таким образом, организовать землепользование и землеустройство, чтобы добиться под'ема сельского хозяйства всей основной массы крестьянства — бедняков и середняков. Национализация земли в условиях диктатуры пролетариата создает предпосылки для социалистического строительства.

Тов. Сталин в своей речи на конференции аграрников-марксистов правильно подчеркнул, что именно потому,

> «что у нас нет частной собственности на землю, у нас нет и той рабской приверженности крестьянина к земле, которая имеется на Западе. А это обстоятельство не может не облегчить перехода мелкокрестьянского хозяйства на рельсы колхоза. Вот где,—говорит он,—одна из причин того, что крупным хозяйствам в деревне, колхозам в деревне, удается так легко демонстрировать у нас, в условиях национализации земли, свое превосходство перед мелким крестьянским хозяйством. Вот где великое революционное значение советских аграрных законов, уничтоживших абсолютную ренту и установивших национализацию земли».

Национализация земли позволяет переходить к обобществлению посевов, к соединению землепользованием огромной территории. Достаточно сказать, что в настоящее время оптимальный размер колхоза, так же как и совхоза, выражается примерно в 50 тыс. гектаров.

Но действительный переход к крупному обобществленному хозяйству начинается именно с момента обобществления средств производства, живого и мертвого инвентаря, построек и т. п. Действительную коллекти-

визацию, действительный переход к формам крупного обобществленного сельского хозяйства мы должны оценивать прежде всего по степени обобществления средств производства. Основные средства колхозов, как известно, слагаются из так называемых неделимых средств, т.-е. таких, которые не могут быть ни в коей части выделяемы крестьянину, желающему выйти из состава колхоза, остаются неделимой собственностью последнего, и той части средств колхоза, которая находится в распоряжении колхоза, но при выходе колхозника из колхоза должна быть ему возвращена; наконец, некоторая часть остается в распоряжении самого члена колхоза. Не подлежит сомнению, что процесс укрепления и улучшения колхозного строительства будет вести ко все большему и большему росту неделимых капиталов. Именно вследствие этого колхозы получат большую устойчивость и будут располагать необходимыми средствами.

Обобществление средств колхоза создается путем передачи ему средств производства лицами, вступающими в колхоз. И не только в коммунах, но и в сел.-хоз. артелях обобществлению подлежит не только весь рабочий скот, сел.-хоз. инвентарь, но и весь товарный продуктивный скот, все семенные запасы, кормовые средства, необходимые для содержания обобществленного скота, предприятия по переработке с.-х. продуктов, с.-х. постройки, необходимые для ведения хозяйства колхоза.

Обобществление есть отказ от частной собственности на средства производства. Крестьянство, строя колхозы, передает им средства производства, организует их совместное использование, убедившись на практике в том, что этот путь дает лучшие результаты и больший производственный эффект, чем в тех случаях, когда эти средства производства находятся в индивидуальном пользовании.

Именно поэтому огромное значение приобретает в колхозах такая организация проведения обобществления средств производства и использование средств производства, которая бы действительно на практике, на деле показала крестьянству те преимущества, которые от этого проистекают.

Это обстоятельство ни в коем случае нельзя упускать из виду. Когда некоторые товарищи полагают, что коллективизацию можно ввести только путем снабжения колхозов тракторами и сложными машинами, проведением электрификации и т. п., они совершают крупнейшую и экономическую и политическую ошибку.

Никто, конечно, не может отрицать исключительно важной роли в деле проведения коллективизации, какую играло снабжение сельского хозяйства сложными машинами, в особенности, тракторами. Но не нужно забывать, что до сих пор даже тракторами снабжено меньшинство колхозов. Вследствие этого решающее значение при проведении коллективизации имеет освоение тех средств производства, какими владеет крестьянство. С другой стороны, не нужно забывать, что укрепление производственной и вообще хозяйственной базы колхоза может строиться главным образом на изыскании собственных средств самих колхозников. Поэтому проведение плановым путем, организованным путем обобществления средств производства имеет первенствующее значение.

Статистические данные последнего времени показывают, что рабочий скот на 1/II-1930 года был обобществлен в целом по Союзу на 55%, по некоторым районам процент обобществления значительно выше (Ивановская область — 78%, Сев.-Кавказский край — 77%), по отдельным же районам (как, напр., Ленинградская область, Крым, Нижегородский край) процент обобществления скота колеблется от 25 до 37%.

Обобществление с.-х. машин и орудий точно так же значительно колеблется по отдельным районам.

При проведении обобществления, однако, крайне опасны всякого рода перегибы и неправильности. Ошибки при проведении обобществления тем более опасны, что они касаются именно самой основы коллективизации. Эти ошибки, имеющиеся на практике, могут быть об'единены в двоякого рода группы: во-первых, такое расширение обобществления, какое не вызывается действительными производственными интересами коллективизации, и, во-вторых, такое проведение обобществления, какое извращает его формы.

В своей статье «Головокружение от успехов» (см. «Правду» от 2/III-30 года) тов. Сталин остановился на тех ошибках, перегибах и неправильностях, какие связаны с проведением обобществления.

К проведению обобществления необходимо подходить с точки зрения производственных интересов коллективизации, необходимо подходить с точки зрения поднятия товарности коллективного хозяйства. А это требует не разбазариваться, не гнаться за мелочами, а взяться за основное. В этом отношении примерный устав с.-х. **артели,** принятый Президиумом ЦИК'а СССР и опубликованный 2-го марта с. г., дает точные указания, каким образом нужно проводить обобществление. Мы приведем лишь основные положения из этого устава.

> «Все межи, разделявшие земельные наделы членов артели, уничтожаются, и все полевые наделы сливаются в единый земельный массив, находящийся в коллективном пользовании артели.
>
> При обобществлении полностью всех земельных угодий оставляются в единичном пользовании приусадебные земли (огороды, сады и т. п.) при чем там, где это необходимо, по решению правления артели и с утверждения общего собрания изменяются размеры усадебных земель».

Таким образом, вместо огульного обобществления всех земельных угодий, здесь указывается, что член с.-х. артели имеет право иметь свой огород, свой сад и пользоваться ими. В ряде мест огульное обобществление этих огородов и садов, имеющих не товарный, а потребительский характер, повело не к улучшению, а к ухудшению положения. Поэтому указание на то, как проводить обобществление посева, а, с другой стороны, как оставить в распоряжении члена колхоза огород или сад, несомненно, внесет порядок в проведение дела обобществления.

Особенно большое значение имеет раздел о «средствах производства». В этом разделе мы читаем:

> «Обобществляются: весь рабочий скот, с.-х. инвентарь, весь товарно-продуктивный скот, все семенные запасы, кормовые средства в размерах, необходимых для содержания обобществленного скота, хозяйственные постройки для ведения артельного хозяйства и все предприятия по переработке. Жилые постройки членов артели не обобществляются.
>
> При обобществлении с.-х. инвентаря оставляется в личном пользовании членов артели с.-х. мелкий инвентарь, потребный для работ на приусадебных землях.
>
> Из обобществленного рабочего скота правление артели в случае необходимости выделяет минимально необходимое количество лошадей для обслуживания личных нужд членов артели.
>
> В однокоровных хозяйствах молочный скот не обобществляется. В многокоровных хозяйствах оставляется в личном пользовании одна корова, остальные обобществляются. Производители, безусловно, обобществляются. Из обобществленного молочного скота создается товарное артельное хозяйство.
>
> Обобществление мелкого скота, т.-е. свиней и овец, производится в районах развитого промышленного животноводства по мелкому скоту с оставлением у членов артели некоторого количества мелкого скота в размерах, установленных артелью. В районах непромышленного мелкого скотоводства свиньи и овцы не обобществляются. Домашняя птица не обобществляется.

Наряду с оставлением в индивидуальном владении мелкого скота и птицы колхозы организуют промышленное обобществление мелкого животноводства и птицеводства».

Опять-таки это положение дает ясную установку на то, что обобществление средств производства, обобществление живого и мертвого инвентаря должно проводиться под углом зрения общепроизводственных интересов колхозов как крупного с.-х. предприятия. Здесь должен быть проявлен не формальный, чиновнический подход, а подход производственный, подход хозяйственный, рассматривающий дело обобществления с точки зрения производственного эффекта для крупного обобществленного сельского хозяйства.

Обобществить домашнюю птицу, обобществить скот, который не имеет товарного значения, это значит или совершенно бесхозяйственно разбазаривать или же отягчать колхоз. Такое обобществление свидетельствует только с бесхозяйственности подхода и является не плюсом, а минусом для крупного обобществленного сельского хозяйства.

При проведении обобществления особенно важен именно учет производственных планов ведения крупного сельского хозяйства, с учетом районных особенностей. Обобществить нужно то, что может поднять в данном районе колхоз, как крупное с.-х. преприятие, дающее высокую товарную продукцию.

Далее плановость обобществления заключается именно в том, чтобы получить больший производственный эффект от обобществления средств производства. А это значит, что при обобществлении скота должны быть обеспечены кормовые средства и соответствующие подсобные постройки. В печати неоднократно указывались случаи, когда обобществление скота, проведенное без предварительных, подготовительных мероприятий, без организации кормовой базы, вело только к развитию падежа скота или же, в лучшем случае, к падению его производительности. Ясно, что подобного рода подход совершенно не правилен.

Точно так же при обобществлении средств производства, пахотных и уборочных орудий, средств перевозки и тому подобное, необходимы предварительные меры для правильного их использования, чтобы они зря и бесхозяйственно не валялись и не пропадали, как это точно так же неоднократно отмечалось из практики отдельных колхозов.

Другая форма ошибок заключается в извращении самого проведения обобществления средств производства. Проведение обобществления подменяется административным нажимом, а иногда, в отдельных случаях, впадают в другую крайность и подменяют обобществление выкупом средств производства.

Отповедь, данная тов. Сталиным в указанной выше статье администраторам, подменяющим ответственнейший процесс коллективизации бумажными распоряжениями и даже угрозами, бьет не в бровь, а в глаз целому ряду горе-коллективизаторов.

Обобществление средств производства бедняцких и середняцких масс, есть процесс добровольного об'единения этих средств производства. Этим обобществление коренным образом отличается от обобществления средств производства путем экспроприации капиталиста. Нужно подчеркнуть, что обобществление средств производства дает возможность постепенно изживать тот мелкособственнический уклон в хозяйстве, от которого, вполне естественно, сразу крестьянин, вступивший в колхоз, освободиться не может. Этого забывать не следует.

Об эффективности сплошной коллективизации.

Результатом сплошной коллективизации должно явиться значительное повышение с.-х. производства. *Но простого повышения с.-х. производства, хотя бы и значительного, совершенно не достаточно.* Сплошная коллективизация означает экономически включение с.-х. в общую систему всего планового народного хозяйства. Это означает, что на первое место перед сельским хозяйством выдвигается задача обслуживания общих требований социалистического строительства. Вследствие этого при значительном росте с.-х. производства, который вполне естественно является результатом перехода от мелких форм сельского хозяйства в формы крупного, мы должны получить значительный рост *товарности сельского хозяйства. Товарность районов сплошной коллективизации по всем отраслям сельского хозяйства:* по зерновым культурам, по техническим культурам, по продуктам животноводства, огородничества и т. п. будет *являться измерителем успешности хозяйственной деятельности колхозов.* Уже истекшие годы показали, что колхозы дают более высокую товарность, чем индивидуальное крестьянское хозяйство. По отдельным районам товарность по зерновым культурам достигала почти 50%, например, Сев. Кавказ, ЦЧО, по другим же она спускалась значительно ниже. Необходимо добиться значительного повышения товарности колхозов.

Следует принять во внимание, что под'ем производства у нас, в нашем хозяйстве является основой улучшения всех других сторон общественной жизни и быта. В этом, кстати сказать, одно из основных наших отличий от экономического развития в капиталистических странах. Увеличение производства связано и с увеличением потребительских фондов. В этом отношении нам удалось, несомненно, достигнуть известных положительных результатов, что находит свое выражение в повышении реальной заработной платы, в улучшении положения бедняцких и середняцких масс в деревне. Ошибаются те экономисты (П. Т. Маслов, Е. Преображенский и др.), которые полагают, что рост производства, рост индустриализации у нас должен совершаться за счет сокращения потребления. Это в корне неверное положение. Наоборот, мы должны при росте производства увеличивать и фонды потребления. Но наш подход к экономическому развитию должен быть именно *производственным подходом.* Каждый рабочий, каждый колхозник должен подходить к хозяйству прежде всего как производственник, выдвигая на первое место интересы общественного хозяйства. В этом суть понимания нашего современного экономического развития, нашего социалистического строительства. Поэтому извращениям этой производственной линии нужно давать решительный отпор в практике колхозной работы. Что мы имеем не малую бесхозяйственность в ряде случаев, нарушение общих интересов нашего экономического строительства и общественного развития, в этом не приходится сомневаться. Но, конечно, было бы ошибкой полагать, что мы не сумеем справиться с подобного рода явлениями. Именно, учет этих явлений и борьба с ними должны быть проводимы систематически и планомерно всей массой колхозников. На ряде такого рода извращений и неправильного подхода необходимо остановиться. Известны факты, и они получили в печати довольно значительное освещение, когда в ряде колхозов вместо производственного направления начинало преобладать «потребительское» направление. Это «потребительское» направление выражалось в проедании средств колхозов, в дележке этих средств и в ряде бесхозяйственных проявлений, как-то: в нарушении трудовой дисциплины, в невыполнении планов и т. д., и т. п. Подобного рода направление, несомненно, в первую же очередь самым вредным образом сказывается на существовании зараженного им колхоза. Такой «потребительский» подход ведет к разбазариванию средств колхоза и к невозможности его укрепления. Также известны факты, когда в районах сплошной коллективизации, при ликвидации кулака как класса, вопреки прямым указаниям директивных органов, что конфискованные средства кулака должны итти в неделимый фонд колхоза как взнос за бедноту, производи-

лась дележка имущества кулака. Такого рода дележка, естественно, вела к ряду отрицательных явлений и не организовывала, а дезорганизовывала бедноту и середняка в борьбе с кулаком. Подобного рода факты являются проявлением мелкособственнических инстинктов.

Повышение товарности в колхозах даст возможность усилить и укрепить производственный рост колхозов. *Высота товарности текущего года будет определять хозяйственную устойчивость колхоза для следующего года.* Усиление основных капиталов и оборотного капитала вполне естественно связано с ростом товарности колхозов. И поэтому все руководители и строители колхозов должны поставить с полной определенностью задачу при выполнении хозяйственных планов максимально увеличивать товарность колхозов. Увеличение товарности колхозов связано с специализацией как в районном, так и в отраслевом разрезе. В результате сплошной коллективизации мы должны добиться полного преодоления продовольственных затруднений в кратчайший срок, измеряемый максимум двумя—тремя годами. Целый ряд заготовительных кампаний по техническим культурам, и в особенности хлебозаготовительная кампания истекшего года, показывают, что там, где производство налажено и мы имеем высокую товарность, там наш аппарат справляется с заготовкой и с удовлетворением растущих потребностей. Но там, где мы имеем отсталую производственную базу, — яркий пример этому мы имеем в отношении животноводства, — мы имеем крайне низкую товарность и огромные затруднения в продовольственной области.

При развитии хозяйственной деятельности колхозов необходимо особое внимание обратить именно на основные отрасли сельского хозяйства и удовлетворение колхозами не только требований и нужд самих себя, но и тех требований и нужд, какие перед ними ставит государство в целом. Конечно, не нужно себе представлять дело легко и просто. Под формой колхозов будут еще в течение определенного периода сохраняться остатки мелкособственнического, узкого, частного подхода к хозяйственным вопросам. Необходимо добиться сочетания интересов развития отдельного колхоза с выполнением общих требований. Не подлежит никакому сомнению, что только увязав в плановом порядке производственную работу колхозов, выраженную прежде всего в той товарной части, какую колхозы отчисляют, с требованиями и нуждами, какие к нему пред'являет государство, мы достигнем того планового согласования экономического развития, экономической деятельности сельского хозяйства и всех других отраслей народного хозяйства, которые смогут обеспечить быстрый поступательный ход вперед всего социалистического строительства. Поэтому товарность колхозов и становится одним из важнейших основных и центральных вопросов всего развития колхозов.

С ростом валовой продукции сельского хозяйства, на базе сплошной коллективизации, с ростом товарности колхозов, вполне естественно, значительно возрастает и продукция обмена между городом и деревней. Организационной формой является контрактация. Следует указать на то, что уже на данной степени контрактация связана органически с производственными планами колхозов. В дальнейшем роль контрактации еще в большей степени возрастет, т. к. в ней найдут свое отражение не только производственные планы сельского хозяйства, но и производственные планы целого ряда отраслей промышленности. И опять-таки, если в капиталистических странах развитие той или иной отрасли ведет к обострению конкуренции, в наших условиях планового хозяйственного строительства усиление, развитие сельского хозяйства на базе сплошной коллективизации должно вызвать соответствующее усиление и всех иных отраслей народного хозяйства. Отсталость сельского хозяйства являлась и является одним из тех узких мест, которые

тормозят наше общее экономическое развитие. Переход на сплошную коллективизацию дает в руки огромные возможности для преодоления этой отсталости.

Преодоление этой отсталости даст нам возможность гигантски улучшить условия всей нашей жизни и деятельности. Именно эта задача и должна стоять перед нашим сельским хозяйством, переходящим на сплошную коллективизацию.

Ликвидация кулачества как класса.

Недаром первые же известия о мероприятиях, принятых в связи с переходом ряда районов на сплошную коллективизацию, ликвидации кулачества как класса, вызвали сразу же живое реагирование со стороны прессы капиталистических стран. В этом мировой капитализм увидел крушение своих последних надежд на возрождение капитализма в СССР путем выращивания из мелких капиталистиков деревни крупных капиталистических сил, которые могли бы противостоять социалистическому строительству. Тот факт, что мы достигаем решительных успехов в нашем социалистическом строительстве и лозунг «догнать и перегнать капиталистические страны» начинает постепенно претворяться в действительность, заставляет тревожно биться сердца идеологов капитализма, и они поднимают бешеную травлю против СССР и против ведущегося социалистического строительства. От политики ограничения и вытеснения кулаков, к политике ликвидации их как класса, этот переход был подготовлен нарастающим темпом коллективизации в сельском хозяйстве и сделался возможным с переходом на сплошную коллективизацию целых районов и областей. Действительно, в районах сплошной коллективизации для кулака не остается места для существования, уже вследствие всей экономической организации.

Районы сплошной коллективизации организуются как единое обобществленное хозяйство. Каким же образом могут существовать в этих районах капиталистические элементы, пользующиеся средствами эксплоатации чужого труда, в каких бы это формах ни выражалось. Политически же оставление кулачества означало бы оставление активных врагов социалистического строительства, которые пользовались бы всеми способами и средствами для нанесения вреда росту и сельского хозяйства и перестройки всех других сторон жизни и быта.

Наконец, развитие производства социалистического сектора сельского хозяйства, совхозов и колхозов, не только в количественном отношении, но и в качественном отношении дает возможность экономически обойтись без кулацкого производства. Урожайность в колхозах в прошлом году была в среднем на 13% выше урожайности индивидуальных крестьянских хозяйств. Те меры, которые принимаются сейчас в смысле улучшения и рационализации техники социалистического сектора сельского хозяйства, дают полную возможность надеяться на то, чтобы добиться решительных успехов в деле качественного под'ема сельского хозяйства. Если весь предшествующий период показал и доказал, что в области сельского хозяйства мы с задачами развития его справились без помещика и капиталиста, то настоящий период, на основе достигнутых результатов, переход на крупное обобществленное хозяйство показывает, что мы можем обойтись и без кулака.

Что значит ликвидация кулачества как класса? Это значит, лишение его средств производства. Средства производства у кулака в районах сплошной коллективизации конфискуются и передаются в неделимый фонд колхозов как взнос за бедноту. Затем, кулака выселяют из районов сплошной коллективизации, или отводят ему землю за пределами данного района, или же выселяя его в другой район. Раскулачивание производит сама беднейшая

и середняцкая масса. Это есть, действительно, революционное наступление на капиталистические элементы деревни, на выкорчевывание корней капитализма. Это есть действительно новый этап нашего развития. Само собою разумеется, такой колоссальный сдвиг, какой происходит сейчас в деревне и в смысле перехода на сплошную коллективизацию, и в смысле ликвидации кулачества как класса, немыслим без определенного рода ошибок, перегибов и т. п. Ошибки нужно исправлять, с перегибами нужно вести решительную борьбу, но основного нельзя забывать. Нельзя забывать колоссальной организационной работы по строительству колхозов, охватившей сейчас буквально всю многомиллионную крестьянскую массу, и нельзя забывать, что мы ликвидируем остатки капитализма в деревне, основу для его возрождения. Но тем не менее, мы, конечно, не должны закрывать глаз на ошибки, на перегибы, и должны вести с ними решительную борьбу.

В чем главная опасность этих перегибов? Главная опасность заключается в бюрократическом административном подходе к проведению сплошной коллективизации и к ликвидации кулачества как класса. Наибольшее количество ошибок и перегибов наблюдается именно в тех районах, где слабее всего проводится коллективизация. Там, где еще не проведена сплошная коллективизация, где еще коллективизировано 10—20% крестьянских хозяйств, там подходят иногда с лозунгом: «Сначала раскулачим, а потом коллективизируем».

Это в корне неправильный подход, так как процесс должен быть как раз обратный: «Коллективизируй и тем самым создавай новые формы сельского хозяйства, ликвидируй отжившие формы и капиталистические остатки в деревне».

Подмена ответственной организационной работы административным нажимом дает только отрицательные результаты.

Вторая крупная ошибка заключается в том, когда раскулачивание захватывает и часть середняков. Это абсолютно недопустимое извращение, которое нарушает всю нашу партийную линию. Больше того. Именно этот перегиб и захват части середняков используются нашими классовыми врагами для борьбы против партии, против советской власти, против социалистического строительства в деревне. Сплошь и рядом подобного рода действия провоцируются самими кулаками или их агентами, сидящими в тех или иных учреждениях. Кулаков в среднем у нас по СССР насчитывалось 4—5%. Конечно, в отдельных районах (например, на Северном Кавказе, по Сибири и т. п.) этот % значительно вырастает. Но необходимо именно придерживаться определенных признаков отнесения того или иного хозяйства к кулацкому хозяйству. Но когда в отдельных местах и селах % раскулачивания поднимался до 20—30%, когда в кулаки попадали явно середняки, то это являлось совершенно очевидным перегибом, ошибочным шагом, который не может мобилизовать бедняцкую и середняцкую массу в этих местах вокруг лозунга «раскулачивания», а приводит только к отрицательным результатам.

С такими перегибами, с такими ошибками нашим партийным и советским организациям необходимо вести борьбу и исправлять эти искривления. Но это, конечно, не должно остановить выполнение основной задачи: с переходом к сплошной коллективизации, ликвидации кулачества как класса.

* * *

Переход на сплошную коллективизацию значительно видоизменяет и формы связи между городом и деревней. Различия между городом и деревней будут сглаживаться со все растущей быстротой. Изменение самого характера сельскохозяйственного производства будет видоизменять все формы жизни и деятельности деревни. Приближение сельскохозяйственного производства к формам промышленного производства ведет к изменению не только

экономических, но и бытовых условий деревни. Создание крупных комбинированных агропромышленных предприятий еще в большей степени будет этому способствовать.

Само собою разумеется, еще пройдет длительный период превращения колхозов в последовательно-социалистический тип предприятий. Поднятие культурного уровня деревни явится мощным фактором стирания граней между городом и деревней. Дальнейшее развитие коллективного хозяйства, с несомненностью, поведет к изменению жилищных и всяких иных условий жизни деревенского жителя. Уже в настоящее время создаются проекты постройки агрогородов, и в некоторых районах сплошной коллективизации это будет, несомненно, осуществлено в ближайшие годы. Однако, необходимо заметить, что в настоящий период в центре внимания должно стоять производственное поднятие колхозов, машинизация сельского хозяйства, так что главная масса средств должна быть обращена на улучшение техники сельскохозяйственного производства, на достижение более высокой товарности. Поэтому, несомненно, еще ряд лет необходимо будет пользоваться старыми постройками, старыми жилищами.

Ослабление различий между городом и деревней будет заключаться для данного периода в следующих основных изменениях:

1) в усовершенствовании технической основы сельского хозяйства, в дальнейшем повышении производительности труда и в приближении к темпам развития промышленности.

2) в создании новых транспортных путей и новых средств сообщения, более тесно связывающих город и деревню (новые железные дороги, новые шоссейные дороги, автомобильный транспорт и т. п.).

3) в создании агропромышленных комбинатов.

4) в развертывании строительства зданий для общественного обслуживания (школ, больниц, детских домов и т. п.).

5) в создании, наконец, отдельных примерных агрогородов.

Таковы основные направления, которые будут сближать деревню с городом.

Единство планового хозяйства на новом этапе его развития создает базу для изживания различия между ними. Ближайший период—это период хозяйства, построенного на обобществлении средств производства, на плановых началах. Мы вступили, несомненно, в эпоху изживания отличий между городом и деревней.

А. Ангаров.

Сельсовет и ликвидация кулачества как класса.

Работа советов на новом этапе должна привлечь к себе сейчас самое пристальное внимание всей партийной и советской общественности.

Обследование работы сельсоветов в связи с массовой коллективизацией показало, что эти низовые органы советской власти принимали незначительное участие в колхозном строительстве. На усиление роли сельсоветов как органов пролетарской диктатуры в деревне было обращено самое широкое внимание. В некоторых местах были проведены частичные перевыборы сельсоветов, в других — был широко применен досрочный отзыв депутатов, в результате чего социальный состав сельсоветов улучшился. В последнее время обращается большое внимание на подготовку работников по советскому строительству. Однако, все эти мероприятия достигнут своей цели только тогда, когда работа по улучшению деятельности советов будет вестись систематически, планомерно и без ослабления темпов.

Если сельсоветы стояли в стороне от коллективизации, то горсоветы в настоящее время принимают чрезвычайно слабое участие в борьбе за промфинплан. Проведенное недавно Институтом советского строительства и права обследование деятельности некоторых наиболее важных горсоветов под этим углом зрения показывает, что горсоветы стоят также в стороне от хозяйственной деятельности и почти совершенно не заботятся о выполнении входящими в их район фабриками и заводами промфинплана. Секции горсоветов зачастую существуют лишь на бумаге. Массовая советская работа развернута явно недостаточно. Советский актив не мобилизован на борьбу за промфинплан. Причины слабости работы горсоветов в связи с пятилеткой необходимо самым внимательным образом изучить. Необходимо принять срочные меры к повышению деятельности горсоветов в этой области. Однако, в данной статье, лишь отмечая этот факт, мы остановимся на работе сельсоветов в связи с политикой ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации.

Прежде всего—два замечания. Во-первых, о роли соваппарата на новом этапе. В свое время, при переходе к нэп'у, на X партийном с'езде, Ленин, останавливаясь на задачах госаппарата, говорил о том, что политика требует от госаппарата «решительной перемены, гибкости, умелого перехода», что руководители госаппарата должны это требование особенно прочно усвоить и понять. Дальше Ленин продолжал: «Твердый аппарат должен быть годен для всяких маневров». Ленин призывал партию к тому, чтобы напрячь все силы и добиться безусловно «полного подчинения аппарата политике» [1]). Эти замечания Ленина мы должны особенно твердо помнить теперь, когда разрешаются коренные вопросы пролетарской революции и социалистического строительства. Госаппарат—центральный и местный—должен быть приспособлен к выполнению задач социалистической реконструкции народного хозяйства. В этом отношении чистка и проверка аппарата, устраняя из состава советских работников все негодное и ненужное, должна повести к упрощению системы госаппарата, к улучшению его работы, повышению ответственности в нем, к действительному претворению в жизнь лозунга о проверке выполнения.

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 147.

Во-вторых, на данном этапе нашего развития необходимо особенно ясно осознать, что низовые органы советской власти — горсоветы и сельсоветы—являются не только частью госаппарата, но и организациями, через которые «масса населения поднимается до самостоятельного участия не только в голосованиях и выборах, но и в повседневном управлении» [1]). Советское государство не знает разделения властей на исполнительную и законодательную. Управление в системе советской власти является поэтому чрезвычайно сложным и ответственным делом, где сочетается исполнение закона с видоизменением его на основании учета всех местных условий и своеобразий. «Советы на местах,—писал Ленин,—сообразно условиям местности и времени могут видоизменять, расширять и дополнять те основные положения, которые создаются правительством» [2]). Этот принцип, лежащий в основе советской системы, имеет особенно огромное значение в настоящих условиях, когда в действительности сочетаются два лозунга классовой политики пролетарского государства: лозунг ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации и лозунг ограничения и вытеснения капиталистических элементов в районах, где сплошной коллективизации еще нет. Это своеобразие переживаемого нами периода требует особенно ответственных решений со стороны работников местного советского аппарата, это требует особой вдумчивости, умения, гибкости, знания окружающей обстановки, учета всех своеобразий данной конкретной действительности.

* * *

Внимательное изучение материала о деятельности сельсоветов по вопросу ликвидации кулачества как класса показывает, что очень многие сельсоветы совершенно извратили установку партии и советского государства. В чем выразились эти извращения? Было немало случаев, когда сельсоветы производили раскулачивание, не имея для этого абсолютно никаких предпосылок. Сплошной коллективизации в данном районе не было, к раскулачиванию беднота и середняки не были совершенно подготовлены. Раскулачивание, таким образом, проходило внезапно, без подготовки, аппаратными методами и поэтому давало лишь отрицательные результаты. Приведем несколько фактов.

Лямбирский сельский совет (Саранск) совершенно не занимался вопросом сплошной коллективизации села. Однако, президиум сельсовета в конце января постановил раскулачить 8 хозяйств. В начале февраля состоялся расширенный пленум сельсовета, где вопрос о раскулачивании этих хозяйств был решен окончательно. И только после этого на общем собрании граждан был поставлен вопрос о сплошной коллективизации села. Другими словами, раскулачивание предшествовало здесь коллективизации. Таким же образом поступил и Мельцапинский сельсовет. Не занимаясь совершенно вопросом коллективизации, сельсовет «проработал» вопрос о раскулачивании на узком совещании бедноты и вынес постановление: «ликвидировать кулаков и конфисковать их имущество в будущие колхозы. До организации колхоза имущество взять под расписку». И лишь после того, когда вопрос о раскулачи-

[1]) Ленин, т. XIV, ч. II, стр. 392

[2]) Ленин, т. XV, стр. 28.

вании был «проработан», сельсовет задумался над вопросом о переходе на сплошную коллективизацию и решил поставить его на повестку ближайшего общего собрания граждан. Раскулачивание было распространено на всех лишенных избирательных прав [1]).

Можно привести очень много фактов, показывающих, что сельсоветы к вопросу раскулачивания подходили чрезвычайно упрощенно, механически, формально. При этом в кучу смешивалось: индивидуальное обложение и лишение избирательных прав. Накидки по налогу на середняков обычно рассматривались как индивидуальное обложение. Индивидуальное обложение механически вело к лишению избирательных прав. Лишение избирательных прав в свою очередь являлось основной предпосылкой для раскулачивания. Вполне понятно поэтому, что было допущено очень много случаев раскулачивания середняков. В этом отношении особенно отличился Герценский сельсовет (Свердловск), который раскулачил целый ряд середняков. Раскулачивали по различным причинам. Так, например, одного середняка раскулачили за то, что он продал когда-то около десятка кос своим односельчанам. Другого раскулачили за продажу своих хлебных излишков, третьего за покупку усадебного участка, четвертого за продажу коровы, что им было сделано года два назад; пятого за продажу подошв к сапогам, шестого за продажу (в 1927 г.) сена в кооперацию и т. д. [2]). Ясно, что все это нарушало смычку с основной середняцкой массой и давало в руки кулакам большой козырь для борьбы за влияние на середняцкие массы.

Деятельность некоторых сельсоветов подменяется группами бедноты при колхозах.

Так, например, в Семенковском сельсовете (Иваново) группа бедноты при колхозе «Труд на пользу» вынесла постановление: «создать комиссию для взятия на учет всего имущества как у кулака, так и у с е р е д н я к а. Поручить комиссии немедленно приступить к работе»... В другом постановлении этой группы говорится: «слушали: о взятии на учет швейных машин, зеркал, трюмо и кроватей. Постановили: взять на учет всю роскошь» [3]). Середняцкая масса очень внимательно присматривается к этим перегибам, и они оказывают огромное влияние на колебания этой массы. Это особенно ярко иллюстрирует следующий факт. При ликвидации одного середняцкого хозяйства выступил крестьянин-середняк. Высказываясь в защиту этого хозяйства, он заявил: «Ежели этого середняка раскулачили, то следует и со мной сделать то же самое, т. к. у меня хозяйство размером не меньше». Сельсоветчики решили использовать это выступление и предложили середняку написать на эту тему заявление. На заявлении положили резолюцию: «Раскулачить и его по его личной просьбе». Были случаи, когда раскулачивали пастухов, или за то, что у них д е д б ы л к у л а к о м, и л и, н а к о н е ц, з а в о с п и т а н и е племянника-сироты.

В Батуринском районе один сельсовет постановил раскулачить 34 хозяйства. При проверке оказалось, что из 34 хозяйств только 3 действительно кулацких, а остальные середняцкие. Рабочая бригада, организовавшая пре-

---

[1]) «Завод и пашня» от 14/II—30 г. В большинстве своем сельсоветы, стоявшие в стороне от коллективизации, в целях «наверстать упущенное» бросились проводить организацию колхозов путем нажима (или колхоз или «проработка»), начиная с раскулачивания как меры предшествующей коллективизации. Неудовлетворительность социального состава сельсоветов, воздерживавшихся от работы по коллективизации, сказалась и тогда, когда они приступили к коллективизации.

Боязнь масс, боязнь массовой советской работы — вот основное, что характеризовало работу этих сельсоветчиков. Так, напр., в Криухинском сельсовете (Великолуцкий округ, Западной области) представитель рика Чижов, проведя бумажным порядком коллективизацию на 30%, заявил: «Класс же кулачества как таковой должен быть вообще ликвидирован в Криухинском сельсовете в недельный срок».

[2]) «Уральский Рабочий» от 18/II-30 г.

[3]) «Смычка» от 12/II-30 г.

жде всего бедноту данного района, помогла выправить перегибы, имевшие место до ее приезда [1]).

Раскулачивание, проведенное без достаточных предпосылок, без подготовки, чисто формальным, административным путем, ведет неизбежно к усилению позиций кулака, к усилению его влияния на середняцкую массу крестьянства. Механическое лишение имущества не изолирует еще кулака от крестьянства. В этом отношении особенно любопытен случай кулацкой деятельности в селе Львовке, Балашовского округа (Нижне-Волжский край). Раскулаченные кулаки при попустительстве сельсовета возвратились в отнятые у них избы, выставили оттуда бедноту со словами: «Ваша бедняцкая власть кончилась». Такого рода деятельность кулаков была возможна лишь вследствие сочувствия со стороны середняков, недовольных деятельностью местного сельсовета. В лице середняков, пишет корреспондент, кулаки «имели крепкую опору для своего вредительства» [2]). Раскулачивание должно проводиться в условиях полной изоляции кулака от основных масс крестьянства и при поддержке всей середняцкой массы. Все перегибы при раскулачивании в отношении середняка, усиливая позиции кулаков, изолируют бедноту и превращают деятельность сельсовета зачастую в голые административные мероприятия не только ошибочные, но и вредные.

Точно так же кулаки пользуются перегибами сельсоветов в области использования имущества раскулаченных. В этом отношении очень часто встречаются случаи, когда сельсоветы продают полученное в результате раскулачивания имущество. Так, например, в Березовском районе, Херсонского округа, имущество раскулаченных поступило в продажу, при чем расценивалось оно до безобразия низко (например, сапоги—8 к., пальто—10 к.). Все эти махинации проделывались с целью личного обогащения местных работников.

Чуждые элементы, засорявшие сельсоветы, использовали в некоторых местах раскулачивание не только в целях личной наживы, но и в целях явной провокации. Пара примеров. В селе Рыченка, Перемышльского района (Калужский округ) местные хулиганы, имеющие отношение к сельсовету, достали неиспользованные бланки и начали ходить по дворам и описывать имущество крестьян. Не взирая на плач баб, эти хулиганы обыскивали все сундуки и подвалы. Лишь после того, когда они попали в дом одного колхозника, который потребовал от них документ, деятельность злостных хулиганов была раскрыта и они были задержаны. На допросе эти деятели по раскулачиванию об'яснили все «шуткой» и отказались рассказать, кто научил их производить опись. В другом месте, где руководство сельсоветом находилось в руках кулаков, для проведения раскулачивания была организована специальная «ударная пятерка». Деятельность этой пятерки заключалась в том, что она по ночам ходила в крестьянские хаты и собирала иконы для сжигания. Попутно с иконами сжигались табуретки, одеяла и другие предметы домашнего обихода. При этом члены «ударной пятерки» по-своему «раз'ясняли» крестьянам «суть» социалистической переделки деревни. Они говорили крестьянам: «Ведь в колхозах икон не должно быть! Отдельных одеял не должно быть! Все будет общее! Одеяла длиной в 700 метров, кровати тоже в 700. Такие же столы и скамьи. А поэтому—не противоречить! Кто — против, тот друг Керзона и враг советской власти». Так проводилась коллективизация и раскулачивание в селе Цимля (Северный Кавказ) [3]).

Любопытно подчеркнуть, что руководство сельсоветом и другими организациями в этом районе было сплошь кулацким. Кулаки попытались исполь-

---

[1]) «Рабочий Путь», Смоленск, от 12/III-30 г.

[2]) А. Лобовский, «Маневры классового врага». «Беднота» от 18/III г.

[3]) «Труд», от 18/II-30 г.

зовать все мероприятия советской власти в своих интересах. С этой целью они извращали все мероприятия так, чтобы возможно сильнее ударить середняка, разрушить его союз с беднотой, натравить его на советскую власть и привлечь его, таким образом, на свою сторону.

* * *

Для того, чтобы лучше понять всю опасность перегибов и извращений в работе сельсоветов по коллективизации и раскулачиванию, остановимся кратко на тактике кулака в колхозном строительстве. Вообще можно сказать, что кулак в отношении к колхозному строительству на различных его ступенях применяет различные методы. Однако, этого недостаточно. В чем заключается это различие?

На первом этапе, при зарождении колхозов, кулак бешено борется против их возникновения, всячески противодействуя их организации. Здесь применяется открытая агитация, вредительство, террор, воздействие на женщин и т. д. Второй этап—колхоз организован, середняк идет туда. Кулак, потерпевший неудачу по вопросу об организации колхоза, пытается пролезть внутрь колхоза и подорвать внутреннюю дисциплину, измышляя всевозможного рода перегибы и ошибки, на которые он способен толкнуть руководство колхозным движением. Попутно он ведет агитацию за разбазаривание скота, за уничтожение средств производства, за сокращение посевной площади. При наличии колхоза кулак, находящийся вне колхоза, точно так же применяет все меры к тому, чтобы колхоз вследствие внутренних ошибок, неполадок и перегибов возможно скорее развалился. Каким образом действует здесь кулак?

Прежде всего по вопросу о типе колхоза. До тех пор, пока кулак не видел в колхозе главной угрозы своему существованию, до тех пор, пока предполагал «мирно ужиться с колхозом (до периода сплошной коллективизации), его ставка заключалась в том, чтобы удержать колхоз на низшей ступени развития, чтобы задержать процесс обобществления и т. д. В условиях сплошной коллективизации кулак начинает вести другую тактику. Он стоит за переход от артели к коммуне, не обращая внимания на подготовку этого перехода и временами активно противодействуя этой подготовке. Расчет кулака ясен. Он стремится путем перегиба в сторону организации коммуны оттолкнуть массы середняков от колхозного движения. Так, например, в селе Левокумском (Ростов-на-Дону) кулаки настаивали на скорейшем переходе от артели к коммуне. Местные партийные организации постарались выяснить причину этого необоснованного и преждевременного стремления. Оказалось, что кулаки, пролезшие в колхоз в целях его разложения изнутри, специально поставили себе целью начать переход к коммуне именно тогда, когда нужно было готовиться к севу. Кулаки стремились к ослаблению колхозов, к внесению организационной путаницы, к тому, чтобы вызвать среди крестьян недовольство. А между тем, кулак, оказавшийся в составе делегации, ходатайствующей о переходе к коммуне, в районном центре заявил: «Мы хотим еще ближе стать к социализму, вот и просим разрешить коммуну. Артель нас уже не удовлетворяет»[1]. С колхозниками была проведена в связи с этим кулацким маневром большая раз'яснительная работа, тактика кулачества была вскрыта и получила отпор со стороны колхозников, бедняков и середняков.

На эту провокацию кулаков, к сожалению, частенько поддаются работники сельсоветов, выступающие необдуманно и по вопросам коллективизации и по вопросам раскулачивания. Внутри колхозов кулачество обращает особенно большое внимание на разложение трудовой дисциплины. Так,

[1]) «Молот», от 11/II-30 г.

например, в селе Рождественском, Холпинского района (Курск) было установлено, что колхозники, приставленные к обобществленному скоту, специально спаивались кулаками в целях внесения бесхозяйственности в колхозное строительство. В результате этого кулаки настолько развратили колхозников, ухаживающих за общественным скотом, что колхозные лошади целые сутки оставались без корма, коровы падали в теле; лошади были использованы для разного рода поездок по личной надобности кулаков, а молоко коров распределялось между родственниками кулаков[1]). Все это, разумеется, вызывало огромное недовольство колхозников, отталкивало их от колхозного строительства к индивидуальному хозяйству, подрывало их веру в социалистическое строительство.

Во время избирательных кампаний было установлено, что кулаки обращают особо большое внимание на спаивание наиболее отсталых групп крестьянства. Спаивание производилось в целях срыва бедняцких совещаний, собраний крестьянского актива, заседаний избирательных комиссий и выборных собраний граждан. Эту же тактику применяет кулак и по отношению к колхозному строительству. Иногда это ему удается: в условиях обостренной классовой борьбы водка выступает как политический фактор. Так, например, в одном месте кулачество (Вожгалы, Вятка) в связи с маслеиицей широко использовало спаивание, вовлекая в попойки колхозников и коммунистов. Подпаивая, кулаки приговаривали: «Пейте, веселитесь, пока еще не окрепли коммуны, а потом пить не дадут, не зевайте».

Пьянство в районе, как замечает селькор, приняло угрожающие размеры. Вот несколько цифр для характеристики этого явления. Районная винная лавка продала за месяц водки на сумму около 40.000 руб. На эту сумму можно было бы купить почти двадцать тракторов [2]). Так в пьяном разгуле погибают крестьянские деньги, которые могли бы быть использованы для колхозного строительства. И кулак со своей стороны принимает все меры к тому, чтобы пьянство погубило коллективизацию.

В условиях проведения политики ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации тактика кулака становится особенно гибкой и изворотливой. Были случаи покупки кулаками членских профсоюзных билетов у крестьян—членов союзов. Кулаки не скупились: они платили за билет до 2 тыс. руб. С профсоюзным билетом в кармане они уезжали в соседний округ и «оформлялись» как полноправные члены профсоюзов. Наряду с агитацией за разбазаривание скота, наряду с поджогами и отравлением колодца ядом, кулаки, особенно в Сибири, в пчеловодческих районах решались на уничтожение ульев с пчелами. Так, например, по Кузнецкому округу в Сибири в конце прошлого года было уничтожено 148 тыс. ульев. Кормовые запасы меда продавались на рынке. Злостное уничтожение пчел кулаки сопровождали агитацией против коллективизации и советской власти. Один пчеловод-кулак, уничтожив своих пчел, расколол пополам около полсотни ульев. Мед он вывез на базар, а расколотые колоды разбросал по деревне с надписью: «Оближитесь, пролетарии».

На Кубани применяются другие формы вредительства. Кулаки вырубают фруктовые сады, предупреждая таким образом передачу их в колхозы. Уничтожение своего имущества идет у кулаков наряду с порчей средств производства, находящихся в распоряжении колхоза. Одним из видов такого вредительства является, например, наполнение снопов хлеба, подлежащего обмолоту в машине, камнями и кусками железа. Все эти виды вредительства проводятся в известной степени организованно. Кулаки, используя свой опыт, накопленный в процессе классовой борьбы, особенно на перевыборах сове-

[1]) «Курская Правда» от 19/III-30 г.
[2]) «Вятская Правда» от 14/III-30 г.

тов, применяют те же методы и в отношении колхозного строительства, распространяя всевозможного рода слухи, спаивая отсталые слои крестьянства, выпуская прокламации и т. д. В селе Рождественском (Армавир) в процессе борьбы за организацию колхоза кулаки, напр., расклеили на заборах прокламацию такого содержания: «Долой сплошная коллективизация! Да здравствует свободная жизнь! Граждане, колхозники, уходите из колхозов и бросайте колхозное дело, а то начнется бой против колхозников». Угроза кулаков не подействовала. В селе была проведена широкая массовая кампания и осуществлен прочный союз рабочего класса, бедноты и середняков. Кулак потерпел поражение [1]).

Кулачество в районах сплошной коллективизации стремится использовать анархистские моменты в сознании крестьянства. В этом отношении особенно интересно выступление одного кулака в Сумском округе (Чупоховского района, в селе Олешине). Кулак, выступая против коллективизации, в заключение сказал:

> «Мы выкинули буржуев и помещиков в Черное море, но наша ошибка в том, что стулья остались, а на эти стулья сели другие и ездят теперь к нам свои порядки устанавливать».

Нужно отметить, что агитация этого кулацкого оратора нашла благоприятный отклик среди членов сельсовета и комнезама, которые солидаризировались с речью оратора, сопровождая ее бурными возгласами «правильно». Агитация кулака против колхозного строительства почти повсеместно связана с выступлением против рабочих, едущих из города для помощи беднякам и середнякам в колхозном строительстве. В этом отношении чрезвычайно любопытно по своему содержанию выступление кулака в селе Ново-Александровском, Черно-Курьинского района (Славгород). Этот кулак в своем выступлении говорил следующее:

> «Если вы не ходили голыми и не были голодными, то входите в колхозы. Вы посмотрите, в коммунах все оборваны, получают пайки хлеба, которого хватает только позавтракать. Плохо будет, если вы поддадитесь агитации коммунистов, — они только мягко стелют, но спать вам будет жестко. Только там крестьяне хорошо живут, где нет коммунистов. Если бы крестьяне одумались, бросили бы из'едать друг друга, то можно было бы отказаться от коммунистов и не принимать их в общество. Смотрите, ни один служащий, а также много коммунистов не идут в коммуны. Вы думаете, правда, из Ленинграда едут рабочие, нет, — под их маркой едут бывшие помещики, а мы, крестьяне, опять останемся в условиях барщины» [2]).

Таким образом, в агитации кулака переплетаются нотки анархизма, стремление разорвать связь между городом и деревней, противопоставить крестьянство рабочему классу, противодействовать организующему влиянию социалистической промышленности, натравить крестьянство на фабрично-заводской пролетариат.

Противопоставляя город и деревню, кулачество в то же время стремится там, где это возможно, использовать национальную рознь в своих интересах. В Борском районе (Самара) кулачество сосредотачивает свои силы на разжигании национальной вражды между чувашами и русскими. По отношению к чувашам различные советские организации под влиянием кулачества допускают возмутительные перегибы, которые в совокупности своей вызывают недовольство малых национальностей и срывают колхозное строительство. Достаточно указать несколько фактов. Так, например, при организации ревизии одного сельсовета члены ревизионной комиссии выставили за дверь чуваша, не допуская его к ревизионной работе. Чувашам отказывают в созыве общего собрания по школьным делам [3]). Все эти перегибы, опасаются колхозники, могут повести к развалу колхозов и к возрастанию розни между различными национальностями.

[1]) «Армавирская Коммуна» от 2/III-30 г.
[2]) «Колхозная Правда» от 31/I-30 г.
[3]) «Самарский Колхозник», № 15, за 1930 г.

В этом же направлении работают баи в районах Казахстана, стремясь повлиять на казаков, желающих вступить в русские колхозы. Баи говорят крестьянам-казакам: «Вашими лошадьми и будут работать, загонять их, а потом вас выгонят из русского колхоза и вы останетесь без ничего». И прежде при перевыборах советов в некоторых районах кулаку удавалось использовать национальную рознь в целях проникновения в низовые органы советской власти. И теперь при проведении коллективизации кулачество также стремится использовать национальную рознь, противопоставляя разные нации и эксплоатируя темноту, невежество, безграмотность и отсталость.

Отсталость далеких деревенских уголков дает возможность кулаку очень широко использовать свое уже не раз испытанное оружие — всевозможного рода провокационные слухи. Кулак рассчитывает на запугивание темных масс крестьянства и особенно женщин. Кулацкие выдумки разнообразны. В одних местах они распространяют слухи о «машине, в которой будут сжигать всех старух, чтобы они даром не ели хлеб». В другом месте нашептывают, что весной будет об'явлен набор 4 тыс. девушек для отправки в Китай в уплату за КВЖД. В третьих — этот слух варьируется в том смысле, что будут отправлять только женщин-колхозниц, имеющих более трех с половиной пудов веса, и тоже в Китай для «размножения белой расы». Все эти слухи и измышления действуют на несознательные умы отсталой части крестьянства и особенно женщин, отталкивая их от колхозного движения. В этом отношении чрезвычайно любопытен «курьезный», но не лишенный политического смысла факт», имевший место в деревне Брусянки, Баженовского района (Урал, Свердловский округ). В этой деревне поп организовал массовую продажу билетов... на «тот свет». Билеты продавались трех классов и стоили от 50 коп. до 2 руб. 50 коп. Допускались скидки. Корреспондент сообщает, что кулачье не проявило особого интереса к этим билетам, но зато «с темной забитой бедноты попу удалось собрать значительное количество полтинников» [1]). Здесь необходимо подчеркнуть, что в этой деревне абсолютно не было никакой массовой работы с беднотой и батраками.

Мирная агитация и распространение злостных слухов сочетаются у кулаков с подготовкой террористических актов, с организацией контрреволюционных банд. Кулаки прячут оружие. Так, например, в Шаталовском сельсовете, Солнцевского района (Курск), при раскулачивании у кулаков были найдены армейские винтовки и патроны [2]). Раскулачивание вообще приводит к целому ряду неожиданностей. При раскулачивании, напр., в Борисоглебском округе (ЦЧО) у кулаков было обнаружено несколько центнеров царских кредитных денег. Один кулак, например, накопил полтора миллиона (!) царских рублей. При советской власти он скупал царские бумажки у крестьян в расчете на возвращение старых времен. Расчет на контрреволюцию, на возвращение «былых» времен — одна из характернейших черт в идеологии кулачества.

Тактика кулака в колхозном строительстве с неопровержимой ясностью показывает, что все перегибы и искажения генеральной линии партии в области проведения коллективизации и ликвидации кулачества как класса являются такого рода поступками местных органов советской власти, которых ждет кулак.

[1]) «Комсомольская Правда» от 23/II-30 г.
[2]) «Курская Правда» от 15/III-30 г.

Вполне правильно и своевременно поэтому в обращении ЦК партии о борьбе с искривлениями в колхозном движении сказано, что перегибы и искажения «являются теперь основным тормозом дальнейшего роста колхозного движения и прямой помощью нашим классовым врагам». Кулак сам выступает в том направлении, чтобы подтолкнуть эти органы к всевозможного рода перегибам и извращениям. Основная ставка кулака — привлечь середняка на свою сторону и изолировать бедноту. А поэтому кулак приветствует перегибы в отношении середняка, он добивается перехода на устав коммун без соответствующей подготовки, он разрушает трудовую дисциплину в колхозе и опутывает отсталые слои крестьянства сетью злостных сплетен, натравливая эти массы на рабочий класс, коммунистическую партию и советскую власть.

Анализ тактики кулака должен дать материал для выправления деятельности сельсоветов в связи с массовой коллективизацией и в связи с политикой ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации.

* * *

Коллекивизация и раскулачивание, проводимые в условиях отсутствия массовой советской работы, неизбежно ведут к целому ряду искривлений и перегибов. Массовое обследование деятельности сельсоветов, допустивших в своей работе грубые искажения политики партии и советского государства, неопровержимо доказывает, что развернутая массовая советская работа должна быть одним из основных условий всей работы сельсоветов по коллективизации и раскулачиванию.

Советы являются приводным ремнем между партией — основной пружиной пролетарской революции — и массами трудящегося населения, участие которого в социалистическом строительстве обеспечивает нам темпы и качество социалистической реконструкции народного хозяйства. Сельсовет является одним из таких приводных ремней. Огромнейшая роль приводного ремня может быть выполнена только тогда, когда совет в свою работу втягивает действительно все трудящееся население, а не ограничивается лишь небольшой верхушкой актива, состоящего зачастую лишь из членов совета. В этом отношении необходимо обратить особое внимание на оживление работы секций советов, на вовлечение в эти секции возможно большего количества батрачества, бедноты и середняков, на увязку всей работы этих секций с задачами коллективизации и раскулачивания.

Предпосылкой ликвидации кулачества как класса является его полная изоляция от основных масс крестьянства. Такая изоляция может быть достигнута лишь в результате правильно поставленной массовой советской работы. Секции сельсоветов должны явиться звеном, осуществляющим на практике смычку рабочего класса, батрачества, бедноты и середняков. До сих пор во многих местах мы этого не имеем. Секции существуют лишь на бумаге или охватывают очень незначительную прослойку избирателей. Группы бедноты при сельсоветах работают неудовлетворительно. А сельсовет в целом продолжает в некоторых местах оставаться в стороне от коллективизации, ограничиваясь чисто административными мероприятиями в области раскулачивания. Сельсоветы, члены которых решили вплотную заняться вопросами колхозного строительства, в условиях отсутствия массовой советской работы, естественно, пошли по пути наиболее легкого достижения крупных результатов. Это привело к тому, что они начали обобществлять овец, кур, одеяла и т. д.

Значение массовой советской работы в области коллективизации и раскулачивания было в достаточной степени серьезно оценено противниками коллективизации: кулаками и попами. Любопытный факт имел место в селе

Дунине (Медынского района). Местный поп при организации колхоза провел перевыборы церковного совета. В состав церковного совета было включено трое активных бедняков. Результат не замедлил сказаться: эти бедняки вышли из колхоза и потянули за собой других бедняков и середняков. Почему так получилось, почему попу удалось привлечь на свою сторону бедняков? Причины вскрыты на месте.

Оказывается, во время организации колхоза никакой работы с беднотой в Медынском районе не велось. Колхоз был организован чисто административным путем. Ретивые организаторы колхоза даже оттирали бедноту от участия в колхозном строительстве. Любопытно подчеркнуть одну характерную черту: кулачество в этом районе решилось выступить даже с требованием... о чистке бедноты. Партийцы относились к бедноте с презрением. Так, например, агроном-партиец, исключенный теперь по чистке из партии, на собраниях открыто говорил о том, «что бедноту в президиум выбирать не надо: беднота темна и ничего не понимает в выборах». До чистки партийные организации на деятельность такого рода партийцев не обращали почти никакого внимания. Отсутствие массовой работы советов способствовало тому, что члены партии, выступившие инициаторами организации колхозов, смогли создать колхоз из зажиточных, отказывая в приеме туда беднякам [1]).

Раскулачивание, проведенное без участия масс, отсутствие предварительной массовой советской работы среди бедноты создают такое положение, что мероприятия сельсовета по раскулачиванию остаются висеть в воздухе. Больше того, беднота при таких методах раскулачивания предпочитает оставаться в стороне. Так, например, в Грязовецком районе (Архангельск) были случаи отказа бедноты вселяться в кулацкие дома. В Камьянском колхозе, — пишет селькор, — «один кулацкий дом пустует, так как никто туда не идет. Такой же случай был в Пироговском сельсовете» [2]). О чем говорят эти факты? Они говорят о полном отсутствии массовой работы среди батрачества и бедноты, о чисто аппаратных методах раскулачивания, о неподготовленности основных масс крестьянства к мероприятиям советской власти. Невнимательность по отношению к массовой работе дает себя знать на каждом шагу: любое важное мероприятие сельсовета, проведенное в обход и вне связи с массовой работой, превращается в мероприятие, тормозящее коллективизацию и срывающее раскулачивание.

Кулак чувствует себя особенно развязно там, где нет массовой работы сельсоветов. В этих условиях ему удается иногда добиться больших результатов. Следующий любопытный случай был, например, в селе Ревино, Золотовского кантона (Покровск): под влиянием кулаков общее собрание граждан села вынесло постановление о выселении... бедноты. Любопытны мотивы этого постановления: решение мотивируется тем, что «в селе нет продовольственных излишков» [3]).

На данном этапе колхозного строительства особенное внимание кулак обращает на агитацию среди женщин. Кулак ведет с женщинами огромную массовую работу. К сожалению, мы должны признаться, что массовой кулацкой работе с женщинами мы не противопоставляем массовой советской работы. Женщин в секции сельсоветов втянуто очень мало. В группах бедноты при сельсоветах совершенно отсутствуют беднячки. А между тем женщины, составляющие половину населения деревни, в вопросах коллективизации и раскулачивания играют и будут, несомненно, играть огромнейшую роль. Что делает кулак для того, чтобы организовать женщин против кол-

---

[1]) «Рабочий Путь», Смоленск, от 7/III-30 г.
[2]) «Северная Коммуна» от 3/III-30 г.
[3]) «Поволжская Правда», Саратов от 3/II-30 г.

лективизации? Кулаки воздействуют на женщин, используя их религиозные чувства. Попы провокационно «отказываются» служить в случае организации колхоза. Это служит темой серьезных разговоров на собраниях верующих, состоящих в большинстве своем из женщин. Кулачество и духовенство предпочитают закрытые женские собрания, не допуская туда мужчин. Кулаки и подкулачники созывают нелегальные собрания женщин с целью противодействия колхозному строительству. При раскулачивании кулаки прежде всего обращаются к женщинам, пытаясь вызвать у них сочувствие и организовать их для своей защиты [1]).

На работу среди женщин в процессе организации массовой советской работы необходимо обратить самое серьезное внимание. «Исключительное значение,—пишет «Правда» в передовой от 18/III,—в последние дни приобрел женский вопрос в деревне. Многочисленные факты указывают на использование женской отсталости и неорганизованности кулачеством, главным образом, через своих жен и дочерей. Наша неумелость вести работу среди женщин сильно помогает кулаку».

При проведении сплошной коллективизации кулак, не решаясь сам на открытое противодействие, запугивает женщин «колхозными ужасами» и мобилизует их на выступление против коллективизации. Так, например, в селе Окоровском, Одоевского района, кулаки организовали толпу женщин и устроили антиколхозную демонстрацию. Лозунгом этой демонстрации было: «Да здравствует советская власть, но без колхозов». Местные организации не вели никакой массовой работы с женщинами. Больше того, они были настолько оторваны от жизни населения своего села, что самая демонстрация явилась для них неожиданностью, о подготовке которой они ничего не знали. Массовая демонстрация против кулачества была организована бедняцко-середняцкими массами соседнего села. Бедняцко-середняцкие массы из соседнего села собрали в селе Окоровском многочисленный митинг, где была раз'яснена тактика кулаков и принято решение о слиянии сел в один колхоз [2]). Различие положения этих двух рядом находящихся сел, из которых в одном была организована кулацкая контрреволюционная демонстрация против колхозов, а в другом — бедняцко-середняцкая революционная демонстрация за колхозы, заключалась в том, что в одном из них была поставлена массовая советская работа, а в другом эта работа совершенно отсутствовала.

Все эти примеры убеждают нас в том, что основным условием коллективизации и раскулачивания должно явиться оживление деятельности сельсоветов в области организации массовой советской работы. Секции сельсоветов, группы бедноты и производственные совещания при сельсоветах, собрания крестьянского актива, совещания женщин и молодежи, расширенные пленумы сельсоветов и т. д.— все эти формы массовой советской работы должны быть использованы для того, чтобы втянуть основные массы деревни во все мероприятия сельсовета по вопросам коллективизации и раскулачивания.

* * *

При изучении вопроса о причинах отстранения сельсоветов от колхозного строительства было выяснено, что социальный состав сельсоветов во многих отношениях является неудовлетворительным для разрешения задач, ставших в процессе массовой коллективизации сельского хозяйства. Изменение социального состава сельсоветов путем досрочного отзыва неработоспособных и извращающих классовую линию депутатов сельсоветов и пу-

[1]) «Тверская Правда» от 12/III-30 г.; «Волжская Коммуна» от 16/II-30 г., Самара; «Северная Коммуна» от 26/II-30 г., Архангельск; «Призыв» от 18/II-30 г., Владимир.

[2]) «Коммунар» от 23/II-30 г., Тула.

тем досрочных частичных перевыборов — значительно изменило отношение сельсоветов к вопросам коллективизации. Однако, последнее время сельсоветами было совершено чрезвычайно много ошибок при проведении коллективизации и при ликвидации кулачества как класса. Все эти ошибки и перегибы в значительной степени об'ясняются отсутствием массовой работы. У работников сельсоветов нет умения и опыта организовать массовую советскую работу, втянуть в нее основные массы крестьянства, сплотить их вокруг мероприятий советской власти и направить их организованную силу против кулачества и духовенства. Массовое действие трудящегося населения заменялось административным порывом. Волна колхозного энтузиазма среди крестьянства разбивалась о бюрократически-чиновничье отношение к вопросам колхозного строительства. Стремление батрачества и бедноты и усилия колхозников к правильному проведению политики раскулачивания срывались формальными мероприятиями сельсоветчиков, заботящихся не о реальных процессах жизни, а о бумажных цифрах, думающих больше не о правильной классовой линии, а о хорошем канцелярском отчете.

Социальный состав сельсоветов является основной причиной, об'ясняющей недостатки и отсутствие массовой советской работы и искажения классовой линии в процессе коллективизации и раскулачивания. Однако, огромное значение имеет также и подготовка работников по советскому строительству. До сих пор у нас эта подготовка почти совершенно отсутствовала. Курсы по советскому строительству проводились от случая к случаю. На создание хорошей учебной литературы и на подготовку преподавателей по советскому строительству не обращалось почти никакого внимания. В результате — мы не имеем ни хороших учебников, ни достаточно подготовленных преподавателей, ни удовлетворительно поставленных курсов по советскому строительству. В последнее время ВЦИК издал закон о подготовке работников по советскому строительству. Этот закон предусматривает организацию центральных, областных и окружных курсов и специальных научно-учебных учреждений для подготовки работников в этой области. Партийные и советские организации должны обратить особое внимание на более скорое проведение этого закона в жизнь.

В целях улучшения работы местного советского аппарата ЦКК—РКИ выдвинуло идею о реконструкции госаппарата путем сокращения функций (и штатов) областных и окружных центров наряду с увеличением и расширением функций (и штатов) районных исполнительных комитетов. Эта идея нашла свое практическое осуществление в опытно-показательных округах [1]). Результаты организации и работы этих округов должны быть самым тщательным образом изучены. В опытно-показательных округах удалось добиться путем перераспределения функций, большого сжатия окружных аппаратов и увеличения аппаратов риков. Рики получают не только ценных работников, но и материальные средства для улучшения своей работы. Это мероприятие ведет к приближению госаппарата к массам населения, к сокращению передаточных инстанций, к искоренению целого ряда причин, порождающих бюрократические извращения, содействует улучшению работы низового советского аппарата и дает возможность действительно широко развернуть массовую советскую работу, что особенно необходимо теперь, в период социалистической реконструкции народного хозяйства.

---

[1]) Опыт организации показательных округов дан в брошюре тов. В. Гроссмана — «Опытно-показательные округа». Институт советского строительства и права. 1930 г.

К вопросу о соединении промышленности с сельским хозяйством.

Проблема изживания противоположности между городом и деревней, проблема слияния в высшем единстве промышленности и сельского хозяйства становится теперь в СССР чрезвычайно актуальной.

Противоположность между городом и деревней зародилась значительно ранее возникновения капитализма. Капитализм только усилил, углубил эту противоположность.

> «Она начинается, — писали Маркс и Энгельс, — вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного быта к государственной жизни, от местности к нации и тянется через всю историю цивилизации до нашего времени... В городе мы имеем перед собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне мы наблюдаем диаметрально противоположный факт изолированности и обособления. Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности» [1].

Если в прошлом отделение города от деревни, отделение промышленности от сельского хозяйства наряду с отрицательной стороной (эксплоатация деревни городом) играло и прогрессивную роль (развитие производительных сил, под'ем культуры), то теперь, когда создались в мировом хозяйстве материальные предпосылки для уничтожения этой противоположности, для слияния в высшем единстве промышленности с сельским хозяйством, чего требует само дальнейшее развитие производительных сил,—капитализм этой противоположности уничтожить не может.

Бесконечное количество препятствий на этом пути ставит частная собственность. Она не позволяет уничтожить эксплоатацию деревни городом; обрекает сельское хозяйство на состояние раздробленности (замедляет в нем процессы концентрации), не допускает планового ведения хозяйства с рациональной эксплоатацией всех естественных ресурсов и с правильным распределением всей наличной рабочей силы в стране, не допускает преодоления сезонности с.-х. труда; она не сможет через слияние в высшем единстве промышленности с сельским хозяйством открыть каналы для невиданного еще в истории развития производительных сил, ибо этому мешают условия реализации в капиталистическом обществе. Она стоит препятствием на пути к новому коллективному быту [2].

Вот почему, хотя технические предпосылки для соединения промышленности с сельским хозяйством к данному времени создались и в буржуазном обществе (электрическая энергетика, система машин в сельском хозяйстве, высокий уровень индустриализации в передовых странах и т. п.),

---

[1]) Архив Маркса и Энгельса, кн. I, стр. 234.

[2]) «Устройство общего домохозяйства предполагает развитие машинизма, использование сил природы и развитие многих других производительных сил, как, например, водопроводов, газового освещения, парового отопления (рукою Маркса: отмену города и деревни) и т. д. (Архив Маркса и Энгельса, кн. I, стр. 242).

все же нет для этого и не может быть при капитализме социальных предпосылок.

> «Только общество, — писал Маркс, — способное гармонически приводить в движение свои производительные силы согласно единому общему плану, в состоянии организовать их так, что будет возможно равномерно распределить крупные промышленные предприятия по всей стране, сближая фабричное производство с сельскохозяйственным, как это необходимо для развития и сохранения производительных сил».

Но такое общество может возникнуть только после победы пролетарской революции.

Маркс и Энгельс писали, что:

> «Уничтожение противоречия между городом и деревней является одним из первых условий коллективности, условием, которое в свою очередь зависит от массы материальных предпосылок и которое, как всякий видит, сразу же не может быть осуществлено одной только волей (эти условия должны быть еще развиты)» [1].

Таким образом, уничтожение противоречия между городом и деревней является одним из первых условий коллективности. В СССР этот процесс начался. Пролетарская революция в нашей стране сначала покончила с эксплоатацией деревни городом (как известно, последнее получило свое развитие при капитализме). Она национализировала банки, промышленность, транспорт, землю, передав их в общественную собственность, провозгласила диктатуру пролетариата и на этой основе установила иные взаимоотношения между городом и деревней. Это были самые главные, общие предпосылки. Но этих предпосылок было еще недостаточно для того, чтобы приступить вплотную к уничтожению противоположности между городом и деревней, к соединению промышленности с сельским хозяйством. Необходимо было еще достижение значительного, а затем и высокого уровня индустриализации страны, необходимо было уничтожение частной собственности на основные средства производства в с е л ь с к о м х о з я й с т в е, необходимо было распространение планового начала на все без исключения отрасли народного хозяйства, необходима была организаторская помощь со стороны рабочего класса деревне. Последние предпосылки частью уже созданы и создадутся в ближайшее время.

Наша промышленность на много перевалила за довоенный уровень и овладела темпами, которые обеспечивают достижение высокого уровня индустриализации в минимально короткие сроки. Сплошная коллективизация, которая уже теперь охватила около половины крестьянских хозяйств в СССР, наряду с ликвидацией кулачества как класса, и вместе с этим имеет тот глубокий смысл, что последняя и притом одна из крупнейших отраслей народного хозяйства втягивается в сферу непосредственного планирования, превращается в отрасль промышленности. В связи с этим мы получили возможность десятки тысяч пролетариев, десятки тысяч техников, агрономов и т. п. уже направить на помощь по-социалистически перестраиваемой деревне.

Все это и создает теперь те необходимые условия, которые позволяют ставить проблему соединения промышленности с сельским хозяйством на практическую почву.

* * *

Ч т о з а с т а в л я е т н а с с е й ч а с у д е л и т ь э т о й п р о б л е м е б о л ь ш о е в н и м а н и е?

В о - п е р в ы х, разрешение проблемы энергетики. Теперь, когда во всех советских республиках, во всех областях нашего Союза будет развертываться крупное промышленное строительство, когда весь СССР превращается

---

[1]) Архив Маркса и Энгельса, кн. I, стр. 234.

в индустриальный [1]), вопрос энергетической базы становится, как один из самых основных вопросов нашего хозяйственного строительства. Но разрешить этот вопрос можно успешнее всего при том условии, если сеть новых крупнейших районных электростанций будет рассчитана на одновременное обслуживание всех отраслей народного хозяйства. Именно такая установка давалась планом Гоэлро.

> «Жизненно-практическое решение вопроса электрификации народного хозяйства возможно лишь при гармоническом обслуживании районными электрическими станциями всех разнообразных видов потребителей электрической энергии» (130).

Известно, что чем крупнее электростанция, чем она полнее и равномернее загружена, тем дешевле обходится та энергия, которую она поставляет. Это относится не только к гидросооружениям, но и, тем более, к паровым станциям. Обслуживание только одной отрасли народного хозяйства не обеспечивает равномерной нагрузки электростанций. Это достигается при питании энергией всех отраслей хозяйства в данном районе. К примеру, в ту часть суток и в ту часть года, когда энергия не потребляется или в меньшей степени потребляется промышленностью, ее можно использовать на обслуживании мелиоративных сооружений, электропахоты, для усиленных транспортных перевозок и т. д. В летний период, при отпусках рабочих в промышленности и сокращении потребления энергии на освещение, нагрузка станций компенсируется обслуживанием электроэнергией сельского хозяйства, где требования на электроэнергию концентрируются преимущественно в этот период. Именно электрификации будет принадлежать решающая, всеопределяющая роль в соединении промышленности с сельским хозяйством. На энергетической основе сельское хозяйство включается в единый производственный процесс.

Н о т а к л и а к т у а л ь н а д л я н а с п р о б л е м а э л е к т р и ф и к а ц и и с е л ь с к о г о х о з я й с т в а? Действительно ли сельское хозяйство в ближайший период может пред'явить громадные требования на электроэнергию? Такие недоуменные вопросы часто задают некоторые товарищи. Мы думаем, что подобные позиции об'ясняются только недоучетом всех наших реконструктивных возможностей и тех требований, которые скоро пред'явит индустриализирующееся народное хозяйство СССР. Нам уже приходилось высказываться об актуальности проблемы электрификации сельского хозяйства [2]). Мы не будем здесь повторять того, что говорили, приведем только несколько новых доводов. Если даже исключить наиболее спорный вопрос — об электропахоте (хотя мы присоединяемся к тем товарищам, которые стоят за возможность широкого применения электропахоты) все же для применения электроэнергии в сельском хозяйстве открываются громадные перспективы. Эти перспективы идут прежде всего по линии обслуживания растущей быстрейшим темпом индустрии по переработке с.-х. продуктов, по линии подведения энергетической базы под животноводство, садоводство, огородничество и т. п. Но особенно гигантскими эти перспективы открываются по линии всякого рода мелиоративных сооружений. Через ближайшие два года мы освоим весь удобный пахотный фонд. Дальнейшее освоение новых земель,—а без этого мы не можем разрешить проблемы сырья, потребность в котором возрастает во много раз, не можем удовлетворительно разрешить проблемы снабжения и экспорта, не можем дальше итти в под'еме урожайности, не можем придать большей устойчивости с.-х. производству—

[1]) У нас скоро совсем не будет типичных с.-х. районов. Бывшие такими ЦЧО, Нижняя Волга, Средняя Азия, Сибирь, Северный край намечены также к превращению их в крупные индустриальные центры. Даже Казакстан и Средняя Волга стоят накануне крупнейшего развертывания индустрии.

[2]) «Правда» 28/XII—29 г.

можно осуществить только через широчайшую сеть всякого рода мелиоративных сооружений. Гигантские ирригационные сооружения Днепра, бассейна Волго-Донской системы, системы рек между Каспием и Черным морем, в Средней Азии, широкая сеть мелиоративных сооружений в северной, западной и центральной полосе Союза не только введут в обработку десятки миллионов новых земель, но и поднимут на много, часто в несколько раз, урожайность на старых пахотных землях. Они позволят поднять на невиданную высоту интенсификацию всего сельского хозяйства. Орошение только одного Заволжья может дать товарную продукцию зерновых культур, равную продукции нынешней УССР. Но сделать это можно лишь при помощи самой дешевой и почти не знающей границ к увеличению электроэнергии [1]). Никакие другие силовые сооружения не в силах произвести эту невиданную техническую революцию в сельском хозяйстве. Громадные заболоченные пространства, засушливые безбрежные края, полупустыни нашего СССР при помощи электроэнергии мы превратим в цветущие края самой высокой с.-х. культуры. Но это мы можем выполнить только при условии, если уже теперь во всем электростроительстве учтем в качестве громадного потребителя сельское хозяйство, если от строительства карликовых станций перейдем к строительству крупных, если будем в электрическом проводе видеть мощный рычаг к уничтожению противоположности между городом и деревней.

В о-в т о р ы х, проблему соединения промышленности с сельским хозяйством выдвигают вопросы правильной организации труда. Высокий темп индустриализации, развернутое гигантское строительство пред'являют и еще больше будут пред'являть гигантские требования на привлечение рабочей силы из сельского хозяйства в индустрию.

Мы уже теперь испытываем затруднения с рабочей силой для строительства и для других сезонных отраслей промышленности (торфоразработки, лесозаготовки и т. п.). Через год — два требования на рабсилу для сезонных отраслей промышленности больше чем удвоятся. Но требования на добавочную рабсилу будут возрастать для всех отраслей промышленности. Они особенно будут напряженными на ближайшем этапе реконструкции. С другой стороны, полное и рациональное использование рабочей силы, имеющейся в деревне — при прогрессирующей механизации всех отраслей сельского хозяйства — невозможно без частичного отвлечения ее в промышленность.

Известно, что имевшаяся в сельском хозяйстве рабочая сила использовалась только примерно на $1/3$. У нас теперь нередко распространены взгляды, что массовая коллективизация открывает такие возможности для использования рабочей силы деревни в сельском хозяйстве, что в ближайшее время не только будут поглощены все наличные рабочие руки в самой деревне, но мы встретимся даже там с недостатком рабочей силы. Изживание так наз. аграрного перенаселения может быть найдено, мол, и без отхода значительной части колхозников в промышленность. Эти взгляды глубоко ошибочны и даже реакционны. Обычно мотивируют, что развитие интенсивных отраслей в колхозах сильно повышает трудоемкость сельского хозяйства. Но при этом забывают, что механизация этих интенсивных отраслей очень скоро в несколько раз понизит их трудоемкость. А мы теперь в интересах индустриализации страны будем всемерно форсировать механизацию с. х. Частично мы парализуем это понижение трудоемкости раз-

[1]) Мелиоративные сооружения с паровыми двигателями кажутся теперь варварством перед электрифицированными сооружениями. Для паровой установки надо подвозить уголь, воду, рабочему приходится работать в трудных условиях, требуется много рабочей силы. На электрифицированной мелиоративной установке не надо ни топлива, ни воды, один рабочий может обслужить десятки установок.

витием интенсивных отраслей вширь. Но этого одного недостаточно, требуется отвлечение крупных отрядов рабочей силы в промышленность. Дальше утверждают, что само гигантское строительство в колхозах пред'явит огромные требования на рабочую силу. Это верно; но оно займет все же только некоторую часть колхозников, только специально выделенные на это отряды. При чем на ближайшие несколько лет по линии колхозов должно быть исключено широкое жилищное строительство, тем более новое географическое размещение селений. На данном этапе это не в интересах самой реконструкции сельского хозяйства, не в интересах индустриализации страны. Строительство надо ограничить преимущественно хозяйственными постройками и культурными учреждениями. Это еще больше выявит свободные рабочие руки в деревне. Только при отсутствии правильной организации труда в колхозах может не найтись в тех или иных районах избыточной рабочей силы в деревне. Выделение рабочих рук в промышленность, организация отхода теснейшим образом связаны с полным и рациональным использованием рабочих рук коллективизирующейся деревни. Многими также забывается, что преодоление сезонности с.-х. труда, занятого во всех отраслях сельского хозяйства (за исключением некоторых животноводческих), не может быть разрешено без соединения сельского хозяйства с промышленностью. В интересах самих колхозов необходимо выделить значительные кадры рабочей силы в индустрию для производства технического вооружения рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве. Только при этом условии мы можем во столько раз умножить производительность с.-х. труда, что доведем ее до уровня возросшей производительности индустриального труда. А это есть одно из основных условий к изживанию противоположности между городом и деревней [1]). Отвлечение излишней рабочей силы из деревни в индустрию,

[1]) Интересно в связи с этим привести здесь расчеты Баллода о потребной рабочей силе в его проекте организации общественного, социализированного производства Германии. Требуется Германии в отрасли производства средств производства при переходе на обобществленное производство (в тыс. чел.):

ОТРАСЛИ ПРОИЗВОДСТВА	Постоянных регулярных рабочих	Добавочн. колич. в течен. переходн. периода	
		Ежегодно в течение 2 лет.	5 лет
Горнозаводское дело	468	—	—
Железоделательные заводы	280	400	—
Кирпичные заводы	100	—	200
Цементные заводы	100	—	250
Каменщиков и подавальщиков	250	—	1100
Производство тонких изделий из железа	200	—	500
Машиностроение	208	1500	—
Производство по обработке дерева	150	—	850
Строение и сохранение	—	—	500
Судостроение	30	—	100
Оросительные работы и работы по мелиорации	—	500	—
Другие строительные работы	—	—	500

Всего, по его расчетам, необходимо постоянных и регулярных рабочих для промышленности 6.964 тыс. чел., добавочного количества в течение переходного периода для отраслей, производящих средства производства и для строительства ежегодно в течение 2-х лет 2.400 тыс. ч., в течение пяти лет—4.150 тыс. ч. В сельское хозяйство, по его расчетам, потребуется постоянных рабочих всего около 2 млн. чел. или только около ¼ всех постоянных рабочих. (Баллод.—Государство будущего. Изд. 1920 г., стр. 145—149).

преодоление сезонности сельскохозяйственного труда, на основе соединения сельского хозяйства с промышленностью, явится нашим новым колоссальнейшим резервом, способствующим ускорению темпа индустриализации страны, который перекроет даже те резервы, какие мы недавно пускали в ход (7-часовой рабочий день, переход на непрерывку). Актуальность разрешения этой проблемы для всего дела социалистического переустройства деревни — очевидна. Рациональное и полное использование рабочей силы деревни есть один из решающих путей к закреплению коллективизации. С разрешением этой проблемы связано теперь преодоление основных трудностей в колхозном движении, в конечном счете от нее будет зависеть и процесс перерастания колхозов в предприятия последовательно-социалистического типа.

В-третьих, проблема специализации сельского хозяйства, только на путях которой мы и добьемся высокой товарности с.-х. продукции, включения с.-х. предприятий в социалистическое разделение труда — неразрешима без преодоления сезонности с.-х. труда. 2 месяца работы в году при механизированном полеводстве не обеспечат колхознику высокий уровень жизни в течение целого года. Колхозы будут сбиваться вследствие этого на универсализм отраслей, будут придавать своему хозяйству потребительский уклон. Ибо при малой нагрузке в году своей рабочей силы, при ограниченном в результате этого годовом заработке они для сносного существования должны будут преимущественно нажать на потребление производимой у себя продукции примерно по ценам себестоимости, сильно снижая уровень накоплений для расширенного воспроизводства. Преодоление сезонности с.-х. труда невозможно только на путях производственных процессов в сельском хозяйстве. Извозные промысла, снегозадержание, возведение с.-х. построек и т. п. займут только некоторую часть свободного времени. Основное и решающее здесь лежит только по линии соединения промышленности с сельским хозяйством.

В-четвертых, разрешение проблемы социалистического быта для всего населения нашей страны, проблемы, которая также скоро встанет в число актуальных проблем, тоже упирается в изживание противоположности между городом и деревней, в соединение промышленности с сельским хозяйством. У нас будет развертываться строительство целой сети новых городов, культурных центров, и в эту проблему упирается теперь ряд многих других важнейших проблем нашего строительства. Мы здесь делаем только небольшую попытку несколько поставить эту проблему.

Формы соединения промышленности с сельским хозяйством.

Кроме общей энергетики, мы можем иметь примерно пять следующих форм более тесного соединения промышленности с сельским хозяйством: 1) промышленность, перерабатывающая разнообразные виды с.-х. сырья; 2) мелкая (кустарная) промышленность; 3) сезонные отрасли добывающей и строительной промышленности; 4) гигантские промышленные комбинаты в окружении агроиндустриальных комбинатов; 5) некоторые виды машиностроения.

Остановимся несколько на этих формах связи.

Промышленность, перерабатывающая с.-х. сырье.

Прежде всего, здесь надо сказать об отраслях с.-х. индустрии. К ней мы обычно относим те отрасли переработки с.-х. продуктов или первичной обработки сырья в полуфабрикат, которые органически связаны с сельским хозяйством, оказывают непосредственное реконструирующее влияние на сырьевую базу, работают на малотранспортабельном сырье. С.-х. индустрия

прежде, за исключением немногих отраслей (сахарная, мукомольная, винокуренная, маслобойная), была чрезвычайно слабо развита и захватывала узкий круг тех районов, где по климатическим, почвенным и экономическим условиям возможно было производство того или иного вида сырья для переработки.

Помимо того, что недостаточное развитие большинства отраслей с.-х. индустрии задерживало рост соответствующих отраслей сельского хозяйства, народное хозяйство, даже при прежнем уровне производства сырья, терпело крупные издержки от примитивной первичной обработки и переработки с.-х. продукции, от отсутствия индустриальных форм производства в тех или иных отраслях. Эти потери исчислялись многими сотнями миллионов рублей ежегодно [1]). Только устранением одних этих потерь мы в некоторых отраслях целиком, а в других в значительной части покроем необходимые капитальные вложения на индустриализацию переработки. Но мы должны будем в ближайший период бешеным темпом развивать большинство отраслей с.-х. индустрии, главным образом, потому что в это упирается разрешение проблем реконструкции самого сельского хозяйства, рабочего снабжения, сырьевой проблемы и проблемы экспорта. Такие темпы вполне возможны и обязательны для нас при тех отличительных особенностях, которыми будет сопровождаться развитие с.-х. индустрии в реконструктивный период. Они суть следующие:

1) развертывание с.-х. индустрии на базе быстро прогрессирующей механизации в большинстве отраслей сельского хозяйства. Это стимулирует широкое развертывание сырьевой базы;

2) ликвидация капиталистической верхушки деревни в поставках сырья и громадное преобладание, а скоро и полное господство обобществленного сектора (это дает усиление специализации, повышение товарности, сокращение оседания, особенно растительного сырья);

3) продвижение с.-х. индустрии в новые районы и новые виды сырья (кукуруза, соя, кенаф, кендырь и т. п.);

4) строительство с.-х. индустрии в гнездовом порядке (что дает экономию на капитальных затратах, создает общую энергетику и т. п.);

5) возможность большой мобилизации средств населения и преобладания их доли в общих затратах;

6) рост продуктивного животноводства в ближайшее время как результат общих реконструктивных сдвигов в сельском хозяйстве;

7) усиление планового начала в сельском хозяйстве и специализация отдельных с.-х. районов;

8) сращивание в единый хозяйственный организм перерабатывающих предприятий со своей сырьевой базой.

---

[1]) Так, например, по подсчетам проф. Шапошникова, от недовыхода волокна из льняной соломы, плохой выработки волокна и потери ценных элементов в костре, благодаря примитивной технике обработки льна наше народное хозяйство даже при довоенном уровне льняных посевов ежегодно теряло около 100 млн. руб.

По разным подсчетам, потери от убоя скота примитивным способом, когда терялись или плохо использовались многие отходы, потери в весе от массовой перевозки скота по ж. д., мы ежегодно теряли свыше сотни миллионов рублей.

От того, что мы позволяли курице «роскошь» самой высиживать яйца (от отсутствия инкубаторов), мы теряли ежегодно 100 млн. руб. (благодаря раннему прекращению яйценоскости, позднему выводу цыплят и т. п.).

Потери от крайне мизерной переработки плодов, от недостаточной переработки овощей оцениваются свыше 100 млн. руб.

Потери от недовыхода жира из маслосемян от примитивной кустарной переработки оценивались многими десятками миллионов рублей.

По наметкам пятилеток весны 1929 г. предполагалось произвести капитальных вложений в с.-х. индустрию по линии ВСНХ, торговой, кооперативно-колхозной и совхозской индустрии около 2 млрд. руб., т.-е. основной капитал ее должен был примерно удвоиться.

Вся продукция ее доводилась до 6 млрд. рублей или показывала почти утроение. В сравнении с довоенными эти темпы кажутся гигантскими. Но эти наметки через полгода оказались по многим отраслям чрезвычайно недостаточными. Теперь выясняется с полной очевидностью, что капитальные вложения в с.-х. индустрию уже в это пятилетие должны быть минимум увеличены в два раза [1]). Возможности для этого лежат по линии большей мобилизации ресурсов самого населения. Прежде средства населения составляли 15 — 20%, по пятилетке они проектировались в размере 25 — 30%, теперь они могут составить 75—80%. Сейчас в связи с массовой коллективизацией можно на развитие с.-х. индустрии ежегодно мобилизовать сотни миллионов рублей средств населения (взносами, авансированием труда и т. п.). В росте переработки с.-х. продукции чрезвычайно заинтересовано само население.

Сел.-хоз. индустрия есть один из решающих рычагов развития технических культур, садоводства, огородничества, а теперь и большинства животноводческих отраслей. Она разрешает проблему использования рабочей силы в деревне не только стимулированием данных интенсивных отраслей, но и преодолением сезонности с.-х. труда. В свободное от полевых работ время, особенно поздней осенью и зимой, значительная часть рабочей силы будет занята на переработке с.-х. продукции. На этот счет мы имеем яркие доказательства. Например, в коммуне «Живой колос», успевшей обрасти перерабатывающими предприятиями, колебания в нагрузке рабочей силы между максимумом и минимумом выражаются как 1 : 2, в другой же—«Заря социализма», где этих предприятий нет — колебания выражаются отношением 1 : 11,5. Это свидетельствует о той большой роли, которую с.-х. индустрия играет в преодолении сезонности с.-х. труда [2]).

Конечно, не вся производимая в колхозах продукция должна быть обязательно здесь же переработана. Даже не каждый крупный агроиндустриальный комбинат (с площадью в 100 — 200 тыс. га) обязательно должен иметь у себя законченный процесс переработки. Например, в хозяйствах, производящих лен, хлопок, кенаф, рациональнее на месте только первичная обработка (льнообделочные, хлопкоочистительные и т. п. заводы), а переработка их в готовые изделия может производиться на круп-

---

[1]) К примеру: Госплан предполагал по пятилетке всех вложений в животноводческие отрасли с.-х. индустрии 625,3 млн. р., а теперь выяснилось, что в одном 1929/30 г. будет вложено свыше ⅓ всех запроектированных вложений! В консервную промышленность прежде предполагалось вложить около 50 млн. руб., теперь намечается около 400 млн. р., продукция ее должна в 8 раз превысить предположения пятилетки. Наша консервная промышленность в короткий срок догоняет американский уровень, становится крупной отраслью. Вложения в промышленность по обработке льна мы должны минимум утроить, поскольку посевная площадь под льном-долгунцом вырастет в 1932/33 г. по сравнению с предположениями пятилетки в три раза. Значительно должны возрасти вложения и в сахарную промышленность. По варианту пятилетки Сахаротреста, с весны 1929 г. намечалось производство сахара в 1932/33 г. 3 млн. тонн, теперь, по недавно пересмотренной пятилетке, намечается: свекловичного 3,9 млн. тонн и кукурузного 0,5 млн. тонн, т.-е. увеличение программы на 50%, что вызовет дополнительные реконструктивные мероприятия по старым заводам и строительство новых.

[2]) Конечно, роль переработочной индустрии в коммуне «Живой колос» в устранении колебаний загрузки рабочей силы в соотношении 1 : 2 несколько преувеличена, ибо коммуна перерабатывала не только свое, но и часть чужого сырья. Но, если даже принять во внимание некоторые поправки — все же бесспорной должна быть признана на ее примере крупная роль с.-х. индустрии в полной и равномерной загрузке рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве.

нейших предприятиях или в группе предприятий, перерабатывающих сырье в основном в районах концентрации текстильной промышленности. Даже некоторые крупнейшие предприятия с.-х. индустрии, перерабатывающие транспортабельное сырье, или где понижение издержек от укрупнения предприятий перекрывает расходы по транспортировке, могут одновременно являться межрайонными предприятиями (крупные мельницы, бэконные фабрики, мясохладобоенные комбинаты, некоторые виды консервной промышленности). Хотя чисто индустриальные предприятия, перерабатывающие отбросы с.-х. производства, могут иногда быть разбросаны по стране, быть тесно увязанными с сельским хозяйством. К примеру, назовем производство искусственного шелка из стеблей кукурузы (вискозная промышленность), бумажную промышленность из кукурузной целлюлозы и ряд отраслей по переработке кукурузных кочерыжек.

Особо крупное значение должна иметь вискозная промышленность (она не только ослабит напряженность нашей потребности в текстильном сырье, но имеет крупное значение для обороны страны). А ведь посевы кукурузы в целях развития животноводства у нас скоро будут занимать десятки миллионов га! Значит, сильно возрастет сырьевая база для многих отраслей промышленности, при условии приближения их к данной сырьевой базе с сохранением, однако, трестовской формы организации и управления. Мы стоим еще только в самом начале возникновения целой группы новых отраслей промышленности, утилизирующих целиком все сельскохозяйственное сырье [1]), и перед огромным расширением старых отраслей на новом сырье. Мы стоим накануне возникновения широчайшей сети мощных агроиндустриальных комбинатов, которые по промышленному образцу будут перестраивать все наше сельское хозяйство, теснейшим образом увязывая добычу сырья с его первичной обработкой и переработкой, связываясь и по энергетической линии со всей крупной индустрией.

Кустарно-ремесленная промышленность в системе обобществленного сельского хозяйства.

В мелкой и кустарно-ремесленной промышленности было занято в 1928/29 г. 2.951,4 тыс. человек, в 1929/30 г.—3.240,7 [2]) тыс. чел., или столько же, сколько в крупной цензовой промышленности (на 1/I—30 г. в последней занято 3.031 тыс. чел. [3]). На 1930/31 г. кустарно-пром. комитетом ВСНХ число рабочих в кустарной промышленности намечается свыше 4 млн. человек. Куст.-ремесл. промышленность уже теперь дает продукцию на несколько миллиардов рублей [4]). Большинство кустарной и мелкой промышленности сосредоточено в сельских местностях или местечках, преобладающее число промыслов так или иначе связано с сельским хозяйством. Особенно большое распространение кустарно-ремесленная промышленность получила в Московской, Ивановской, Нижегородской, Уральской областях, в некоторых округах БССР, Ленинградской области. Но в тех или иных размерах она есть во всех районах СССР. Этот род промышленности наиболее рассеян по стране и наиболее близко связан с сельским хозяйством.

Надо ли на ближайший период ставить задачу дальнейшего широкого развертывания кустарных промыслов? Ответ на этот вопрос может быть

[1]) Например целая серия предприятий, последовательно утилизирующих все элементы сырья, может возникнуть на переработке кукурузы, сои, есть уже на свекле может быть в переработке молока (по выработке масла и сыра, казеинное производство всевозможные изделия из казеина) и т. п.

[2]) «На Плановом Фронте», № 2, 1930 г., ст. А. Стечкиной.

[3]) I. Угланов — «Правда», 6/III-30 г.

[4]) По данным куст.-пром. комитета ВСНХ, она составит в 1929/30 г. около 5 млрд. р., по наметке Госплана СССР—около 4 млрд. руб.

только один — их надо всемерно развертывать как в интересах индустриализации страны, так и в интересах самой реконструкции сельского хозяйства. Развитие кустарных промыслов не стоит у нас в противоречии с развитием крупной промышленности. Кустарная промышленность или включена в производственный цикл крупной промышленности (отделка, доделка, сборка изделий, производство подсобных материалов для госпромышленности и т. п.), или производит такие виды продукции, которых не производит крупная промышленность, или дает продукцию остро дефицитных стройматериалов и прочие изделия из местного сырья. В конечном счете отрасли кустарной промышленности на базе электрификации будут подниматься на технический уровень крупной промышленности, сливаться со всей промышленностью. Темп индустриализации страны только выигрывает от развития кустарной промышленности.

Во-первых, выигрывает тем, что мы можем в таком случае значительно увеличить производство предметов потребления промышленного характера, без добавочных крупных вложений в соответствующие отрасли легкой промышленности, и тем самым с'экономить лишние средства для вложений в тяжелую индустрию. Во-вторых, кустарная промышленность уже много дает и будет еще больше давать строительных материалов (кирпича, извести, алебастра, черепицы, песка, драни и т. д.). В-третьих, она является дешевой школой массовой подготовки квалифицированных кадров рабочей силы для крупной промышленности. Если мы проследим динамику развития кустарных промыслов за последнее время, то сможем наблюдать, что наибольший темп развития получают отрасли: деревообделочная, обработка минералов, т.-е. отрасли, обслуживающие индустриальное строительство [1]). Но нам выгодно развивать даже производство некоторых видов промышленной продукции для потребления через реконструированные кустарные промысла (коллективные электрифицированные мастерские), чем сразу же строить для этого специальные, крупные предприятия (ибо в последнем случае возможна мобилизация значительных средств самого населения, отпадают затраты на жилстроительство, доля которых в капитальных затратах, как известно, довольно высока). Большое значение кустарная промышленность будет иметь и для обороны страны [2]).

Крупное значение мелкой промышленности для индустриализирующегося сельского хозяйства можно считать бесспорным. Во-первых, для самого реконструируемого сельского хозяйства потребуется громадная масса строительных материалов, которые надо произвести на месте. Во-вторых, потребуется громадное количество разного рода тары и упаковочного материала, которые должна дать преимущественно кустарная промышленность (бочки, ящики, корзины, рогожи,

[1]) В ближайшие годы по контрольным цифрам продукция возрастает (в млн. рублей):

	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.
Обработка дерева	414.2	823,3	987,9
" минералов	189,5	241,2	340,9
Металлообрабатывающая	409,6	437,5	472,5
Текстильная	1468.0	1554.0	1649,5
С.-х. машиностроение	25.3	24,8	2[illegible],5
Обозостроение	33,5	37,0	40,7
Обработка материал. животн. происхождения	12,2	13.3	14,6
Худож. научн. предметы	33,06	36.17	41,6
Топливная	15,24	15,95	16,6
Пищ.-вкусовая	629,4	649,5	654,1

[2]) Особенно по линии развертывания лесохимических промыслов, обозостроения, производства обмундирования, подготовки значительных кадров, которые будут годны в технических войсках.

мешки, веревки и т. п.). В-третьих, кустарная промышленость должна дать и известную часть средств производства для сельского хозяйства (минеральных удобрений, транспортного инвентаря, сетей и веревочного материала, некоторых простейших орудий).

В-четвертых, и это самое главное, мелкая (кустарная) промышленность может сыграть крупную роль в преодолении сезонности с.-х. труда и в разрешении вопроса деревенской безработицы вообще. Известно, что в с.-х. производстве наибольшее напряжение в отношении трудовых затрат выпадает только на некоторые летние месяцы. Рабочая сила, занятая на кустарных промыслах, в этот период может быть занята на с.-х. работах, в остальную часть года в разного рода мастерских. В связи с механизацией полеводства и обобществления быта окажется много излишней рабочей силы в деревне, особенно женского труда. Кустарные промысла явятся одним из каналов, поглощающих эту излишнюю рабочую силу, к наиболее ее полному использованию. При чем, это будет такой канал, который позволяет сочетать использование ее в промышленности и в сельском хозяйстве.

Вот почему надо в связи с массовой коллективизацией деревни не только сохранить и расширить большинство [1]) старых, но и организовать ряд новых промыслов, захватить ими и такие районы, где они до сего времени не получили сколько-нибудь значительного развития (где и характер промыслов в основном сводился к работе на мелких индивидуальных заказчиков из их же сырья или материала). Сплошная коллективизация должна не ликвидировать кустарные промысла, а поднимать их на высшую ступень, и там, где этого не поняли, где недооценили самостоятельной крупной роли кустарной промышленности и в результате, хотя бы временно, снизили в целом продукцию кустарной промышленности, несомненно, допустили в данном вопросе крупную ошибку.

Что значит на основе сплошной коллективизации поднять кустарные промысла на высшую ступень? Это значит, во-первых, их обобществить. Вместо мелких индивидуальных мастерских, построить общественные укрупненные или крупные мастерские. Во-вторых, это значит поднять их на высшую техническую базу, реконструировать, электрифицировать. Электрификация кустарных промыслов поднимает на много производительность труда кустарей и, как показывает практика у нас, чаще всего в несколько раз [2]). До начала процесса сплошной коллективизации только меньшую часть кустарей удалось кооперировать. В ближайший год — два завершится процесс поголовного кооперирования кустарей и полной ликвидации их капиталистической прослойки. Если год назад из кооперированных кустарей меньше трети работало в общих мастерских, то в текущем году будет работать примерно около 40%. Через года два—три всех кустарей можно вовлечь в коллективные мастерские. Общие же «коллективные мастерские технически стоят несравнимо выше,

---

[1]) Некоторые из старых отраслей кустарной промышленности, несомненно, должны быть сокращены, а кое-какие со временем совсем ликвидированы. Например, производство хлопчатобумажных тканей может быть ликвидировано, льняных—сильно сокращено, так как эти отрасли в мелком об'еме производства приводят к огромной растрате труда. Но большинство отраслей кустарной промышленности получают крупный размах

[2]) Так, например, в трикотажно-вязальном промысле после устройства электростанции в Боровичском районе производственные расходы в себестоимости изделий снижены при размотке пряжи с 21 к. до 1,62 коп. за дюж., при вязании чулок с 1 руб. 36 коп. до 80 коп. за дюж. В Коммунистической вол., Московск. окр., установка мотора в 3 л. силы сразу же заменила 7 чел., что с'экономило в день 20 р. при улучшении качества изделий. Картонажно-кустарная мастерская по установке маленького моторика в 0,75 л. с. повысила производительность труда на 75% («Материалы к перспективному плану развития сельск. и лесн. хоз.», ч. 3, стр. 50).

чем работа на дому. В них не только целесообразно организован труд, но и проведена частичная механизация» [1]). Многие из таких мастерских, как показывает опыт, уже легко превратить и в цензовые крупные предприятия [2]).

Таким образом, уже в ближайшей перспективе кустарная промышленность, благодаря коллективизации промыслов и их электрифицированию, начнет утрачивать свои специфические черты кустарной промышленности, кустарные мастерские будут перерастать в крупные или укрупненные социалистические предприятия, а некоторые отрасли кустарной промышленности даже в целые соответствующие новые отрасли крупной социалистической промышленности, теснейшим образом связанной с индустриальным земледелием. Имея перед собой эту перспективу на фоне электрификации всей страны, мы можем смело итти навстречу широкому развертыванию кустарной промышленности, увеличению во много раз ее общей продукции.

Для того, чтобы обеспечить быстрый рост кустарной промышленности, необходимо работу кустарно-промысловой кооперации самым теснейшим образом увязать с работой колхозной системы. Взаимоотношения между ними теперь уже вырисовываются в следующем виде.

В районах гнездового расположения промыслов, где они составляют основное занятие населения (Кимры, Павлово, Боровичи и т. п.), создаются только промколхозы, которые входят в систему кустарно-промысловой кооперации. Без коллективизации промыслов здесь невозможна и коллективизация сельского хозяйства. В районах, где кустарные промыслы не преобладают, но носят массовый характер (Московский округ, Вятка, Ярославль, Нижний-Новгород и т. д.), там на ряду с колхозами создаются промысловые об'единения, которые входят в соответствующие специализированные кустпромсоюзы. Здесь может быть двойное членство: в колхозе и в промысловой артели. В районах, где промысла носят только подсобный к сельскому хозяйству характер (а таковыми являются большинство районов), там они организуются просто как часть колхозов. Между системой кустарно-промысловой кооперации и колхозной заключаются генеральные договоры, по которым, прежде всего, строго оговаривается распределение рабочей силы по времени года на работах в сельском хозяйстве и в промысловых мастерских (для всех районов). Дальше оговариваются вопросы реконструктивных мероприятий в области сельского хозяйства и производство определенной товарной с.-х. продукции (для первой группы районов), вопросы снабжения неместным сырьем, кредитования, реализации продукции и технической консультации со стороны кустпромсоюзов (для третьей группы), отчисления из заработка членов и прибылей кустарно-промысловых об'единений в фонды колхозов (для второй группы районов) [3]).

Именно при таком взаимодействии работы куст.-пром. кооперации и колхозной системы мощный под'ем кустарной промышленности не помешает дальнейшему развитию сельского хозяйства даже в районах с высоким удельным весом промыслов в народном хозяйстве. С другой стороны, мощный под'ем коллективного сельского хозяйства во всех остальных районах не затормозит широкое развертывание кустарной промышленности. Реконструктивные мероприятия в той и другой отрасли при взаимном сочетании дадут максимальный эффект для всего народного хозяйства СССР.

---

[1]) Стечкина, А. — «На Плановом Фронте», № 2-30 г.

[2]) Цензовые предприятия промысловой кооперации выросли «с одной стороны, благодаря коллективизации и организации новых общих мастерских, с другой—из предприятий госпромышленности, переданных коопсистеме». (Там же).

[3]) Подробнее о взаимоотношениях между кустарн.-пром. кооп. и колхозной системой и о развитии кустарной промышленности по районам см. статьи Я. Никулихина и Миколенко в газете «Социалист. Земледелие», от 16 и 27 марта 30 г.

Связь с сезонными отраслями промышленности (отходничество).

Громадная, все возрастающая масса сезонных рабочих будет требоваться на лесозаготовки, на сплав, торфоразработки, на всякого рода строительство, рыбные промысла, в некоторые ветви химической промышленности и т. п. В 1929 г. в них было занято около 5 млн. чел., в 1930 г. сюда требуется уже свыше 7 млн., т.-е. за один год потребность возросла не менее чем на 40%. Сезонные отрасли промышленности, с одной стороны, дают занятия избыточной рабочей силе деревни вообще, с другой стороны, они все более будут призваны играть крупную роль в полной и равномерной нагрузке рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, т.-е. явятся могучим средством к преодолению сезонности с.-х. труда.

Лесозаготовки дают наиболее тесную связь сельского хозяйства с сезонной промышленностью. В лесных районах Европейской части СССР, в Сибири, на Дальнем Востоке рабочая сила колхозов, тем более агроиндустриальных комбинатов, может быть занята в зимний период почти целиком на лесозаготовках, за исключением только той части, которая будет выделена для ухода за продуктивным скотом (рабочий скот тоже будет занят на лесозаготовках) или на обслуживание общественных учреждений колхозов. Особенно крупную роль в этом деле наряду с лесосельхозами должны сыграть агроиндустриальные комбинаты. И те и другие, благодаря высокой механизации с.-х. производства, позволяют в зимний период подавляющее большинство рабочей силы выделять на лесозаготовки. Государственные лесозаготовительные организации имеют дело не с индивидуальным крестьянином, не с карликовыми колхозами, а с такой мощной организацией, как комбинат, который выступает в роли организатора рабочей силы, дисциплинированность которой сложилась в производстве самого агроиндустриального комбината, который к тому же, наряду с рабочей силой, предоставляет и своих лошадей, подвозит заготовленный на месте фураж. Здесь агроиндустриальный комбинат и государственные лесосельхозы прямо должны органически сочетать сельскохозяйственное производство с лесоразведением, с лесозаготовками и даже, в известной мере, с обработкой древесины.

Сплав лесных материалов, по сравнению с лесозаготовками, потребует меньше рабочей силы и преимущественно ранней весной, захватывая некоторую часть периода полевых работ.

Торфяные разработки захватят районы, расположенные, главным образом, южнее основных лесозаготовительных районов (где об'ем лесозаготовок меньше), ближе расположенных к промышленным центрам (Ленинградская, Московская, Ивановская, Западная, Нижегородская области). Торфяные разработки требуют рабочую силу, главным образом, в летний период и в начале осени.

Сплав и торфоразработки, хотя в меньшей степени, чем лесозаготовки, но все же играют значительную роль в преодолении сезонности с.-х. труда для районов нечерноземной полосы. Они предоставляют работу ранней весной до начала основных полевых работ, в перерывы между весенними посевами, подготовкой земель под озимые и началом сенокоса и уборки, при чем при механизации этот перерыв можно значительно расширить. Если в южных районах существующие разрывы между с.-х. работами, благодаря теплому климату и длительному вегетационному периоду, можно заполнить началом широкой практики получения в году с одной площади двух урожаев, то в большинстве нечерноземных районов при коротком вегетационном периоде это исключено. Здесь разрывы в напряженности с.-х. работ могут быть заполнены преимущественно в сезонных отраслях промышленности. При чем сплав и разработки могут дополнять друг друга, последовательно занимать одну и ту же рабочую силу с ранней весны до дождливого периода осени.

Конечно, рабочей силы, находящейся в районах производства перечисленных работ или в соседних с ними районах — нехватит. Отходом в данные отрасли придется захватить громадную полосу СССР, включая северную часть ЦЧО, Средне-Волжской обл., Уральской и юг Западной области. Но мы должны стремиться к максимальному изысканию рабочей силы в самых районах лесозаготовок, сплава и торфоразработок. Это дает крупную экономию на транспортировке, на обмундировании, известную экономию даже на жилищах, облегчает вопросы снабжения (некоторые виды пищевых продуктов, фуража можно изыскивать на месте), обеспечивает большее постоянство и высокую выучку рабочей силы. К тому же при большей приспособленности ее к климатическим условиям обеспечивает и более высокую производительность труда. Но для того, чтобы громадные избытки рабочей силы в этих районах создать, необходима теперь форсированная индустриализация сельского хозяйства всей нечерноземной полосы. Если в прошлом степень механизации, машинизации, т. н. потребляющих районов была чрезвычайно низка даже по сравнению с нашими южными и восточными районами, то теперь ее надо не только выравнять, но на базе электрификации в некоторых отраслях даже перегнать (в животноводстве). Этого потребуют в ближайшее время интересы индустриализации страны.

Отвлечение рабочей силы на строительные работы необходимо решительно для всех районов. Гигантское строительство теперь начнется по всему СССР. Строительные работы происходят, главным образом, весной, летом и осенью, т.-е. они требуют преимущественно избыточного труда. Но неверно думать, что строительство не играет роли в преодолении сезонности с.-х. труда. Во-первых, зимой данную рабочую силу можно и следует использовать на производстве стандартных строительных деталей (рамы, двери, отесанные камни и т. п.). При чем на производстве этих материалов могут быть заняты не только рабочие-отходники, но и занятые летом на с.-х. работах. И чем скорее мы сумеем это дело организовать в крупном масштабе, тем сильнее повысим темп строительства. Самый отход большой части излишней рабочей силы позволяет, при усиливающейся механизации сельского хозяйства, полнее и равномернее загрузить на с.-х. работах наличные рабочие руки деревни в течение всего годового периода.

Если прежде мобилизация рабочей силы шла стихийно и сезонные отрасли зависели от многих случайностей, а сельское хозяйство часто забрасывалось, то теперь, когда дело мобилизации отходников возьмут в свои руки сами колхозы и вместе с органами Наркомтруда, хозяйственными организациями будут проводить ее организованным, плановым порядком, то на этом пути будет найдено сочетание максимального развертывания сезонных отраслей с максимально быстрым темпом индустриализации самого сельского хозяйства.

Сочетание агроиндустриальных комбинатов с промышленными комбинатами.

Крупнейшее индустриальное строительство, особенно металлургии, и химической промышленности, лесообрабатывающей и химической, химической с каменноугольной и т. п., пойдет в форме создания гигантских индустриальных комбинатов (Днепровский, Магнитогорский, Кеммеровский, Сталинградский, ряд комбинатов на Севере и т. д.). Тенденции к промышленному комбинированию стали сильны даже в капиталистическом обществе.

Если отбросить ряд причин, которые толкают к комбинированию промпредприятий в капиталистическом обществе (как-то: выгоды от общности рынков сырья и рынков сбыта, получения кредита, торгового представительства и т. п.), то все же основные экономические выгоды, лежащие по линии общего энергетического центра, хозяйственного использования всех отбро-

сов, экономии на транспорте, экономии во времени, экономии на общехозяйственных расходах, об'единении научно-лабораторного дела, — целиком остаются. Кроме того, у нас добавляются выгоды от общего строительства городских поселков, коммунального хозяйства, культурных учреждений и т. д.

В какой связи могут быть эти гигантские промкомбинаты с сетью окружающих их агроиндустриальных комбинатов? Эта связь будет самая тесная. Прежде всего их будет об'единять пользование энергией из единого энергетического центра. Надо прямо сказать, что только на основе дешевой электроэнергии, полученной от мощных районных электроцентралей по образцу будущего Днепростроя, можно произвести глубочайшую реконструкцию сельского хозяйства, поднять во много раз его производительные силы и устранить неблагоприятные природные условия.

Вторым связующим звеном станут общие транспортные артерии (строительство ж.-д. магистралей, веток, автомобильных дорог, каналов, пристаней). Все значение хорошего транспорта для реконструкции, индустриализации сельского хозяйства не нуждается в доказательствах.

Третьим звеном связи явится использование отходов и отбросов промкомбинатов в индустриальном сельском хозяйстве. Отработанные воды могут пойти для орошения, теплые воды дадут, например, большой эффект в развитии огородного дела. Целый ряд отбросов химической промышленности может найти применение в сельском хозяйстве и с.-х. индустрии (к примеру — серная кислота и хлористая известь в сахарном производстве).

Четвертое звено — снабжение населения промкомбинатов с.-х. продуктами, особенно теми из них, которые мало транспортабельны (овощи, молоко, картофель и т. д.).

Пятое звено — ряд общих крупнейших очагов культуры (специальных школ, театров, усовершенствованных лечебниц и т. п.).

Наличие хороших дорог и автомобильного транспорта, плюс ж.-д. ветки, позволит пользоваться культурными учреждениями городов в гнезде промкомбинатов и населению окружающих агроиндустриальных комбинатов.

Пространство в 60—100 километров есть преграда к городской культуре при конном транспорте, но это пространство при автомобильном транспорте не является препятствием. Это положение можно перевернуть для населения промкомбината в отношении центров агроиндустриальных комбинатов. Общие спортивные праздники-состязания будут возможны в центре АИК.

Практика совместного существования промкомбинатов и АИК покажет нам еще и другие формы связей и зависимостей между ними.

Связь индустриального земледелия с машиностроением.

Сейчас мы пока имеем огромный недостаток квалифицированной рабочей силы в деревне (трактористов, комбайнеров, монтеров, слесарей и т. п.). Ближайшие два-три года нам придется зимний период, главным образом, использовать для переквалификации наличной рабочей силы и для использования уже подготовленной к обучению широчайших пластов новой. Перерывы в полевых работах во время летнего периода использовать для дорожного строительства.

Но скоро, через несколько ближайших лет, индустриализация сельского хозяйства создаст громадные кадры высоко-квалифицированной рабочей силы в деревне. Зимой большинство ее уже не придется переучивать. Использовать ее для небольших, всякого рода мелких работ (подвоза материалов, снегозадержание и т. п.) тоже будет невыгодно (для этого можно будет использовать неквалифицированный труд). Известную часть ее можно использовать в некоторых кустарных промыслах. Но основной массив ее использовать и здесь нерационально. Где есть леса, там можно использовать на заготовках леса, особенно в обработке дерева. Но все наши, т. наз. производящие районы лежат вне лесных зон. Выход может быть найден в том, чтобы начать строительство широкой сети небольших, но высоко механизированных заводов (на базе электроэнергии), где производились бы отдельные детали к машинам, а сборка их производилась бы на гигантских сборочных заводах.

Насколько это будет рационально? Соображения насчет топлива отпадают, поскольку энергией данные предприятия будут питаться с районных электростанций. Подвозка металла не вызовет крупных расходов, вернее не больше расходов, чем подвозка к теперешним крупным машиностроительным заводам, поскольку основные районы зерна и большинство технических культур близко расположены к металлургическим базам (Донбасс, Нижнее Поволжье, Урал, Кузбасс). Расходы по транспортировке частей машин на сборочные заводы будут с лихвой перекрыты эффектом рационального использования квалифицированной рабочей силы. И с тех пор, как создадутся широкие кадры квалифицированной рабочей силы в сельском хозяйстве, а с другой стороны, мы будем настолько богаты, что сможем позволить себе «роскошь» строить металлообрабатывающие заводы с частичным использованием в году—мы сможем приступить к реализации и этого пути сочетания использования одной и той же рабочей силы как в сфере промышленности, так и в индустриальном земледелии [1]).

* * *

В дальнейшем могут возникнуть и другие формы сочетания промышленного труда с сельскохозяйственным, разрешающие в целом задачи слияния промышленности и сельского хозяйства в их высшем единстве. Об этом ярко написано и в знаменитом плане ГОЭЛРО. С одного конца электрификация сослужит колоссальную роль «по быстрейшему изживанию зияющего противоречия между новым городом и новой деревней. Но мы неуклонно должны работать и с другого конца, решительно реформируя жизнь наших новых городских центров и промышленных ячеек в целях все более углубленного и планомерного сочетания труда промышленного и земледельческого» (135).

Конечно, мы не сразу подойдем к разрешению всей проблемы в целом. Здесь также будет возможна известная очередность. Сначала соединение сельского хозяйства с промышленностью будет итти по линии общей энергетики, общих транспортных артерий с.-х. труда с переработкой, с кустарным промыслом и с сезонными отраслями промышленности.

Дальше встанет на очередь и вопрос о смычке целой сети промкомбинатов с широкой сетью агроиндустриальных комбинатов, о соединении индустриального земледелия с высокого типа отраслями индустрии (машиностроение и т. п.). Затем создадутся условия, которые предоставят всем промышленным рабочим возможность принять участие в с.-х. труде. Встанет на очередь расселение старого типа крупных городов, создание широкой сети новых социалистических городов и агрогородов, станет возможным полное из-

---

[1]) Как на одну из возможных перспектив уже для следующего пятилетия указывали на это некоторые плановые работники:

«Возможно будет повести более широкое развитие более верхних сложных ступеней машиностроения и других производств в специализированных небольших предприятиях, разбросанных более широко по территории, с созданием центральных сборочных заводов. При этих условиях можно будет более равномерно использовать ценные гнезда рабочей силы, разбросанные по стране, и сочетать использование труда как для промышленности, так и для обобществленного сельского хозяйства». (Н. Колосовский. «Плановое Хозяйство», № 6, 1929 г.).

живание противоположности между городом и деревней. Ясно, что эти ступени не отделены механически друг от друга, они будут в жизни переплетаться, будет налицо ряд переходов. Но в каждый момент надо знать, на чем делать ударение. Только в этом случае будет обеспечено быстрое и устойчивое развитие производительных сил строящегося социалистического общества.

Под углом зрения изживания противоположности между городом и деревней, соединения промышленности с сельским хозяйством надо прорабатывать теперь почти все хозяйственные и культурные проблемы: энергетики, транспорта, порайонного размещения промышленности, специализации с.-х. районов, новых социалистических городов (включая и агрогорода), рационального и полного использования рабочей силы в стране и т. п. Разработка общих теоретических проблем, как, например, проблемы расширенного воспроизводства СССР, есть также ключ к разрешению проблемы города и деревни.

К разработке всех этих и подобных проблем необходимо приковать теперь основное внимание нашей научно-теоретической и научно-технической мысли.

М. Фурщик.

О либеральном и марксистском понимании этики.

В своем последнем большом труде «Материалистическое понимание истории» Каутский приписывает себе заслугу об'яснения морали из природной общественности человека, показанной Дарвином. Каутский при этом заявляет, что Маркс и Энгельс разделяли взгляды Дарвина на происхождение человека и вместе с Дарвином рассматривали человека, как «от природы общественное животное», но не занялись об'яснением морали, исходя из этой общественной сущности человека, данной ему самой природой. Этот «пробел» в марксизме восполнил Каутский (по его словам) в своей работе, вышедшей в 1906 году под названием «Этика и материалистическое понимание истории».

Что верно, то верно. Маркс и Энгельс действительно в своих рассуждениях о морали никогда, ни до появления дарвиновского «Происхождения человека», ни после его появления, не считали нужным апеллировать к нравственной природе человека, как это делает Каутский в своей «Этике и т. д.», а также в своем последнем труде, где теория о нравственной природе человека призвана обосновать лживый пацифизм на словах и социал-фашизм на деле.

Каутский считает нужным подчеркнуть, как он шел и пришел к тем взглядам, которые изложены им в «Этике...» и в более развитом виде повторены в «Материалистическом понимании истории».

В 1876 году им был написан «Набросок по истории развития человечества», который не был опубликован и который он счел нужным теперь опубликовать в качестве приложения к своему большому двухтомнику. Автор дает этому наброску следующую характеристику:

> «Преуспеяние, рост, гибель народов и отдельных классов зависит от того, насколько данная общественная форма усиливает или ослабляет общественные инстинкты. Так как в конечном счете победа на стороне той нации или класса, которые об'единены более сильными социальными инстинктами, чем их противники» [1].

Дальнейшее развитие взглядов 1876 г. характеризуется самим Каутским как умение «*лучше* оценивать развитие способов производства и их воздействия (Einwirkung) на общество». Вот в чем «марксизм» Каутского — он состоит в умении *лучше оценивать влияние экономического развития на общество* и только. Общество — нечто отдельное, самостоятельное по отношению к экономическому развитию. Последнее только *влияет* на общество, которое определяется чем-то другим. Чем?

> «Как и раньше—освещает престарелый Каутский путь развития Каутского молодого, развития к марксизму — я усматривал в общественных инстинктах решающий фактор общественной жизни» [2].

---

[1] К. Каутский, «Матер. понимание истории», т. I, стр. 254.

[2] Там же. Курсив наш.—*М.Ф.*

Это утверждение Каутского верно. Так, полемизируя в статье «Общественные инстинкты в мире людей» (1884 г.) против Спенсера, Каутский не находит лучшего аргумента как то, что «общественные инстинкты человека являются чем-то *первоначальным* (Urwüchsiges), а не продуктами культуры» ¹). Односторонности Спенсера противопоставляется другая односторонность: робинзонаде — общественное априори. «Первобытный коммунизм — одно из проявлений социальных инстинктов» — утверждает Каутский ²). Первобытный коммунизм у Каутского не социально-экономическая, а социально-психологическая категория. «Коммунизм дикарей отчетливее всего выражается в потреблении, но он сказывается также в производстве», говорит «марксист» Каутский ³). Общие дома у индейцев, общественная собственность на землю, общее участие в постройке домов и т. д. — все это следствие социальных инстинктов:

> «Нет, — говорит Каутский по адресу сторонников Спенсера, — если мы присмотримся поближе к жизни людей в естественном состоянии, то найдем у них вместе с полной деятельностью общественных инстинктов *и именно благодаря ее влиянию* также и полное равенство и полное отсутствие какой бы то ни было власти» ⁴).

Вот как велика, по Каутскому, сила общественных инстинктов. Они определяют производство, потребление, социальную организацию в целом. Что касается быта, то его Каутский рисует в сентиментально-идиллических тонах и красках, игнорируя почти совершенно темное, варварское и жестокое, которого есть вдоволь в жизни первобытного человека, еле поднявшегося над миром животных.

Между 1884 и 1906 годом, когда вышла в свет «Этика и материалистическое понимание истории», лежит период в 22 года. За этот период Каутским был написан ряд «ортодоксальных» трудов, в которых он приближается к марксизму. К этому ряду работ принадлежит и «Этика и т. д.» И поэтому тем более характерно, что основная, едва прикрытая идеалистическая концепция, представленная в цитированных работах, сохранилась почти полностью в «ортодоксальной» «Этике...», правда, в несколько более завуалированной форме.

Вот чем, по Каутскому, характеризуется общество: «Его единство и гармония, равно как и его связь, могут вытекать лишь из действий и желаний его членов. Но это единство желаний будет тем обеспеченнее, чем больше оно будет вытекать из одного сильного инстинкта». Мысля общество как организм, Каутский принцип этого организма видит в общественных инстинктах. В отличие от животного организма общество, говорит он, не имеет ни прочного скелета, поддерживающего мягкие части, ни всеоб'единяющей кожи, ни всепитающей циркуляции крови, ни всем управляющего сердца, ни мозга, придающего единство его познанию, воле и движениям ⁵). В общественном организме роль скелета, кожи, сердца и т. д. перенимают *общественные инстинкты*. Место материальной связи в животном организме заступает в «общественном организме» желание, *инстинкт*.

В высшей степени интересно заглянуть в «Путь к власти», составляющий кульминационный пункт «ортодоксальности» Каутского и вместе с тем лебединую песню его как революционера. Приведем некоторые небольшие выдержки:

> «Вся экономическая теория становится пустой игрой понятий для каждого, кто не исходит из признания, что движущей силой всякого экономического прогресса является человеческая *воля*... Это, в конечном счете, *воля к жизни*, лежащая в основе всей экономики и вместе с самой жизнью появляющаяся у организмов, одаренных способностью движения и познания. Всякое проявление воли, в конечном счете, может быть сведено к воле к жизни...
>
> Развитие техники также есть проявление воли к жизни. ...Человек принадлежит к общественным животным... Воля к жизни принимает здесь форму воли жить вместе с сочленами по обществу и для них... Воля есть движущая сила всего экономического процесса. Воля образует его исходный пункт, ею проникнуты все его проявления... Экономическая необходимость... происходит из необходимости воли к жизни живого существа и неизбежности для него использовать при этом те жизненные условия, с которыми оно встречается. Экономическая необходимость представляет собою необходимость определенного волевого устремления» ¹).

¹) К. Каутский. Матер. поним. истории, т. I, стр. 457.
²) Там же, стр. 451.
³) Там же. Стр. 449. Курсив наш.—*М. Ф.*
⁴) Там же, стр. 458. Курсив наш.—*М. Ф.*
⁵) К. Каутский. «Этика и т. д.», 1922, стр. 67.

Каутский на экономический процесс смотрит под углом зрения волевого устремления индивида, его желания жить. Это желание есть движущая сила всего экономического процесса. Все остальное, как развитие техники, классовая борьба и т. д., есть проявления воли к жизни индивида, является второстепенным, производным от воли, образующей *исходный пункт и движущую силу экономического развития*. То, что мы называем экономической необходимостью, представляет собой необходимость воли к жизни в ее конкретном выражении, т.-е. необходимость *определенного* волевого устремления. Воля к жизни наталкивается каждый раз на определенные жизненные условия, которые она неизбежно должна использовать — отсюда и изменения форм проявлений этой воли.

Так Каутский в самый расцвет своей «ортодоксальности» разрешал теоретически вопрос о сущности, своеобразии человеческого общества и закономерности его развития. Читатель видит, что концепция 1876 и 1884 годов в основном сохранилась и в 1906 и в 1909 году. Эта концепция идеалистическая, корни которой ведут к философии Шопенгауэра, как увидим ниже. Общество, по Каутскому, есть форма выражения воли к жизни индивидов, воли «жить вместе с сочленами по обществу и для них»; закономерность общественного развития есть закономерность определенных волевых устремлений индивидов. Дух, воля является демиургом истории. Нечего говорить о том, что эта концепция ничего общего с марксизмом не имеет.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс, касаясь вопроса о «предпосылках истории», говорят между прочим следующее:

> «Первой предпосылкой всякой человеческой истории является, разумеется, существование живых индивидов, людей. Первым историческим актом этих индивидов, которым они обособляются от животных, является не то, что они мыслят, а то, что они начинают производить средства для своего существования» ²).

Разница между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Каутским, с другой стороны, состоит в том, что в то время, как первые в производстве средств для существования усматривают первый *исторический* акт, Каутский усматривает в нем простое следствие воли к жизни, свойственной человеку наряду с животными. То, что Маркс и Энгельс относят к *предпосылке истории* — существование живых индивидов, людей — Каутский *переносит в историю* и вдобавок к этому в одностороннем, в идеалистическом извращении, когда эмпирически констатируемый факт существования живых индивидов, людей с определенной естественной организацией подменяется идеологическим фантомом — волей к жизни.

¹) К. Каутский, Путь к власти, гл. «Экономическое развитие и воля», ГИЗ, 1919.
²) Архив Маркса и Энгельса, кн. 1, стр. 214.

В своем последнем большом труде, в котором Каутский «подводит итоги», он буквально заявляет следующее:

«Унаследованное, априори, определяет весь характер мировой истории»... [1]).

И, продолжая, он заявляет: ошибочно думать, что материалистическое понимание истории ставит характер исторических явлений исключительно в зависимость от материальных отношений.

Среди врожденных свойств фигурирует прямая походка, способность передвижения, унаследованный желудок, особое строение руки, унаследованные способности мышления и мораль. Но самое существенное, решающее априори Каутский усматривает в социальных инстинктах.

«Важнейшие связи общества с самого начала образовали социальные инстинкты и согласие в интересах, в мышлении и хотении членов общества» [2]).

Эти социальные инстинкты, как выражение изначальной, первичной воли к жизни, определяют весь процесс мировой истории.

Среди социальных инстинктов, «являющихся предпосылкой процветания всех видов общества», Каутский считает:

«самоотверженность, преданность обществу, затем храбрость при защите общих интересов, верность общине, подчинение воле общего, сиречь, — повиновение или дисциплина; правдивость по отношению к обществу... Наконец, честолюбие, чувствительность к похвале или порицанию общины...». «Все это — социальные инстинкты, которые в обществах животных выражены порою довольно ярко» [3]).

Эти социальные инстинкты и являются, по Каутскому, теми «возвышенными добродетелями», совокупность которых целиком покрывает «нравственный закон», о котором Кант говорит, как о трансцендентальном, сверхчувственном.

«То, что Канту еще казалось продуктом высшего мира, — говорит Каутский, — в сущности является продуктом животного мира... Нравственный закон является не чем иным, как животным инстинктом. Отсюда его таинственная природа, отсюда внутренний голос в нас, не стоящий ни в какой связи ни с каким внешним толчком или явным интересом; это тот демон или бог, присутствие которого чувствовали в себе от Сократа до Платона все этики, отказывавшиеся выводить этику из эгоизма или удовольствия. Несомненно, что это стремление является очень таинственным, но оно во всяком случае не таинственнее половой и материнской любви, инстинкта самосохранения и сущности организма вообще...

«...То обстоятельство, что нравственный закон — такой же животный инстинкт, как и инстинкт самосохранения и размножения, об'ясняет также и его силу; отсюда же его настойчивость, которой мы повинуемся без рассуждения... Нравственное суждение, равно как чувство долга и совести, вытекают подобно нравственному закону не из нашей познавательной способности, а из нашей инстинктивной жизни...».

«...Нет ничего ошибочнее мнения, что совесть есть страх перед товарищами и их мнением, или боязнь физического принуждения. Она проявляется и в таких действиях, которые всегда останутся сокрытыми от окружающих... Общественное мнение, похвала и порицание, несомненно, являются очень влиятельными факторами. Но их влияние уже предполагает известный социальный инстинкт, честолюбие, породить же социальных инстинктов они не могут... Совесть ведь не проявляется открыто, а влияет в глубине существа» и т. д. [4]).

Читатель извинит нас за длинные выдержки. Мы привели лишь немногие из тех пошлостей, которыми Каутский заполняет десятки страниц «ортодоксальной» «Этики» в целях якобы обоснования марксистского учения о морали.

---

1) К. Каутский, Мат. понимание истории, т. I, 214.
2) Там же, стр. 272.
3) К. Каутский. Этика и материалистическое понимание истории, стр. 58.
4) Там же, стр. 59—61. Курсив наш. *М. Ф.*

Самое характерное в этих рассуждениях то, что Каутский совершенно игнорирует основное положение исторического материализма, что общественное сознание отражает общественное бытие. Да иначе и быть не может. Ведь, по Каутскому, как мы видели, историческое развитие определяется в первую голову априорной волей к жизни индивидов. Странно было бы требовать, чтобы философский идеалист и метафизик стал бы в вопросе этики на материалистическую, на марксистскую точку зрения.

Он борется с Кантом оружием, позаимствованным из нашумевшей в свое время шопенгауэровской критики кантовской этики. Вслед за Шопенгауэром он кантовскому рационализму противопоставляет интуитивизм, познанию чистого разума — инстинкт. Борьба Каутского с Кантом есть борьба между двумя оттенками в пределах одного и того же идеалистического мировоззрения.

Правда, сам Каутский выдает свою теорию этики за материалистическую, но он под материализмом понимает нечто весьма странное. Слово «материализм» — говорит он в той же «Этике...» — со времени господства христианства всегда служит обозначением философии борьбы против господствующих сил. Буржуазия эту философию ненавидит, и это побуждает нас придерживаться именно этого названия для нашей философии. Каутский не из принципиальных, а из тактических соображений сохраняет название материализм. Удивительно-ли после этого, что он о своей теории этики говорит, что она «может считаться материалистической» [1]). «Может»—какое трогательное ограничение собственного материализма!

Подлинную материалистическую критику кантовской этики мы находим в «Святом Максе» Маркса и Энгельса. Верные своему историческому методу, Маркс и Энгельс прежде всего указывают на то общественное бытие, отражением которого явилась этика Канта.

«Состояние Германии, — говорят Маркс и Энгельс, — в конце прошлого столетия вполне ясно отражается в кантовской «Критике практического разума». В то время как французская буржуазия, благодаря колоссальнейшей в истории революции поднялась до господства и овладела континентом Европы, и политически уже эмансипированная английская буржуазия революционизировала производство и подчинила себе Индию политически и весь остальной мир — коммерчески, — бессильные немецкие буржуа дошли только до «доброй воли» [2]).

«Добрая воля» Канта отражает практическое бессилие немецких буржуа, которые в силу экономической слабости и политической раздробленности страны, не имели развитых классовых интересов. Отсутствие реальных действительных классовых интересов у немецких буржуа, живших в мелкобуржуазных отношениях, означало противоречие между «мелкими делами и большими иллюзиями». «Добрая воля» Канта есть теоретическое выражение этого противоречия. Она реальное бессилие представляет как идеальное всемогущество практического разума.

И вот что говорят Маркс и Энгельс о кантовском нравственном законе:

«Характерную форму, которую принял в Германии французский либерализм, опирающийся на действительные классовые интересы, мы встречаем опять у Канта. Он, как и немецкие буржуа, адвокатом которых он был, не замечал, что в основе этих теоретических мыслей буржуа лежали материальные интересы и воля, определенная и обусловленная материальными производственными отношениями. Поэтому он отделил это теоретическое выражение интересов от самих интересов и превратил материально обусловленное направление воли французских буржуа «в чистое самоопределение» «сво-

---

1) К. Каутский, Этика и матер. поним. истории, стр. 72.
2) К. Маркс и Ф. Энгельс.—Святой Макс. Гиз, 1920, стр. 158—159.

бодной воли», воли самой по себе, как человеческой воли, сделав из нее таким образом чисто идеологическое понятие и постулат нравственности» [1]).

Основная теоретическая философская мысль в этом рассуждении та, что кантовский нравственный закон выражает разрыв между теоретическими мыслями и практикой немецких буржуа, которые хотели жить по-французски, а вынуждены были жить по-немецки. Адвокату немецких буржуа Канту теоретические мысли немецких буржуа неизбежно должны были представляться самодовлеющими, так как основа этих мыслей — материальные интересы и воля, определенная и обусловленная материальными производственными отношениями—находилась, возникла не на немецкой, а на французской почве. Отделение теоретических мыслей от их основы имело место в реальной действительности и нашло свое идеальное отражение в кантовском нравственном законе. Кантовский нравственный закон Маркс и Энгельс называют поэтому «идеологическим понятием и постулатом нравственности».

Немецкий либерализм характеризуется Марксом и Энгельсом, как мечтание, как идеология о действительном либерализме и т. п. Кантовское понятие должного, превращающее человека в «святого», есть результат отделения немецких буржуа в качестве либералов от его же самого — эмпирического буржуа. В результате такого раздвоения выступают как антиподы, как противоположности, добро и зло, эгоизм и самопожертвование, личные и общие интересы.

Маркс и Энгельс высказываются решительно против такого противопоставления, как догматического постулирования двух сторон жизни индивида. Добро и зло, эгоизм и самопожертвование вовсе не принадлежат к сущности индивидов, как таковых. Одинаково неверно видеть в жертвовании эгоизм, как это делали Гельвеций и Бентам, как и усматривать сущность человека в его святости, как думал Штирнер и на этом основании противопоставил «жертвующего эгоиста» « эгоисту в обыкновенном смысле». Маркс и Энгельс обвиняют Штирнера в следовании христианской диалектике с ее гетерономией плоти, природы, в противоположность автономии духа [2]). Эгоизм и самопожертвование, по Марксу и Энгельсу, нельзя понять, исходя из природы человека. Они — не простые душевные эффекты и также не простые принципы, а отношения, необходимо вытекающие из естественного способа существования индивидуумов, т.-е. из общественных отношений.

Мы позволим себе привести еще одну выдержку, где, как нам кажется, дана квинтэссенция марксистской этики.

«Коммунисты не противополагают эгоизм самопожертвованию, ни самопожертвование — эгоизму, и теоретически не выражают эту противоположность ни в благодушной, ни в напыщенной идеологической форме, а, напротив того, указывают на ее материальное месторождение, — вместе же с этим исчезает и само противоречие. Коммунисты вообще не проповедуют никакой морали... Они не пред'являют к людям нравственных требований: любите друг друга, не будьте эгоистами и т. п; они, наоборот, очень хорошо знают, что эгоизм, так же как и пожертвование при известных условиях есть необходимая форма утверждения индивидуума, достижения им известной цели. Следовательно, коммунисты ни в коем случае не хотят устранить «частного человека» во имя «общего» жертвующего человека... Теоретические коммунисты, единственные, у которых нашлось время для занятий историей, примечательны как раз тем, что именно они открыли во всей истории созидание «общих интересов» при посредстве индивидуумов, определенных, как «частные люди». Они знают, что эта противоположность лишь мнимое, так как одна сторона — так называемые «общие интересы» — беспрерывно производится другой — частными интересами и вовсе не являют-

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Святой Макс, стр. 160—161.
[2]) Там же, стр. 213.

ся по отношению к ней самостоятельной силой с особой историей и что, следовательно, это противоречие на практике постоянно уничтожается и вновь создается» [1]).

Эгоизм и самопожертвование суть обе необходимые формы утверж-
дения индивидуума. С самопожертвования спадает вуаль мистерии; долг, со-
весть, угрызения совести и т. п.—все описания противоречия между частным
и общим интересом, которые Кант и кантианцы, мистики à la Шопенгауэр
и др. называют внутренним голосом, демоном, мистерией, являются не чем
другим, как необходимой формой утверждения индивидуума. Нет добрых и
злых, эгоистов и жертвователей, как таковых, а есть индивиды, действующие
так или иначе в зависимости от определенного положения, доставшегося им
особыми условиями развития и разделения труда и так и иначе в зависи-
мости от данных, определенных условий. Эгоизм и самопожертвование —
противоречивые стороны одного и того же личного развития индивидов, и
обе они вызываются одинаково эмпирическими условиями жизни индивиду-
умов. Их противоположность относительна, как относительна противополож-
ность между частным и общим интересом. Маркс и Энгельс беспощадно сбра-
сывают идеологическую шелуху с понятий долга, совести и пр., обнажая и
показывая их материальное месторождение. Диалектика общего и частного,
общества и индивидуума такова, что противоречие уничтожается и вновь со-
здается. Но это противоречие самой действительности, противоречие отно-
шений. Не внутренний голос, не демона и т. п. чертовщину, а отражение про-
тиворечий самой действительности, отражение общественного бытия в обще-
ственном сознании находим мы в понятиях долга, совести и т. п. Катего-
рический императив, нравственный закон не являются
действительным актом, а идеологической философской
придурью — таков подлинный взгляд Маркса и Энгельса. Категори-
ческий императив, нравственный закон есть резуль-
тат отделения сознания от лежащих в его основании
индивидуумов и их действительных отношений. Поста-
вленное на голову отношение между бытием и мышлением рождает такие идеи,
как абсолютный, надисторический нравственный закон, свободную волю, авто-
номию чистого практического разума и т. д. Поставленное Марксом и Энгель-
сом на ноги отношение между бытием и мышлением логически и практически
обязывает бросить все эти идеи, как кривое отражение действительности,
в мусорный ящик истории, как ненужный хлам, как пережитки эпохи, когда
в обществе, расщепленном и разделенном на классы, отдельные моменты,
оттенки, ростки на живом дереве человеческого познания односторонне
возводились в системы, прямо или косвенно ведшие к боженьке, чертовщине.

«Святой Макс» был написан Марксом и Энгельсом в 1845 году, а последнее предисловие Энгельса к своему «Анти-Дюрингу» датировано 23 мая 1894 г. Посмотрим, что говорит Энгельс о нравственном законе, о морали, спустя 49 лет.

Прежде всего следует отметить, что Энгельс со всей ясностью и отчетливостью подчеркивает, что моральная область относится только к человеческой истории. «Эта противоположность, — говорит Энгельс (речь идет о добре и зле *М. Ф.*),—развертывается в моральной, т.-е. относящейся только к человеческой истории, области». Другими словами мораль, нравственность является исключительно историческим продуктом. Это решительное заявление Энгельса, не оставляющее места никаким сомнениям, заявление, сделанное к тому же в 1894 году, т.-е. через 20 лет после появления второго издания «Происхождения человека»

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Святой Макс, стр. 206—207.

Дарвина, для нас в высшей степени важно. Ведь Каутский и, как мы дальше увидим, не только Каутский, но и Плеханов, и в особенности тов. Деборин, следующий Каутскому, считают вместе с Дарвином, нравственность продуктом животного царства в конечном счете, т.-е. продуктом доисторическим. По мнению Энгельса же, «люди сознательно или бессознательно черпают свои этические взгляды в последнем счете из практических условий своего классового положения, из экономических отношений производства и обмена» [1]).

Это не в бровь, а в глаз всем натуралистам, рядящимся в костюм марксизма, и всем марксистам, желающим примирить марксизм с натурализмом.

И вот, третье такое же решительное заявление Энгельса.

> «Можно ли, — спрашивает Энгельс, — найти во всех трех вышеуказанных моральных системах [2]) такое общее, которое представляет «по крайней мере известную долю единой, неизменной морали?». И отвечает: «Эти моральные системы отражают три различные ступени одного и того же исторического процесса. У них, значит, общий исторический фон и уже по одному этому у них неизбежно много общего».

Слушайте, натуралисты! По Энгельсу, общее в моральных системах об'ясняется общим историческим фоном.

> «Мало того, — продолжает Энгельс, — для одинаковых или приблизительно одинаковых ступеней экономического развития нравственные теории должны непременно более или менее совпадать» [3]).

Но ни общее в моральных системах, ни даже совпадение их не колеблют ни на секунду исторический метод Энгельса. Общее, относительное совпадение об'ясняется общим историческим фоном, одинаковостью или приблизительной одинаковостью ступеней экономического развития.

И вот вывод, точно и ясно формулированный вывод Энгельса:

> «Мы, поэтому, отвергаем всякую попытку навязать нам какую-нибудь моральную догматику, в виде вечного, окончательного, отныне неизменного нравственного закона, под тем предлогом, что и нравственный мир имеет свои непреходящие границы, стоящие выше истории и национальных различий» [4]).

Энгельс с одинаковой решительностью отвергает как и неизменный нравственный закон, так и предлог, что нравственный мир имеет свои непреходящие границы, стоящие выше истории. Нравственный мир, по Энгельсу, является продуктом истории и только истории.

Теперь вернемся к Каутскому. Вспомним, что, по Каутскому, нравственный закон, который он характеризует, как совокупность социальных инстинктов, является не чем иным, как нравственным чувством, животным инстинктом. Вспомним далее, что, по Каутскому, нравственный закон имеет «таинственную природу», представляет «внутренний голос в нас», не стоящий, как он говорит, ни в какой связи ни с каким внешним толчком или явным интересом, является тем демоном или богом, присутствие которого чувствовали в себе Сократ, Платон, Кант. Вспомнив все это, читатель в праве спросить, что же, собственно, марксистского во всех этих каутскианских рассуждениях. Признавая таинственность нравственного закона, характеризуя его, как внутренний голос в нас, как демона или бога, т.-е. ставя основной вопрос этики по-сократовски, по-платоновски, по-Канту, Каутский лишь

[1]) Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1928, стр. 84. Курсив наш.—*М. Ф.*

[2]) Речь идет о моральных системах феодальной аристократии, буржуазии и пролетариата.—*М. Ф.*

[3]) Там же, стр. 84—85. Курсив наш.—*М. Ф.*

[4]) Там же, стр. 85. Курсив наш.—*М. Ф.*

тем от них отличается, что он эту пресловутую таинственность, внутренний голос и т. д. «об'ясняет» натуралистически. Вместо сократо-платоновско-кантовского априори, Каутский ставит другое априори, натуралистическое. Нравственный закон или совокупность социальных инстинктов, что то же самое, заранее дан человечеству; не являясь историческим продуктом, а заранее данным, он, наоборот, определяет историю.

Каутский делает, однако, следующую «уступку» марксизму. Каутский проводит различие между нравственным законом и нравственными нормами. «Марксизм» Каутского в «Этике...» состоит в том, что он, помимо вечного, неизменного нравственного закона, признает изменчивые нравственные нормы. Они изменяются вместе с обществом, являясь продуктом определенных общественных условий, уверяет нас Каутский. «Нравственный закон является продуктом социальной природы человека, а все нравственные нормы продуктом особых общественных потребностей» [1]), которые меняются с экономическим развитием. Они-то, нравственные нормы, и составляют «специфически человеческое в морали». Нравственный закон, социальные инстинкты «во всяком случае старше меняющихся общественных условий», осторожно выражается Каутский [2]).

Отношение между нравственным законом и нравственными нормами, при всей осторожности Каутского, все же здесь дано. Это отношение основания и следствия. Историчны, изменчивы нравственные нормы, но свое подлинное основание они имеют в вечном, неизменном нравственном законе. Они—не что иное, как определенные выражения неизменного нравственного закона, столкнувшегося с определенными условиями, на него влияющими. Условия только влияют на нравственный закон, но ни в коем случае не создают его. Так, Каутский, протестуя против того, чтобы считать привычку или общественное мнение основанием морали, говорит:

> «Элементы привычки в морали влияют лишь в том смысле, что известные нормы без дальнейшего признаются нравственными, но они не порождают тех социальных инстинктов, которые принуждают выполнять требования, признанные нравственными нормами» [3]).

Об общественном мнении говорится, что «оно не создает в нас ни нравственного закона, ни чувства долга» [4]). Короче, верховное руководство нравственными нормами принадлежит одному нравственному закону. Отсюда и критерий нравственности переносится Каутским в нравственный закон.

> «Абсолютной безнравственностью, — говорит он, — можно считать отсутствие социальных инстинктов и добродетелей, заимствованных человеком у социальных животных» [5]).

Безнравственность в отношении норм является на этом основании условной, относительной.

Критерий человеческой нравственности, являющейся общественной и исторической, лежит вне общества, вне истории. Вы его находите в вечном надисторическом—не шутите—нравственном законе, который, как говорит Каутский, древнее, старше нравственных норм. И не один читатель подумает при этом: честь и слава древнему нравственному закону, но человеческая, общественная, историческая нравственность осталась без критерия; человеческая нравственность нуждается в человеческом же критерии;

[1]) К. Каутский, Этика и мат. пон. ист., 1922 г., стр. 117. Курсив наш.—*М. Ф.*

[2]) Там же, стр. 118—119. Курсив наш.— *Ф.*

[3]) Там же, стр. 109. Курсив наш.—*М.*

[4]) Там же, стр. 116.

[5]) Там же. стр. 119.

при всем почтительном отношении к своим жи-отным предкам, человечество для своей нравственности в праве требовать человеческого, т.-е. исторического масштаба.

Читатель видит, что «уступка» марксизму со стороны Каутского тут же у него, можно сказать, под руками превращается в искажение марксизма. Навязывание человеческой нравственности натуралистического априори мстит за себя: нравственные нормы на деле те же априорные инстинкты, только приспособленные к измененным общественным условиям; они, вопреки заверениям Каутского, не могут быть продуктами общественных условий уже по одному тому, что они, так сказать, основным своим концом неразрывно связаны с нравственным законом, являющимся их источником и потому и их критерием; они, далее, не могут быть порождениями общественных условий, поскольку причина изменений общественных условий—согласно Каутскому—техника сама является формой проявления, продуктом воли к жизни в конечном счете. Налицо порочный круг, в котором бьется мысль Каутского, не находя выхода за пределы сферы социальных инстинктов, нравственного закона. Нравственные нормы—не что иное, как модификации одного и того же вечного, неизменного нравственного закона или первичного социального инстинкта. Само деление нравственности на две части, на два этажа неправомерно, неправильно и свидетельствует о ложности, путанице в исходном пункте рассуждений, в основе теории.

Такого деления у Маркса и Энгельса нет и быть не может. Такое деление чуждо марксизму. Маркс и Энгельс отвергают вечный, неизменный нравственный закон во всех его видах, оттенках, рассматривая все моральные системы с их заповедями, нормами и правилами, как исторические продукты, соответствующие определенным ступеням исторического развития человечества. Историческая точка зрения на нравственность, а другой еще какой-нибудь точки зрения у марксиста быть не может, не должно, — исключает подобное деление. Это деление понадобилось Каутскому для примирения своего натурализма с марксизмом. Но оно же и показывает — лишний раз наглядно показывает — всю тщетность, весь вред подобных попыток.

В исходном пункте, в основе каутскианской этики лежит идеологическое понятие воли, позаимствованное у Шопенгауэра, постулат свободной воли. В «Этике...» свобода трактуется, как неизбежная психологическая предпосылка всякого действия, как «чувство», которое «не может быть упразднено никаким познанием». Как познание предполагает необходимость, так действие предполагает свободу. «Действовать, значит постоянно выбирать между различными возможностями»—утверждает Каутский [1]). Это положение идеалистическое. Воля отрывается от об'екта, парит над ним, свобода отрывается от необходимости, становясь над нею, определяя ее. В «Материалистическом понимании истории» мы читаем:

> «Вместе с свободой выбора между рядом движений должна появиться и воля. Свобода выбора не означает, однако, свободу воли, она требует совершенно определенную волю, волю к жизни» [2]).

Налицо путаница и выкрутас с целью скрыть свой идеализм, а все же Шопенгауэр выглядывает здесь из каждой строчки. О человеческой воле, о воле к жизни Шопенгауэр утверждает, что она свободна и что ее свобода выражается в свободе выбора. Человек «определяет себя, независимо от наличных (gegenwärtigen) об'ектов, посредством мыслей, которые являются его мотивами»; в отличие от животного человек имеет «гораздо боль-

[1]) К. Каутский, Этика и т. д., стр. 36—37.
[2]) К. Каутский, Материалистическое понимание истории, I, 221.

ший выбор» [1]). На основании своей свободы выбора человек, по Шопенгауэру, в праве сказать: «Я могу сделать то, что я хочу». Чего только человек никак и никогда не добьется, это заглянуть в свою внутреннюю сущность, познать свою волю. Воля свободна—ею человек творит мир, но ее самое он познать не может. «Вовне перед его взором светло и ясно, но внутри темно, как хорошо затемненная зрительная труба» [2]). Вот куда ведет и не может не вести допущение свободной воли, свободы выбора. Оно ведет к мистике, открывающей двери настежь мракобесию, чертовщине.

В «Материалистическом понимании истории», где Каутский решил «по возможности» договаривать, находятся следующие примечательные строки:

> «Способ проявления социальных инстинктов, моральное поведение, определяются у каждого унаследованными свойствами, а также приобретенными прямо или через предков взглядами и усмотрениями (Anschauungen und Einsichten). Постолько мораль автономна» [3]).

Каутский действительно договорил. Автономия морали как вывод — один из выводов материалистического понимания истории. Что может быть более чудовищно? А между тем, это необходимый вывод, неизбежный вывод из посылки, что социальные инстинкты или нравственный закон являются априорными. Замена кантовского «нравственного сознания» «нравственным чувством» ничего по существу не изменила. Мораль автономна. Между Кантом и Каутским разница лишь в оттенках, но эти оттенки целиком остаются в пределах одного и того же идеалистического лагеря.

В своих примечаниях к «Людвигу Фейербаху» Энгельса Г. В. Плеханов пишет:

> «Я хочу обратить внимание читателя на то обстоятельство, что, возражая утилитаристам, Кант всегда имел в виду принцип «личного счастья», который он справедливо называет «принципом себялюбия». И именно потому он не умеет справиться с основным вопросом морали. На самом деле, в основе нравственности лежит стремление не к личному счастью, а к счастью целого: племени, народа, класса, человечества. Это стремление не имеет ничего общего с эгоизмом. Напротив, оно всегда предполагает большую или меньшую степень самопожертвования. И так как социальные чувства могут передаваться от поколения к поколению и усиливаться путем естественного отбора (см. очень дельные замечания Дарвина на этот счет в его книге о происхождении человека), то самоотвержение может принять иногда такой вид, как будто бы оно было делом «автономной воли», чуждой всякой примеси «способности желания»... Данная особь родится с априорной «способностью к самоотвержению» точно так же, как родится она.. с «априорной способностью к дыханию и пищеварению»; но в этой «априорности» нет ничего таинственного; она постепенно образовалась в длинном-длинном процессе развития» [4]).

Это рассуждение Плеханова очень интересно прежде всего с той стороны, что оно лишний раз показывает способность Плеханова под давлением противника сдавать позиции марксизма.

В чем сдача позиций марксизму? В том, что он принципу «личного счастья», которому Кант противопоставляет свой априорный категорический императив, с своей стороны противопоставляет принцип «счастья целого», эгоизму, от которого Кант спасается в потусторонний мир—альтруизм, самопожертвование, лежащее в природе человека как социального животного и являющееся, стало быть, априорным, правда, не в трансцендентальном смысле, а в натуралистическом. Вместо того, чтобы дать бой

[1]) A. Schopenhauer, Freiheit des Willens, Reclam, S. 414.
[2]) Там же, стр. 401.
[3]) К. Каутский, Материалист. поним. истории, стр. 263.
[4]) Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах, 1928, стр. 135—136.

априори, как таковому, Плеханов заменяет один вид априори другим. Марксизму же чуждо всякое априори, натуралистическое в том числе. Свидетелем правильности нашей мысли мы приведем Энгельса, ту самую его работу, к которой Плеханов писал свои знаменитые примечания и из которых мы извлекли приведенные выше строки.

«Воля, — пишет Энгельс, — определяется страстью или размышлением (überlegung). Но рычаги (die Hebel), в свою очередь, непосредственно определяющие страсть или размышление, бывают различны. Частью это могут быть внешние предметы, частью — идеальные побуждения: честолюбие, «восторженная любовь к истине и праву», личная ненависть или даже всякого рода прихоти. Но, с одной стороны, мы уже видели, что действующие в истории многие единичные воли, в большинстве случаев ведут к отличным от желанных, — часто прямо противоположным, — результатам. Их побудительные силы имеют, таким образом, также лишь второстепенное значение по отношению к окончательному результату. С другой стороны, ставится новый вопрос, какие движущие силы, стоят, таким образом, за этими побудительными основаниями, каковы те исторические причины, которые отразились в головах людей в виде данных побуждений».

Энгельс считает недостаточным, неверным исходить из побуждений при об'яснении исторических явлений, а ставит вопрос о движущих силах, стоящих за побуждениями, об исторических причинах. Именно эта постановка вопроса и отличает материализм Маркса и Энгельса от старого материализма.

«Старый материализм, — продолжает Энгельс, — никогда не поставил перед собою этот вопрос... В исторической области старый материализм изменяет самому себе, принимая действующие там идеальные побудительные силы за последние причины, вместо того, чтобы исследовать, что стоит за ними, каковы побудительные силы этих побудительных сил. Не в том непоследовательность, что признают идеальные побудительные силы, а в том, что не идут дальше к их движущим причинам» [1]).

Если основой нравственности считать стремление к счастью целого, — а такова не только мысль, но и формулировка Плеханова, — то это, по Энгельсу, означает остановиться на идеальной побудительной силе и не проникнуть дальше к исторической причине этой силы. Это значит, опять-таки, по Энгельсу, пойти назад от марксизма к старому материализму. Одно из двух: либо нравственность не есть историческая категория, либо налицо ошибка, отступление Плеханова от марксизма.

Читатель помнит, что Маркс и Энгельс рассматривают эгоизм и самопожертвование как необходимые формы утверждения индивидуума, достижения им известной цели. Это не означает, конечно, что Маркс и Энгельс, подобно Гельвецию и Бентаму, упрекают жертвующих в эгоизме. Мысль Маркса и Энгельса гораздо более глубокая. Основатели научного социализма — принципиальные противники противопоставления добра и зла, как таковых; они указывают на их материальное месторождение, на их историческую обусловленность. Как необходимые формы утверждения индивидуума эгоизм и самопожертвование — продукты исторические. Вне истории, вне исторического человека они лишаются всякого смысла, как лишается всякого смысла нравственность вообще, рассматриваемая вне истории; вне человека.

В рассуждении Плеханова представлено, однако, другое воззрение на нравственность. Обоснование нравственности Плеханов ищет вне истории, во врожденной способности человека к самопожертвованию, в стремлении к счастью целого. Выпадение эгоизма в плехановском обосновании нравственности свидетельствует лишь о том, что он, отвергая точку зрения

[1]) Fr. Engels. Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen Philosophie, 1927, s. 57.

французского материализма, видевшего основу нравственности в хорошо понятом личном интересе, становится на точку зрения Дарвина. Но это называется: из огня да в полымя, от одной натуралистической метафизики к другой. Дело в том, что и дарвиновское понимание человеческой общественности — натуралистическое, метафизическое. Маркс и Энгельс для обоснования человеческой морали не прибегали к Дарвину, и это, разумеется, не случайно.

В своих «Очерках по истории материализма» Плеханов о «новейшем диалектическом материализме» говорит, что он

«охотно признает долю истины, скрывающуюся в обоих утверждениях (речь идет об утверждениях Руссо с одной стороны и Гольбаха, с другой стороны; Руссо апеллировал к совести, как к «божественному инстинкту», «врожденному чувству»; Гольбах — к хорошо понятому личному интересу. — (*М. Ф.*) и не имеет ни малейшей надобности отвергать, например, инстинкты и чувства, составляющие последствия физиологической наследственности» [1]).

Как будто дело в том, чтобы отвергать или не отвергать инстинкты, чувства, физиологическую наследственность и т. д. Вопрос не в этом. Вопрос в том: правомерно ли в этих инстинктах, чувствах и т. п. усматривать основу нравственности? Неправомерно.

Г. В. Плеханов в сравнении «врожденной априорной способности к самопожертвованию» с «априорной способностью к дыханию и пищеварению» видит решение вопроса об основе нравственности. По мысли Г. В. Плеханова, история остается в стороне в отношении основы нравственности, точно так же, как она остается в стороне в отношении пищеварения. Так ли оно? В «Введении к критике политической экономии» Маркс говорит:

«Однако, производство создает для потребления не только предмет, оно дает потреблению его определенность, его характер, его законченность. Так же, как потребление завершает продукт, как продукт, так производство дает законченность потреблению. Во-первых, предмет не есть предмет вообще, а определенный предмет, который потребляется определенным способом, опять-таки предуказанным производством. Голод есть голод; однако, голод, который удовлетворяется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, — это иной голод, чем тот, который заставляет проглатывать сырое мясо с помощью рук, когтей и зубов. Не только предмет потребления, но также и способ потребления порождается поэтому производством, не только об'ективно, но также и суб'ективно. Производство, таким образом, создает потребителя».

По Марксу, стало-быть, назойливая история вмешивается даже в пищеварение, так как характер предмета и способ потребления не могут не отразиться на пищеварении. А предмет и способ потребления определяется производством, лежащим в основе истории. То же следует сказать о дыхании: не только предмет дыхания — воздух, но и способ дыхания — состояние дыхательных путей — в хижинах другие, чем в замках, в шахте другие, чем на ржаном поле. Что же сказать о нравственности, являющейся формой общественного сознания и притом от начала до конца историческим продуктом?

Между Плехановым и Каутским в обосновании нравственности есть точка соприкосновения. Различие, весьма существенное различие, состоящее в том, что в то время, как Плеханов «исправляет» старый материализм Дарвином, Каутский является заправским идеалистом шопенгауэровского направления и, опираясь на Дарвина, искажает его — это различие весьма и весьма, разумеется, существенное, принципиальное, не уничтожает, однако, того общего между ними, что оба в одном из важнейших вопросов марксизма оказались в плену у метафизики.

[1]) Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 47.

Всецело под влиянием Каутского и Плеханова находится тов. *Деборин.* Мы в данном случае касаемся только вопроса нравственности.

В своей статье «Ревизионизм под маской ортодоксии», направленной против Аксельрод-Ортодокс, занявшей кантианскую позицию в вопросе этики (и, кстати сказать, не только в вопросе этики), т. Деборин пишет:

> «Аксельрод говорит: нравственное сознание свойственно человеческому роду. Но нравственность не является, как уже указано, ни свойством природы, ни свойством родового сознания. Нравственность имеет дело с поступками людей, вытекающими из *социальных побуждений.* Социальные *чувства* присущие в той или иной степени животным, ведущим стадную жизнь, на протяжении человеческой истории, преобразуются в социальные побуждения и *социальные обязанности,* налагаемые соответствующим коллективом на личность»[1]).

Социальные побуждения, как основу нравственности, т. Деборин противопоставляет аксельродовскому положению «что нравственное сознание свойственно человеческому роду». Спор между т. Дебориным и Аксельрод-Ортодокс как капля на каплю похож на спор между Каутским и Кантом: *нравственность вытекает не из сознания, а из чувства, из социальных побуждений, свойственных человеческому роду, как таковому.* Выходит, что грех Аксельрод не в том, что она основу нравственности ищет в человеческом роде, как таковом, а в том, что она апеллирует к родовому сознанию, а не к родовому чувству, не к социальным побуждениям человека, как такового.

> «Человек, — говорит тов. Деборин, раз'ясняя роль и значение социальных побуждений, — вне общества жить не может, но *и общество не может жить без известных социальных побуждений, которые связывают отдельных людей в одно целое».*

Роль и значение социальных чувств описаны так, как они описаны у Каутского; «общество не может жить без известных социальных побуждений», так как они «связывают отдельных людей в *одно целое*». Вспомним каутскианское определение общества, согласно которому общественная связь, единство общества являются результатом социальных инстинктов, и мы с необходимостью придем к выводу, что т. Деборин и здесь повторяет Каутского, отступая от марксизма. Социальные побуждения выступают в приведенной формулировке тов. Деборина в качестве основного условия существования общества. «Общество *не может жить* без известных социальных побуждений, которые *связывают отдельных людей в одно целое*»—это то же самое, что сказать, что социальные побуждения образуют общество, а это означает, что тов. Деборин точь в точь повторяет Каутского.

Чувствуя все неудобство такой формулировки, не являющейся случайной, а вытекающей из каутскианской установки, т. Деборин тут же спешит «поправиться».

> «Эти социальные чувства, — продолжает тут же тов. Деборин, — побуждения и обязанности суть *об'ективные* факты в смысле их действительного реального существования в людях. Но, с другой стороны, ясно, что эти социальные чувства и побуждения являются *суб'ективным* выражением *об'ективных отношений* людей между собой»[2]).

Читатель должен, прочитав эти строки, сказать себе: тут что-то неладное. На самом деле. Какой из этих двух об'ективных фактов (т. Деборин социальные побуждения называет об'ективными фактами)—считать первичным и какой вторичным. Для тов. Деборина «*ясно*», что социальные побуждения являются суб'ективным выражением об'ективных отношений, ясно само собой. Но для читателя это далеко не ясно, поскольку сам т. Деборин в основу общества кладет социальные побуждения, т.-е. суб'ективное. Наоборот, читатель в праве, даже обязан сделать другой вывод, а именно, что отношения между людьми являются выражением социальных побуждений, духовными отношениями; при этом он может пойти на такую же уловку—т.-е. об'явить эти отношения об'ективными в смысле их реального существования в людях. Известно, например, что Каутский так и поступает.

---

[1]) «Под Знаменем Марксизма», 1928, кн. 1, стр. 12.

[2]) Там же.

Беря социальные побуждения, как основное условие существования общества, подав этим руку Каутскому в одном из важнейших вопросов марксизма, тов. Деборин вынужден, *желая примирить каутскианство с марксизмом,* прибегнуть к уловке, которая ничего кроме конфуза дать не может. Словечко «*ясно*» вряд ли убедительно для него самого, а для читателя и подавно.

Но пойдем дальше. Тов. Деборин говорит:

> «Все социальные инстинкты или чувства и покоящиеся на них нравственные законы, т.-е. *социальные обязанности* человека по отношению к коллективу, постепенно развились в историческом процессе общественной жизни. Нравственные поступки, т.-е. социальные обязанности оказывались в борьбе за существование чрезвычайно важным средством приспособления данного коллектива к окружающей среде. *Нравственный долг есть не что иное, как осознанное социальное чувство или осознанный социальный инстинкт.* Отсюда *и повелительный* характер нравственного долга»[1]).

Спрашивается, чем это не биолого-социологические приемы Ланге, Дарвина, Каутского и др. по выведению нравственности, социальных обязанностей из борьбы за существование, из инстинктов, корнями уходящих в животное царство.

И это после того, как Маркс решительно отверг биолого-социологические упражнения Ланге, и Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» в отношении Петцольда, также толковавшего о «непосредственности сострадания», о «нравственном устойчивом состоянии» и т. п., находил такие слова как «*несказанные пошлости*», «*беспредельное тупоумие мещанина*» и т. д., об'явив «фразой» все подобные попытки, как попытки, ничего не дающие, бесплодные для общественной науки[2]).

Биолого-социологические приемы т. Деборина с неизбежностью ведут его к постулированию вечного неизменного нравственного закона, ибо дело ни капельки не меняется от того, что нравственный долг понимается т. Дебориным как «*осознанный*» инстинкт. Решающим является то, что в основе *социальных обязанностей человеческой нравственности,* по мнению т. Деборина, лежит первичный социальный инстинкт, что нравственность не является отражеием общественного бытия, а заранее данной, т.-е. априорной. Посмотрите. «Нравственное чувство, или совесть,—говорит т. Деборин,—развились из общественных инстинктов, которые присущи уже общежительным животным»[3]). Стало-быть, нравственный долг, совесть имеет своим основанием животный инстинкт, т.-е. т. *Деборин повторяет Каутского,* который прямо заявляет, что нравственный закон — животный инстинкт.

В переводе на язык фактов из общественной жизни теория тов. Деборина означает: основная, последняя причина, почему пролетарий, отдавший свою жизнь в борьбе за дело коммунизма, лежит в том, что он осознал дремавший в нем животный инстинкт.

---

[1]) «Под Знаменем Марксизма», 1928, кн. 1, стр. 12—13.

[2]) Ленин, Соч., изд. 3-ье, т. XIII, стр. 262—263 и 268—270.

[3]) «Под Знаменем Марксизма», 1928, кн. 1 стр. 29.

Наш вывод резкий, но тем не менее справедливый, неизбежный. Чтобы избежать такого вывода, т. Деборин вслед за Каутским проводит различие между нравственным долгом или нравственным чувством и нравственными нормами.

«До сих пор мы еще ничего не сказали о нравственных нормах, о чем постоянно твердит Аксельрод. Она вслед за кантианцами повторяет сказку о присущих сознанию человеческого рода общеобязательных, об'ективных нравственных нормах. Между тем, как нормы-то как раз чрезвычайно изменчивы и текучи. Аксельрод определяет нравственный закон, как категорический императив, считая последний основным законом всякой морали. Между тем, как под нравственными нормами, как справедливо говорит К. Каутский, «следует понимать известные нравственные правила, существующие при определенной форме общества», а под нравственным чувством (или чувством долга) «стремление или побуждение подчинить свою личность благу общества, делать то, что содействует его успеху, даже в том случае, когда это урезывает или наносит ущерб личному благосостоянию». Под нравственным чувством или чувством долга скрываются социальные стремления людей вообще. Таким образом, определенные «нравственные» нормы являются как по своей форме, так и по своему содержанию исключительно продуктом данной формы общества. А самые эти «нормы» составляют совокупность правил (а не законов) весьма шатких и изменчивых... В классовом обществе нравственные нормы одного класса прямо противоположны нравственным нормам другого класса, поскольку их социальные стремления противоположны»[1].

Раньше всего следует отметить, что т. Деборин самым серьезным образом различает между социальными стремлениями людей, как таковыми, и определенными социальными стремлениями. Оба вида социальных стремлений имеют каждый свое особое проявление, выражение. Социальные стремления людей вообще «скрываются»,— так буквально говорит т. Деборин,—под нравственным чувством или чувством долга. Определенные же социальные стремления являются исключительно продуктом данной формы общества. Они проявляются в нормах. Нравственное чувство, или чувство долга с одной стороны, нормы — с другой. То же деление, что у Каутского, на которого т. Деборин и ссылается. Это раз.

Далее. Кантианке в этике, Аксельрод, признающей кантовский категорический императив основным законом всякой морали, т. Деборин считает необходимым указать на нормы, совершенно оставляя в стороне нравственное чувство, или чувство долга. Это очень интересно, очень характерно для двойной бухгалтерии дуалистической этики, на почву которой стал т. Деборин. Исподтишка оставляется свой категорический императив в его каутскианской форме, т.-е. в виде нравственного чувства, чувства долга, совести, и одновременно с этим штурмуется кантовский категорический императив нормами. Кусочек марксизма нашел свое применение. Но согласитесь, что этакими приемами не уйти все же от основного вопроса: а правомерно ли для марксиста стоять на точке зрения вечного, неизменного нравственного закона? Если сугубо неправа кантианка Аксельрод, то с другой стороны прав ли Каутский, прав ли тов. Деборин, которые под нравственным чувством, или чувством долга понимают скрытые социальные стремления людей вообще, социальные стремления как таковые, понимаемые, как действительный акт? А т. Деборин только так их понимает, иначе все его деление нравственного мира на две части лишается всякого смысла.

Так ли боролся Энгельс с Дюрингом, Маркс и Энгельс с Кантом? Мы выше видели, что такого деления у Маркса и Энгельса нет, его нет и у Ленина. В чем же дело? В том, очевидно, что т. Деборин слепо пошел

[1] «Под Знаменем Марксизма», 1928, кн. 1, стр. 13.

за Каутским, забыл, игнорировал или не понял Маркса, Энгельса и Ленина. Еще раз: признание социальных стремлений как таковых, утверждение, что социальные обязанности человека по отношению к коллективу покоятся (так говорит т. Деборин) на социальных инстинктах, корнями уходящих в животное царство, означают так или иначе признание вечного, неизменного нравственного закона. Сам т. Деборин подтверждает это тем, что он лишь в отношении норм утверждает, что они исключительно продукт данной формы общества. Сказать то же относительно нравственного чувства он не решается. Но не решиться на это значит рассматривать нравственное чувство как нечто, не относящееся к истории, как лежащее вне истории, т.-е. подать руку Каутскому и через Каутского Дюрингу, в борьбе с которым Энгельс формулировал приведенные выше положения.

Тов. Деборин не может не знать, что, по Дюрингу, элементы морали должны «оказаться... согласными у всех вне-человеческих существ, у которых деятельный рассудок должен сознательно упорядочить инстинктивные проявления жизни» [1]). Именно против попытки Дюринга выводить человеческую мораль из источников, лежащих вне человека, вне истории, выводить ее из инстинктов, присущих человеческим и вне-человеческим существам как таковым, Энгельс выставил положение, что мораль относится «только к человеческой истории».

Тов. Деборин, как помнит читатель, считает нормы исключительным продуктом данной формы общества. Но не позволительно ли здесь спросить следующее: а могут ли при допущенном тов. Дебориным раздвоении нравственного мира — могут ли нормы быть исключительным продуктом данной формы общества. Нет, не могут. И это по той причине, что не может тов. Деборин мыслить нравственные нормы существующими отдельно, отгороженными китайской стеной от «нравственного чувства», «долга» и т. д. Ибо, что это за нормы, не связанные с долгом, обязанностью и т. д., короче, за которые никто не станет драться, отстаивать их в случае нарушения и т. п. Такие нормы — одна пустышка, голая, бессодержательная фраза. Но это только лишний раз показывает, что деление нравственных явлений, предпринимаемое Каутским и вслед за ним тов. Дебориным, неправомерно, бессмысленно. Единственный «смысл» или лучше умысел в этом делении тот, чтобы таким путем оставить место неизменному нравственному закону. Бросая Аксельрод в лицо: «Как раз нормы-то чрезвычайно изменчивы и текучи», тов. Деборин бьет не только Аксельрод, но разоблачает и себя. Ибо этим он говорит: одно дело нравственное чувство, которое неизменно, и другое дело — нормы, которые «как раз» текучи и изменчивы. Поистине замечательное «как раз»!

Что тов. Деборин солидаризируется с Плехановым, повторяя вслед за ним, что «в основе нравственности лежит стремление к счастью целого» и что «это стремление предполагает большую или меньшую степень самопожертвования» — ясно само собою [2]). Ведь позиция Плеханова, как мы уже видели, не «противоречит» позиции Каутского, на которой обеими ногами стал тов. Деборин. Тут нас интересует другое. Если в основе нравственности лежит «стремление к счастью целого», предполагающее «большую или меньшую степень самопожертвования», то как быть с добром, т.-е. является ли добро историческим и, стало быть, относительным в диалектическом значении этого слова или добро следует рассматривать, как абсолютное. Позиция Каутского, Плеханова и следующего за ними тов. Деборина логически ведет к либерально-слащавому тезису знаменитого немецкого поэта Фридриха Шиллера: человек добр. И на самом деле, если человеку, как таковому, свойственно стремление

[1]) Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1928, стр. 75. Курсив наш.—*М. Ф.*

[2]) «Под Знаменем Марксизма», 1928, кн. 1, стр. 19.

к счастью целого и самопожертвование во имя этого счастья целого, то это и означает: человек добр. Но это положение, как либеральное и мелкобуржуазное, в корне противоречит революционному марксизму.

Вот что говорит тов. Деборин о добре: «Кто стоит на почве абсолютного добра в антагонистически построенном обществе, тот не понимает того, что он приносит зло, как раз наиболее угнетенным»[1]). Выходит, что стоять на почве абсолютного добра нельзя лишь по отношению к антагонистическому обществу. Это в корне неверно, это не марксизм. Марксизму чуждо понятие абсолютного добра. На почве абсолютного добра нельзя стоять и в отношении бесклассового общества. Добро относительно потому, что оно исторично. Но в том то и дело, что позиция Каутского и Плеханова, на которой стоит и тов. Деборин, с ее натуралистическим априори лишает категории добра ее исторического характера.

В связи с этим нельзя пройти мимо следующего рассуждения тов. Деборина:

> «Поэтому Каутский прав, — говорит он, — когда пишет, что «основной закон чистого практического разума» тогда только имеет смысл, когда в обществе, в котором мы живем, возможно «всеобщее законодательство», т.-е. не противоречивая система требований к отдельной личности, и когда воля каждого свободна, и выполнение и невыполнение этих требований зависит исключительно от желания индивида»[2]).

Это рассуждение неверно от начала до конца. Кантовский категорический императив не имеет смысла ни в каком обществе по той простой причине, что он не является, как говорят Маркс и Энгельс, действительным актом, а идеологическим понятием по самому существу своему. Он связан с другим идеологическим фантомом «свободной воли» и падает вместе с ним. Но, по Каутскому и тов. Деборину, в будущем обществе «воля каждого свободна». Но это неверно, так как и в будущем обществе воля каждого индивида будет определяться общественными отношениями. Неверно, наконец, и последнее положение, связанное со вторым, а именно, что выполнение и невыполнение требований общества будет зависеть исключительно от желания индивида. Такое положение понятно только в устах суб'ективиста Каутского, сторонника «свободной воли», как «свободы выбора». Выполнение и невыполнение требований общества будет зависеть не только от желания индивида, но и от суб'ективных и об'ективных возможностей. Предположить же абсолютное соответствие между желаниями и возможностями, абсолютное совпадение суб'ективного и об'ективного означает бесповоротно покинуть почву материалистической диалектики. Такое слащавое представление о коммунизме характерно для суб'ективиста Каутского, который в коммунизме видит прежде всего триумф изначальных добрых социальных инстинктов.

Из только что приведенной цитаты видно, прямо бросается в глаза, насколько непоследовательна, половинчата деборинская критика кантианства в этике, кантовского категорического императива. Оказывается, что кантовский категорический императив будет пригоден в коммунистическом обществе. Что может быть более чудовищным? Плохого, рокового руководителя в марксизме выбрал тов. Деборин в лице Каутского.

В той же статье мы читаем: «Марксизм отвергает, как формализм, так и абсолютизм нравственного закона, иначе говоря, он отвергает категорический императив, как таковой» (стр. 11-я). Но это относится к категорическому императиву Канта. «Каутский — вот враг мой», вправе во всеуслышание заявить т. Деборин. Категорический императив в его каутски-

---

1) «Под Знаменем Марксизма», 1928, стр. 20.
2) Там же, стр. 22.

анской форме, т.-е. как нравственное чувство для т. Деборина приемлем.

Тов. Деборин приводит некоторые выдержки из речи Ленина на 3-м
всероссийском с'езде РКСМ «Задачи союза молодежи» и заключает: «Итак,
нравственность, по мнению Ленина, совпадающему вполне с мнением Энгельса,
необходимо прежде всего выводить из общественных отношений».
«Прежде всего» — а из чего еще помимо общественных отношений
следует, по Ленину, выводить нравственность? Может быть из каутскианских
социальных инстинктов или из плехановского стремления к счастью целого?
Но это было бы издевательство, поклеп на Ленина. Никакого другого источ-
ника морали, помимо общественных отношений, Ленин не знает. С особой си-
лой Ленин несколько раз подчеркивает эту мысль. «Для нас, — говорит он, —
нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует; это —
обман»[1]). Обманом считает Ленин не только выведение морали
из велений нравственного абсолюта, из велений бога, обманом он считает и
выведение ее из «идеалистических или полуидеалистических фраз, которые
всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога»[2]). Каут-
скианские социальные инстинкты есть идеалистическая фраза, которая сво-
дится к чему-то такому, что очень похоже на веления бога, есть обман. Про-
цесс мировой истории определяется, по Каутскому, духом, волей, первичными
социальными инстинктами, составляющими в своей совокупности нравствен-
ный закон. История человеческого общества сводится к истории судеб социаль-
ных инстинктов, нравственного закона. В эпоху развитого капитализма соци-
альные инстинкты, снова охватывают весь род человеческий, и в этом гаран-
тия победы идеи вечного мира на земле, — твердит Каутский.

> «Современные мировые сношения делают буржуазное общество все
> более и более тождественным человечеству. Этим мы в известном смысле воз-
> вращаемся назад к исходному пункту развития. Социальные инстинкты теперь
> снова вовлекают весь род человеческий в поле действия, вследствие чего
> война между отдельными нациями в пределах рода все больше и больше
> клеймится как безнравственный акт. До сих пор это, правда, происходит лишь
> в сознании отдельных мыслителей и классов, однако, движение в направлении
> вечного мира, должно посредством мировых сношений стать непобедимым»[3]).

Это—фальшивая пацифистская песенка, обман и надувательство герман-
ских рабочих и крестьян в интересах германского капитала и землевладения,
построенные, теоретически «обоснованные» сказкой о первичности социаль-
ных инстинктов.

Вот куда ведет и не может не вести идеалистическая, полуидеалисти-
ческая фраза о врожденном социальном инстинкте. Она ведет к телеологи-
ческому пониманию исторического процесса и в конечном счете к теологии.
Учение о социальных инстинктах в корне антимарксист-
ское, в прямом смысле слова враждебно учению Мар-
кса, Энгельса и Ленина о классовой борьбе. Это под-
мена классовой борьбы теплой сентиментальной раз-
мазней, это превращение коммунизма в бред о любви.

Революционное наследие французского материализма заключается
в мысли, что люди продукт обстоятельств и воспитания. Марксово учение
о революционной практике, о классовой борьбе обогащает, углубляет, рас-
ширяет ее до положения: человек продукт обстоятельств и воспитания, но
он же изменяет обстоятельства и вместе с тем воспитание. Призывая моло-
дежь «воспитать из себя коммунистов», Ленин учит как это делать:

---

1) Ленин, Соч., т. XVII, стр. 322. Курсив наш.—*М. Ф.*
2) Там же, стр. 321.
3) К. Каутский, Материалист. понимание истории, I, стр. 290

«Поставить свою *практическую деятельность* так, чтобы, *учась, организуясь, сплачиваясь, борясь,* эта молодежь *воспитывала* бы себя и всех тех, кто в ней видит вождя, чтобы она воспитывала коммунистов» [1]). Воспитание через практику, через революционную классовую борьбу — вот чему учит Ленин. Молодое поколение, — продолжает Ленин, — «может учиться коммунизму, только связывая каждый шаг своего учения, воспитания и образования с непрерывной борьбой пролетариев и трудящихся против старого эксплоататорского общества» [2]). Ленин требует теснейшей связи между учением, воспитанием и образованием и классовой борьбой, связи в каждом шаге.

Имеют ли эти мысли Ленина хоть сколько-нибудь общего, есть ли тут хоть какой-либо намек на социальные инстинкты, на добрую природу молодежи, на стремление к счастью целого и т. д.? Нет не имеют и иметь не могут.

Сравните эти ленинские мысли, обращенные к молодежи, с каутскианской тирадой о молодежи в статье «Общественные инстинкты в мире людей». Молодежь еще не испорчена борьбой за существование, ее характеризует поэтому «увлечение всем разумным, добрым, вечным, идеализм — не философский, конечно, а, так сказать, душевный идеализм; все это не приобретения нашей культуры, а лишь современные проявления общественных инстанктов, унаследованных нами от наших предков» [3]). С одной стороны, либеральная песенка о природной доброте человека и о проклятых обстоятельствах, с другой стороны, призыв борца, революционного марксиста к воспитанию в борьбе, через борьбу за коммунизм.

Разница между марксизмом и каутскианством во всех его разновидностях в вопросе этики весьма и весьма существенная. Марксизм учит, что в основе нравственности лежат общественные отношения, классовая борьба, марксизм не ищет этой основы вне человеческого общества, вне классовой борьбы. Каутскианство во всех его разновидностях, желающее во что бы то ни стало примирить революционный марксизм с тем или иным буржуазным учением, ищет основы нравственности вне истории, в природе человека. Мостом весьма «удобным» к тому служит дарвиновская теория социальных инстинктов, при помощи которой либерал Дарвин хотел обосновать нравственный прогресс человечества.

Приведем одну выдержку из «Происхождения человека»:

> «Когда человек подвигается вперед на пути цивилизации и небольшие племена соединяются в большие общества, простой здравый смысл говорит всякому, что он должен распространять свои социальные инстинкты и симпатии на всех членов той же нации, хотя бы они лично и не были знакомы ему. Когда человек достиг этого пункта, ему остается только победить одно искусственное препятствие, чтобы распространить свои симпатии на людей всех наций и рас» [4]).

Поразительное созвучие между престарелым Каутским, превратившимся в заурядного пацифиста, и либералом Чарльзом Дарвином прямо бросается в глаза. Но то, что у великого естествоиспытателя составляет либеральную, филистерскую ограниченность, превратилось у Каутского в сознательное орудие борьбы с марксизмом, в прямую и открытую измену делу коммунизма, а у последователей Каутского в сознательное или бессознательное засорение учения Маркса, Энгельса и Ленина.

Воспитание в революционной практической деятельности, в классовой борьбе или почивание, успокоение на унаследованных социальных инстинктах; или мы принимаем всерьез и целиком тезис Маркса об изменении человеческой природы в процессе воздействия человека на природу, или мы его принимаем лишь на словах, так или иначе ограничиваем его значение, его значимость. Или нравственность имеет своей основой общественные отношения и только общественные отношения, или мы под натиском противника «немножечко» биологизируем марксизм. Так и только так стоит вопрос.

[1]) Ленин, Соч., т. XVII, стр. 320—21. Курсив наш.—*М. Ф.*
[2]) Там же, стр. 324.
[3]) К. Каутский, Материалистическое понимание истории, 1, стр. 474.
[4]) Ч. Дарвин, Происхождение человека и половой подбор. 1899, стр. 85—86.

В своих заключительных рассуждениях тов. Деборин делает попытку выйти из того тупика, в который его завела каутскианская теория морали. Так тов. Деборин говорит:

> «Сами по себе симпатические чувства еще не об'ясняют ничего ни в поступках и поведении людей, ни определенной их формы. Только данная организация общества об'ясняет нравственные чувства и воззрения, определенные нормы, действующие при данных общественных отношениях».

Но эти правильные мысли сейчас же снимаются, обесцениваются следующими за ними:

> «Так как человек на протяжении многих тысячелетий вынужден был подчинять личные интересы интересам определенного коллектива, то, естественно, что в нем выработался общественный инстинкт. Поступки в интересах коллектива носят часто инстинктивный характер. По мнению Каутского, нравственное поведение имеет даже у человека ту особенность, что оно является инстинктивным, чем-то таким, чему человек повинуется без размышления» [1]).

Попытка симпатические, нравственные чувства и нормы выводить, об'яснить из общественных отношений, попытка снять каутскианское деление нравственных явлений тут же сменяется отказом от об'яснения нравственности, сменяется апелляцией к унаследованному общественному инстинкту и об'явлением вслед за Каутским, что нравственное поведение человека является *инстинктивным*. Так попытка только попыткой и остается. *Берет верх каутскианская установка.*

И еще один пример. Приводя рассуждения Каутского о морали дикарей и варваров, в которых Каутский говорит о роли коллективной формы труда у варваров, способствовавшей крепкой общественной военной дисциплине, тов. Деборин заключает на основании этих рассуждений:

> «*Коллективная форма труда и порождаемые ею общественные связи — вот истинный источник морали.* В *животном* мире складываются только определенные инстинкты, чувства, которые в *человеческом* обществе принимают качественно иную форму—форму нравственного сознания, сознательного подчинения своей личности общему благу. Если человек и приносит из животного мира известные инстинкты, то в человеческом общежитии содержание и направление целиком определяются формой организации общества. Нравственности не существует в животном царстве. Там существуют лишь определенные бессознательные привычки или приспособления к условиям среды» [2]).

Налицо частичная попытка на основании заявления Каутского о роли коллективной формы труда (тов. Деборин не замечает или умалчивает о том, что у Каутского эта роль сводится к «школе общественных инстинктов»), попытка перейти на несколько другие рельсы. *Истинным* (sic!) источником морали об'являются коллективные формы труда и порождаемые ими общественные связи, ограничивается роль принесенных из животного царства инстинктов и в связи с этим на первое место выдвигается сознание, в котором отказывается животным и на этом основании — заметьте, исключительно на этом основании — отказывается им, наконец, в праве на нравственность. Дальше тов. Деборин, касаясь силы «общественного мнения» и общественной среды, готов об'яснить «непосредственный и повелительный характер голоса совести» тем,

[1]) «Под Знаменем Марксизма», 1928 г., кн. 1, стр. 30.
[2]) Там же, стр. 31.

что «человек бессознательно впитывает в себя с детства определенные моральные взгляды и нормы от той общественной среды, в которой он живет» [1]). Если тут перемешано правильное с неправильным, то ровно через одну страницу снова правильное снимается. Вот окончательная формулировка позиции марксизма в этике, как ее понимает тов. Деборин:

> «Марксизм не отрицает социальных инстинктов или нравственности, как совокупности определенных правил поведения, в которых обнаруживается самопожертвование, чувство долга, сознание обязанностей по отношению к «ближним». Марксизм только констатирует тот факт, что нравственность в современном обществе носит классовый характер» [2]).

Нравственность отождествляется с социальными инстинктами, что означает полное повторение Каутского. В нравственности, далее, как совокупности определенных правил поведения «обнаруживается», — так буквально говорит тов. Деборин,—самопожертвование, чувство долга, сознание обязанностей по отношению к ближним. Это ничего другого не означает, как то, что в знакомых нам временных, преходящих «нравственных нормах» проявляются, выступают наружу априорные социальные инстинкты, т.-е. надисторический нравственный закон. Вот этого, по мнению тов. Деборина, марксизм «не отрицает», т.-е. принимает; марксизм принимает, стало быть, нравственность, которая в своей основе надисторична, всеобща, распространяется на «ближних» (мы в угоду тов. Деборину готовы оставить кавычки) вообще. Конкретнее, марксизм, по мнению тов. Деборина, «не отрицает» существования совести, долга, самопожертвования, как таковых. Но ведь это все равно что сказать, что марксизм «не отрицает» существования плода, как такового, который обнаруживается - де в яблоке, груше, миндале и т. п. И почему тогда не признать существование воли, как таковой, и свободы, как таковой? Признает, ведь, Каутский волю и свободу, как таковые. И далее. По мнению т. Деборина, марксизм «только констатирует факт, что нравственность в классовом обществе носит классовый характер». Действительно, такому «марксизму», который «не отрицает» существования нравственности, как таковой, ничего другого не остается делать, как только «констатировать факт», так как он совершенно беспомощен по отношению к действительной морали. И «так как общество до сих пор»,— как говорит Энгельс,— «развивалось в классовых противоречиях и, стало быть, мораль была всегда классовой моралью» («Анти-Дюринг»), то ему, т.-е. такому «марксизму», в этике вообще делать нечего. Ибо от констатирования столько же может измениться в человеческом обществе, сколько от наблюдений астрономом лунного затмения.

И еще один любопытный урок из полемики тов. Деборина с Аксельрод-Ортодокс: аксельродские «простые законы» нравственности остались, но их кантианское облачение заменено каутскианским.

---

[1]) «Под Знаменем Марксизма», 1928, кн. 1, стр. 32.
[2]) Там же стр. 33.

Б. Майзель.

Пресса империализма о пятилетке СССР.

Совершенно исключительное по размаху и темпам социалистическое строительство в Советском Союзе заставило заговорить и иностранную печать.

Правда, большинство «почтенных» газет, вроде «Форвертс», «Берлинер Тагеблат», «Тан», «Дейли Мэйль», «Таймс» и других — имя им легион — всю свою информацию о СССР сводят к сообщениям об «ужасных преследованиях» ксендзов, попов и раввинов. И если сравнить количество бумаги и чернил, затраченных на сведения о «разоблачениях» Беседовского, о «великом» Кутепове, не говоря уже о господе-боге, с тем, что пишется о пятилетке, то результат сравнения будет, конечно, в пользу Кутепова и Беседовского Бедная пятилетка, куда ей тягаться с такими замечательными личностями. Но кое-что выпадает и на ее долю.

Если вся империалистская подворотня, поднявшая особенно сильный лай на СССР, уделяет пятилетке меньше внимания, чем кутепиаде, то мы не ошибемся, однако, в том, что пятилетка является главной причиной этого хриплого, озверелого лая. И именно потому, что она является главной причиной, о ней часто умалчивают.

Что же пишут о пятилетке в буржуазных газетах?

Наряду со статьями, полными злобы и ненависти, некоторые об'ективные (об'ективные, по мере возможности) журналисты и экономисты, главным образом американцы, отзываются с неподдельным восхищением о пятилетке.

Их поражает размах, темпы, но почти никто из них не отмечает, что мы не просто строим гигантские фабрики, комбинаты, города, но что мы строим первое социалистическое государство. Их поражает, что через десяток лет СССР и С. Штаты будут единственными крупными державами мира, но они, конечно, не понимают и понять не могут, что СССР это—страна, строящегося социализма.

Мы не ошибемся, если многие из этих восторженных отзывов расценим как сигнализацию об опасности.

Неоднократно помещались статьи во французской, итальянской прессе об исключительных достоинствах Красной армии. Какой смысл имеют эти статьи на страницах фашистской печати? Исключительно сигнализацию о необходимости учета боеспособности Красной армии. То же значение имеют восторженные статьи о пятилетке: их авторы предупреждают капиталистический мир, что СССР крепнет.

Крупнейший орган С. Штатов «Нью-Йорк Таймс» от 26 января с. г. посвятил две статьи пятилетке. Вторая из них принадлежит перу одного из крупнейших экономистов Дж. Коплэнда, и в качестве комментария к ней дана передовая статья.

> «Больше, чем можно было предполагать год тому назад, Советская Россия продвинулась в выполнении величайшего в истории эконо-

мического строительства,— пишет проф. Коплэнд.— Пятилетний план должен превратить земледельческую страну со 150 млн. жителей в страну преимущественно индустриальную. Планом предусматривается огромный под'ем всех областей хозяйства и культуры».

Автор передовой также называет пятилетку исключительным (most extraordinary) в истории человечества экономическим предприятием,

«по крайней мере по смелости и краткости периода выполнения».

«План столь поразителен, что его огромная экономическая сущность отходит на задний план по сравнению с психологическим эффектом его... Поражает смелость и решительность, с которой эти люди без помощи извне проводят это огромное дело...»

«Однако, цифры предположенной продукции далеки еще от цифр продукции С. Штатов,— утешает автор передовой.— Разница еще остается большой, по крайней мере, на ближайший период... Вопрос — откуда возьмутся 32 миллиарда долларов—приобретает особенное значение в связи с настоящим положением в России».

Как бы ответом на вопрос автора передовой «Нью-Йорк Таймс», откуда возьмутся 32 миллиарда долларов — может явиться статья Стюарта Чэйза, напечатанная почти за 2 месяца до цитированной статьи в газете «Нью-Йорк Геральд Трибюн» от 1 декабря 1929 г. Озаглавлена статья «Просперити в России», т.-е. процветание России. «Просперити» американцы считают своей монополией. И вот Стюарт Чэйз показывает, что СССР идет гигантскими шагами к просперити более высокого порядка, чем американское просперити кучки капиталистов.

«Мистер Гувер,— пишет он,— в настоящее время обращается телеграфно ко всем руководителям промышленности, чтобы начать проводить то, что русские давно уже осуществляют...

Русские проводят в жизнь те идеалы, о которых мечтали величайшие в мире философы, т.-е. создать человеческое счастье на материальной базе.

А между тем, в хваленых С. Штатах растет безработица и заработок рабочего отстает от приличного прожиточного минимума.

Мы пустословили, а русские серьезно занялись уничтожением нищеты, безработицы и экономической неуверенности насчет будущего.

Они только начали это дело, но уже следующее поколение при теперешнем темпе развития СССР послужит наглядным доказательством, как могут итти нога в ногу материальная обеспеченность и культура».

И дальше Стюарт Чэйз приводит цифровые данные, характеризующие пятилетку.

«Откуда же возьмутся 32 миллиарда долларов—таков обычный вопрос деловых американцев,— пишет он.— Американцы помешаны на деньгах... А, между тем, для созидания нужны не деньги, а натуральные ресурсы, трудолюбие и хорошие мозги,— всего этого в СССР предостаточно».

«Размах строительства в СССР столь велик,— продолжает Чэйз,— что крупнейших американских деятелей он должен привести в изумление и преклонение».

Следует отметить, что Чэйз не увлекающийся цифрами и впечатлениями человек. Он пишет, что он детально изучал пятилетку. Выводы его основаны на тщательно подобранных и проверенных данных.

И в статье Чэйза и в статье Коплэнда подчеркивается, что по выполнении пятилетнего плана СССР все же будет далеко отстоять от С. Штатов. Как-будто у нас кто-нибудь заявлял, что СССР обгонит капиталистический мир именно в первое пятилетие. Но если мы не обгоним в первое пятилетие по продукции, то, несомненно, обгоним их по уровню жизни трудящихся.

Но когда Стюарт Чэйз говорит, что к концу пятилетки уровень жизни у нас будет ниже уровня жизни С.-А. С. Ш., то он противоречит самому себе.

Он сам говорит о построении нового общества без богатых и бедных, сытых и голодных в противовес тому обществу, среди которого он живет и где наряду с небольшой группой миллионеров и миллиардеров пять миллионов безработных, а с семьями 15—18 миллионов человек, обречены на голодное существование. С усилением же кризиса эта армия должна будет расти. Не нелепо ли после этого говорить о подушевой доле национального дохода, когда речь идет о сравнении капиталистической страны со страной строящей социализм, страной, где давным-давно забыли об отечественных миллиардерах и миллионерах.

Специальная корреспонденция о проблеме капитальных вложений помещена в органе крупного французского капитала «Энформасьон» от 23/II с. г.

«Когда Советы,—пишет корреспондент «Энформасьон»,—опубликовали свою, ставшую знаменитой, пятилетку, то за границей весьма скептически приняли этот водопад миллиардов. Откуда Советы возьмут такие деньги? Мнения иностранных экономистов по этому вопросу расходятся. Они не единодушны в оценке того, что надо понимать под капиталами...

Сбережения в СССР крайне незначительны по сравнению с национальным доходом. Но воля государства — все. И эта воля изыскивает средства для вложений...

Капиталистическому циклу: накопление капиталов и их инвестиция, СССР противопоставляет непосредственную инвестицию материала и труда...

СССР вложит 55 миллиардов цементом, кирпичом, оборудованием, зарплатой, а как это будет проведено по бухгалтерии,— это в конце концов игра письменных знаков...

Недостаток следует искать скорее в малой эластичности государственного аппарата. Момент этот важен тем более, что непосредственные инвестиции без предварительной организации резерва напоминают машину без регулятора. Но еще важнее проблема — человеческая. Основной принцип пятилетки — терпеть ради лучшего будущего. Реализация этого принципа в большей мере политическая проблема, чем экономическая».

Эта оценка в основном совпадает с оценкой Ст. Чэйза.

Австрийский орган «Нейе Фрейе Прессе» от 9 февраля, касаясь проблемы финансирования пятилетки, пишет что в СССР «в настоящее время больше чем когда-либо склонны стать независимыми от буржуазного мира... Период активных поисков займов уже давно забыт».

Австрийская «Нейе Фрейе Прессе» пишет об этом без особой злобы: австрийская буржуазия не имеет к нам долговых претензий. А вот каково французской, английской буржуазии?

«Поварятся в собственном соку и погибнут»—предсказывали мудрецы от империализма. «Какая нелепость давать большевикам займы, чтобы их укрепить этим самым. А без займов, что они сделают? Пропадут. Да если бы и дать им эти займы, то деньги распылятся или пойдут на пропаганду». «Одно дело разрушать, а другое дело строить». Таковы были наиболее «деловые» соображения и мнения буржуазной печати.

И вдруг... действительно, как в сказке, все изменилось: эти разрушители, неверующие к тому же в бога — делают чудеса.

Чорт возьми! Им не нужны наши займы, они не гонятся за концессиями, они строят во всех уголках своей грандиозной страны. Строят крупнейшие в мире фабрики, электростанции, дороги, элеваторы, дома-дворцы, грандиозные социалистические города. И угрожают еще бо̀льшими темпами, они говорят, что это только начало, что это еще даже не цветочки, а только зачатки, ростки. А что же будет, когда появятся ягодки?

Да и как не верить, если все, кто не слеп или не ослеплен враждой, видят на деле, что в СССР происходит невиданная стройка. В СССР работают американские инженеры. Они описывают наблюдаемое. И вот на основании их сообщений американский «Инджиниринг энд Майнинг Джорнал» от 30 ноября 1929 г. в статье, посвященной работе американских специалистов в СССР, пишет:

«Американские инженеры наблюдают создание огромных предприятий, строящихся на базе материальных ресурсов, быть может, более богатых, чем те, которыми обладают С. Штаты... Социалистическое государство экономически крепнет с каждым днем. Прочность его основана на сочувствии народа...»:

«...Американские инженеры, — пишет этот журнал, — увлеченные грандиозностью проектируемых предприятий, работают не только за деньги, их не смущает тот факт, что они творят судьбу нации, которая по благосостоянию будет соперничать с С. Штатами».

«Нью-Йорк Таймс» от 22 декабря напечатал краткий отчет доклада инженера Купера о СССР, сделанного им в одном американском университете. Купер восторженно отозвался о нашем строительстве. Он заявил, что по аккуратности выполнения обязательств Советское правительство не имеет конкурентов. «Это единственная нация в мире, которой мы можем доверять».

«Берлинер Берзен Курьер» от 21 февраля приводит выдержку из речи Шлея, вице-президента «Чэйз Нэйшионэль Бэнк», на завтраке в честь председателя Амторга тов. Богданова.

«В С. Штатах, — заявил он, — к пятилетке относятся с большим интересом. Пятилетний план рассматривается, как лозунг для пробуждения патриотизма с целью получения поддержки, требующей жертв со стороны масс.

Русский народ вынужден уменьшить потребление ряда продуктов, чтобы ввозить машины... Несмотря на препятствия, успехи все же несомненны».

Очевидно, буржуазия не знает других путей под'ема масс, как патриотизм, шовинизм. Наша пятилетка, выполнение которой составляет желание сотен миллионов трудящихся разных стран и частей света — меньше всего предназначена к пробуждению патриотизма.

«Мэгэзин оф Уолл Стрит» от 8/II-30 г. пишет:

«Великий эксперимент, который производится в СССР, с американской точки зрения обречен на неудачу, но во всяком случае промышленность СССР растет. Один «Дженераль Электрик» получил заказ на постройку 4-х величайших в мире электрогенераторов по 100 тыс. лошадиных сил. Каждый из этих генераторов в состоянии осветить 700 тысяч домов или проделать работу 6 миллионов русских крестьян».

Американский информационный бюллетень «Эрнст энд Эрнст» пишет, что пятилетка — залог развития советско-американской торговли. О пятилетке этот журнал отзывается следующим образом:

«Это грандиознейший заранее начертанный и сформулированный план систематического развития страны. В истории человечества не было ничего подобного»...

Детали пятилетки интересны не только сами по себе, но и потому, что они отчасти выполняются. «Таймс» от 22 марта поместил рецензию о книге «Советский Союз смотрит вперед» (так озаглавлено американское издание 5-летнего плана).

«Заглавие этой книги совершенно правильно,—пишет рецензент,—Советский Союз смотрит вперед и предсказывает успех своих планов с убедительной уверенностью. Таково впечатление от плана Госплана... Они (большевики.—*Б. М.*) пытаются в 5 лет осуществить то, на что потребовалось бы 50 лет в благоприятных условиях, которые, как они сами признают, отсутствуют... В отношении энергии условия неблагоприятны, добыча угля в размерах, намеченных планом, потребует 50 новых копей и реконструкции старых. Тяжелая промышленность должна развернуться до гигантских размеров при остром недостатке железа и стали, химическая промышленность должна быть создана заново... В качестве примера, которому нужно следовать, авторы плана берут Америку. В Америке СССР видит своего учителя. Это крайне любопытно, так как Америка является наиболее капиталистической из всех стран, Россия—наиболее социалистической. Быть может, авторы плана думают, что чем более передовым является капитализм, тем он ближе к социализму,—так было бы по Марксу. Однако, нет данных об успехах социализма в Америке, к несчастью для марксистской теории;

а Россия, где капитализм был чужеродным растением с весьма слабыми корнями, теперь еще менее капиталистическая страна, чем когда-либо. И тем не менее, Россия обращается к Америке за указаниями о том, как расширить и укрепить свою же развившуюся социалистическую систему. Этот прием не может быть согласован не только с марксистской, но и с какой бы то ни было другой социалистической теорией».

Это недурно — «Таймс» в роли учителя марксизма, который в СССР, по его мнению, хромает. Характерно, что автор рецензии отмечает, что это (очевидно, использование капиталистической техники. *Б. М.*) несогласно ни с марксистской, ни с какой-либо иной социалистической теорией.

Не Дан ли просветил рецензента «Таймса» в области марксизма. Как будто похоже на то. Если бы С. Штаты были для СССР примером, то, во-первых, это был бы не СССР, а, во-вторых, «Таймс» и подобные ему органы не призывали бы весь «цивилизованный мир» к войне против СССР.

Жаль только, что мы даем основания «Таймсу» беспокоиться за чистоту марксистской доктрины. Если бы мы не создавали гигантскую промышленность, тогда это, вероятно, было бы по Марксу. Так вас надо понимать, уважаемый рецензент из «Таймса»??

Займом «Пятилетка в четыре года» орган французских биржевиков «Ажанс Экономик э Финансьер» весьма шокирован. «Эти меры, пишет он от 8/III, не имеют прецедента в истории человечества и могут применяться только к населению, приведенному в рабское состояние».

А пятилетка, а уничтожение частной собственности и эксплоатации— имеет прецеденты в истории — господа биржевики? Что касается рабского состояния, то это, повидимому, дело вкуса. Французские рабочие и бедные крестьяне готовятся кровь свою проливать за такое «рабство». Но и без ваших заявлений мы не сомневаемся, что все, что делается в СССР биржевикам не особенно по вкусу.

Серьезную, деловую оценку нашему строительству дала английская торгово-промышленная делегация.

Резюме отчета этой делегации было напечатано в ряде газет.

В каждом ведомстве, сообщает делегация, разрабатываются планы для наилучшего выполнения пятилетки... Заводы СССР работают хорошо, их организация налажена, но стоимость продукции высока — констатирует делегация. Насколько высока активность предприятий, можно судить по тому, что они работают в 2—3 смены. Делегация предвидит затруднения в выполнении пятилетки из-за недостатка технических кадров. Характерны комментарии к отчету делегации в «Манчестер Гардиан Коммершел» от 24 октября 1929 г.

«Пятилетний план, на выполнении которого сосредоточена вся энергия и весь энтузиазм страны, не предусматривает притока иностранных капиталов. Если же иностранные капиталы начнут притекать в Россию, то можно ожидать более быстрого темпа развития и общего улучшения состояния страны. Это будет единственным стимулом для России согласиться на урегулирование своей старой задолженности. Предстоящие переговоры дадут возможность привлечь в нашу страну крупные заказы, которые поставят Англию на первое место в снабжении России машинами и оборудованием. Капиталы, которые России нужны, будут притекать, главным образом, в виде растущего импорта машин и оборудования.

Во всяком случае, если Россия не получит этих товаров в Англии, то она закупит их в Германии или Америке».

Это уже относится к области практических выводов в связи с пятилеткой. С одной стороны, эта газета вынуждена признать, что пятилетка осуществима без притока иностранных капиталов. Если же крупные промышленные страны дадут СССР оборудование в длительный кредит, то темп строительства будет даже ускорен. Необходимо потороπиться, однако, делает вывод «Манчестер Гардиан Коммершел», ибо если Англия опоздает, то ее долю

захватят С. Штаты и Германия. Нельзя не признать, что эти соображения совершенно справедливы.

Характерно, что газета отмечает, что на выполнении пятилетки сосредоточена вся энергия и весь энтузиазм страны. А ведь еще недавно со страниц буржуазной печати не сходили сообщения о том, что вся страна против большевиков, что вся промышленность, унаследованная от царизма гибнет, что заводы превращаются в развалины.

В этом отношении небезынтересна статья в наиболее яро-антисоветском органе французской тяжелой промышленности «Бюллетен Котидьен» от 2/X.

Известный нефтяной специалист де-Булард следующим образом описывает положение советской нефтепромышленности:

«От старой промышленности почти ничего не осталось. Повсюду — огромная механизация, применение электричества в широких масштабах. Нефтеочистительные заводы работают на новом оборудовании, представляющем последнее слово техники».

Автор останавливается на огромной исследовательской работе Геологического комитета и на больших потенциальных возможностях и констатирует, что развитие нефтепромышленности в СССР примет гигантские размеры. Он также предвидит затруднения из-за недостатка технических кадров, но отмечает большую работу, которую проделывает советская власть для их подготовки.

В другом номере от 9/X «Бюллетен Котидьен» пишет:

«Великая программа пятилетки, которую мы в свое время анализировали, начала выполняться 1 октября 1928 г. Увеличение было предусмотрено в 21,4%, а на деле достигнуто 23,5%.

Темп ускорения рос из триместра в триместр.

I триместр	—1797	млн. дов. руб. (промпродукция).
II „	—1896	„ „ „ „
III „	—1923	„ „ „ „
IV (2 мес.)	—1291	„ „ „ „

Даже в областях, в которых план не выполнен, превышение против прошлого года несомненно, грузооборот ж. д. достигнет 175—177 млн. километров против 165 млн., предусмотренных в плане. Индивидуальная выработка рабочего возросла не на 17%, а на 13,8%. Ухудшилось и качество продукции. Маловероятно, чтобы план был выполнен без инфляции».

Цитированные две последние выдержки особенно характерны, так как «Бюллетен Котидьен» является одним из самых ярых антисоветских органов печати. Всякий недостаток в нашей системе им выпячивался. Но против фактов не пойдешь. Орган французских горнопромышленников «Бюллетен Котидьен», по понятным причинам особо интересующийся нашими нефтяными источниками, вынужден признать, что большевики оказывается разрушили старые предприятия, чтобы создать вместо них наиболее усовершенствованные новые.

Пятилетка, которую этот журнал еще так недавно высмеивал как утопию, также выдержала экзамен в первом году ее осуществления. Выходит, что ему нужно сознаться в том, что вся его предшествовавшая информация была голым враньем.

«Таймс» от 28/III надеется, что большевики просчитаются. Что они строят ложные планы на основании выводов из результатов первого года.

«Пятилетка, — пишет «Таймс», — теперь занимает центр внимания большевиков. Она является основной и обязательной догмой для каждого лойяльного коммуниста. Те, кто высказали некоторые сомнения по поводу некоторых пунктов этой программы индустриализации, об'явлены еретиками — таковы Рыков, Томский, Бухарин. Центром тяжести пятилетки является так называемая индустриализация Советского Союза. Но основная ошибка в расчетах

заключается в том, что за исходную точку приняли темп развития советской промышленности после введения нэпа. Авторы плана рассчитывают, что этот темп может быть удержан и в будущем. Правая оппозиция указывала на эту ошибку.

Главный источник средств для индустриализации составители плана видят в сельском хозяйстве Советского Союза. Намечено увеличение с.-х. продукции с 11 миллиардов руб. до 15,7 млрд. руб. в 1933 году. Государство будет иметь, таким образом, товарные излишки хлеба на сумму около 3,5 млрд. рублей, т.-е. вдвое больше, чем в нынешнем году. Но эти результаты даже при проведении коллективизации сельского хозяйства могут быть достигнуты, если в руках советского государства будет достаточное количество машин, которого советские заводы выработать не могут. Весьма спорным также является, сможет ли быть размещен на рынке советский хлеб по достаточно высоким ценам, чтобы получить нужную для индустриализации прибыль. Рыков сказал относительно пятилетки, это превосходный план, но страна не готова для проведения его. Во многих местах крестьянство крайне враждебно планам реорганизации сельского хозяйства, и советская пресса ежедневно сообщает о насилиях и нападениях на новые хозяйства и на лиц, там работающих. Широко распространяются слухи, что колхозы являются восстановлением крепостного права, о котором еще помнят старики в деревнях».

Мы не собираемся полемизировать с «Таймсом», который наивно полагает, что наши планы не увязаны и что план реконструкции сельского хозяйства не учитывает возможностей продукции с.-х. машин. Характерно, что даже в серьезной статье «Таймс» не удержался, чтобы не удивить мир «новостью», что крестьянство принимает колхозы, как крепостное право.

«Таймс» не указывает источника этой поразительно интересной информации. Если она не носит штампа «Made in England» (мэйд ин Ингланд), то наверно получена из «авторитетного источника» — из близкого к СССР Гельсингфорса, если не из Риги.

«Берлинер Берзен Курьер» в статье от 24/XI, озаглавленной «Экономическая революция в России», оценивает проведение пятилетки как хозяйственную революцию. И как всякая революция она не проходит без сопротивления и борьбы.

«В деревне, — пишет газета, — последние сторонники индивидуального хозяйства ведут отчаянную борьбу. И в правящей партии эта борьба не проходит без следа».

Энергия руководителей побеждает, однако, всякие препятствия.

«Финэншель Ньюс» в передовой статье от 29/X, озаглавленной «Пятилетка», пишет, что «идея пятилетнего плана может привести к изумлению англичанина... Пятилетка — это полный переворот во всей экономической системе, к которой привык Запад». Самое интересное в этой статье это то, что «Финэншель Ньюс» советует «внимательно изучить возможность применения аналогичной системы в Англии. Правда, от этого пострадает роль потребителя как регулирующей силы в производстве, — констатирует автор статьи, — но, пожалуй, ради такой цели стоит пренебречь этой ролью потребления.

Основной тон цитированных буржуазных газет отражает вынужденность признаний. В самом деле, можно ли обойти молчанием то невероятное, чудесное и гигантское, что творится в СССР, где рабочий класс под руководством коммунистической партии решил превратить в течение самого короткого срока, в ничтожный с исторической точки зрения отрезок времени одну из самых отсталых в промышленном отношении стран в самую передовую и без притока иностранных капиталов, при враждебном отношении правящих классов всего мира.

Мы знаем, как жестоко борются между собой капиталистические державы за сферы влияния, за политическое преобладание в малых странах. И вдруг мы встречаемся с фактами трогательного единодушия, братства.

Франция прилагает все усилия к германо-польскому сближению, она не прочь «поступиться своими интересами» в Прибалтике ради Англии. «Журналь де-Деба» от 11 февраля пишет:

«Нужно подумать о том, что произойдет в Балтийском море, если преступные настроения (под'ем революционной волны. *Б. М.*) повергнут Европу в новый пожар.

Порты Ревеля и Риги сыграют тогда большую роль. Англия это знает. А заботится ли она о хороших отношениях с Эстонией и Латвией? Нашим интересам это не противоречит»...

Подумать только, какое братское единение! А какой вой подняли германские империалисты! На русский рынок они смотрели и смотрят как на вотчину. Они надеялись, что средства для платежей по плану Юнга, которые нельзя будет выкачивать из собственного рабочего класса, можно будет получить от экспорта в Россию. И это дело серьезно лопается.

В номере от 9/II 1930 г. «Фоссише Цейтунг» статьей Левенсона ставит точки над і. Ухудшение отношений между Германией и СССР Левенсон об'ясняет исключительно пятилеткой. Автор статьи иронизирует над германскими капиталистами, которые, отзываясь пренебрежительно о пятилетке как об утопии, вместе с тем серьезно напуганы перспективой потери рынка.

«Серьезные экономические затруднения, — констатирует в статье Левенсон, — между Россией и Германией вытекают не из обстоятельств, связанных с текущей торговлей, но с предусмотренной пятилетней программой усиливающейся индустриализации СССР. Однако, в сущности говоря, не имеет никакого смысла высмеивать эту гигантскую хозяйственную программу и изображать ее детской утопией и в то же время кричать караул по поводу реальных достижений этой программы. Мало вероятно, что этим методом можно заставить русских отказаться от своего пятилетнего плана.

Политически целесообразнее и полезнее для германской промышленности принять пятилетний план как факт и позаботиться о том, чтобы германская промышленность при быстрой индустриализации СССР развила свою деятельность, по крайней мере, в качестве поставщика».

В отчете американского о-ва «Сэнтрал Ганновер Бэнк энд трест Компэни» обращается особое внимание, в связи с выполнением пятилетки, на предстоящую роль СССР на международном рынке.

В отчете отмечаются достижения советской промышленности и ее перспективы. В выводах констатируется, что цель этой активности не только в освобождении страны от иностранной экономической зависимости, но и в производстве товаров в таком количестве, что СССР станет серьезным конкурентом Западной Европы на рынках сбыта.

«Берлинер Берзен Курьер» от 29 сентября отводит этой проблеме большую статью и приходит к таким же трезвым выводам, как и «Фоссише Цейтунг».

Автор статьи полемизирует с теми германскими хозяйственными кругами, которые рассматривают советскую политику индустриализации как угрозу своим интересам.

«Если мы помогаем России создать собственную мощную промышленность, то этим самым мы наносим себе вред, ибо мы делаем Россию независимой от Германии и прочего мира. Мы подрываем основы нашей торговли с Россией».

Такова, по «Берлинер Берзен Курьер», аргументация некоторых кругов Германии.

Цитируемая статья опровергает эти доводы, доказывая, что торговые отношения между двумя промышленными странами, как, например, Англия и

С. Штаты представляют бо́льшие возможности, чем торговля между страной с развитой промышленностью и аграрной.

«Германское хозяйство, — пишет газета, — начиная с 1918 г., проделало большую и ценную работу на русском рынке. Германские банки впервые придали рыночную ценность советскому векселю. Неужели мы должны теперь стоять в стороне и смотреть, как американцы, англичане и т. д. идут по проложенному нами пути к русскому рынку сбыта. Недовольство политического или экономического порядка не должно играть здесь решающей роли. Действительно, при доброй воле и при всей уступчивости германской стороны русские не облегчили нам задачу развития деловых операций. Практика до сих пор слишком ясно показала, что мы должны прежде всего освободиться от мечты о монопольном положении на русском рынке. Сама дифференциация мирового хозяйства делает невозможным подобное монопольное положение. В настоящее время в германском хозяйстве господствует всеобщее убеждение, что для развития русских операций следует искать новых путей. Однако, от осознания этого факта до необходимой активности еще далеко...».

Конечно, смешны и нелепы претензии некоторых германских кругов, которые, судя по статье «Берлинер Берзен Курьер», призывают к саботажу поставок оборудования в СССР. И правильно возражает цитируемая газета, хотя не ставит точки над і по этому вопросу, как это делает «Фоссише Цейтунг» от 9 марта. Империалистические страны не в силах задержать процесс индустриализации СССР саботажем поставок оборудования, ибо, помимо всех прочих факторов, тут играет роль та же конкуренция. Саботажники только проиграют на этом деле. Ведь Англия при всей политической и экономической зависимости от нее Индии, Канады, Австралии и т. п. не может остановить даже в этих странах процесса индустриализации. Вся политика Англии ведется в этом направлении; в результате ей удается только тормозить индустриализацию и она из года в год теряет на этих рынках позиции, которые занимают ее конкуренты. Меньше всего удастся части германских промышленников повлиять на темп нашей индустриализации. И меньше всего виноваты мы, что «некоторые круги» в Германии не видят того, что СССР это не прежняя Россия, которую германские капиталисты рассматривали чуть ли не как вотчину.

«Берлинер Берзен Курьер» советует также примириться с пятилеткой как с фактом и позаботиться о том, чтобы германская промышленность не потеряла хотя бы тех выгод, которые связаны с поставкой в СССР оборудования.

Злобные выпады в Германии против пятилетки в последний период особенно усилились.

В своей речи о пятилетке председатель русского комитета германского хозяйства Кремер высказался о ней следующим образом:

«Если бы пятилетний план можно было выполнить в 50 лет, то и тогда это было бы грандиозно. Однако, это утопия; компартия СССР играет перед рабочими всего мира роль призрака мировой революции.

Продукция земледелия в СССР упала. Жилищное строительство приостановилось. Русские стремятся производить и сбывать самые разнообразные товары, получая за них за границей золото и платя своим рабочим бумажными деньгами. Промышленность Германии отучилась уже питать надежды насчет России».

Да, господину Кремеру неприятно, что СССР стремится все производить. Ведь было время, когда русские вывозили только хлеб, шкуры, меха, масло, лес, а ввозили готовые изделия, текстиль. Хорошо тогда было германским промышленникам. Но это было давно, а теперь приходится отучиваться от легкой наживы за счет азиатщины. И это не последнее разочарование господина Кремера. Ведь пятилетку-то большевики не в 5 лет, а в четыре построят, вместо кремеровских 50 лет. («Да и тогда это будет поразительно», — авторитетно заявил он). Пусть Кремер, не верящий, очевидно, «заинтересо-

ванным» американцам, спросит крупного германского профессора Шлезингера, сделавшего доклад о своих впечатлениях о СССР на собрании берлинских инженеров. Вот что этот профессор сказал об индустриализации СССР:

> «В СССР господствует исключительно плановое хозяйство. Технические планы СССР удивительны, грандиозны и отмечены полной сознательностью в постановке цели.
>
> Индустриализация СССР в техническом отношении так проработана, что когда пятилетка будет выполнена, то СССР через 10 лет будет обладать лучшими и наиболее хорошо оборудованными заводами и фабриками во всем мире. План коллективизации сельского хозяйства гениален, и если Советскому Союзу удастся выполнить намеченную задачу увеличения производительности сельского хозяйства, то СССР будет самой крупной страной в мире по экспорту.
>
> Когда я сравниваю то, что я видел в СССР примерно полтора года тому назад, с тем, что я там видел теперь, то считаю себя в праве сказать, что успехи СССР превосходят все, что я считал возможным. Если покой СССР не будет нарушен и если у него хватит времени создать себе необходимые денежные запасы для выполнения своих грандиозных планов, то действительным победителем в мировой войне окажется не Америка, а СССР. Это должны сказать себе те, которые, основываясь на газетных сообщениях и не имея случая самостоятельно изучить положение советской промышленности, трубят на весь мир об обратном. Советский эксперимент задуман в большом стиле, но если такие эксперименты вообще могут удаваться, то победа, которой СССР теперь добивается, будет справедливой».

Нам кажется, что речь Шлезингера может служить достаточно хорошим ответом Кремеру и ему подобным.

Исключительная по наглой развязности статья появилась в органе германской горной промышленности «Дейче Бергверксцейтунг» от 10 января с. г. Автор статьи — известный промышленник-франкофил Арнольд Рехберг. Озаглавлена статья: «Обреченные на голодное вымирание». Этими обреченными являются те 60 миллионов человек, которые по Рехбергу составляют избыточное население Западной и Центральной Европы. И умрут они от голода из-за большевиков и их пятилетки. Впрочем, предоставим автору самому высказаться.

Арнольд Рехберг следующим образом характеризует задачи и значение пятилетки. В Западной Европе имеется около 60 миллионов избыточного населения, которое может прокормиться только за счет производства на экспорт. «Нищета русского рабочего и крестьянина так велика,—пишет он,—что 140 млн. русского населения не являются больше потребителями иностранных товаров. Вследствие большевистских интриг и китайский рынок резко сузился для импорта. Если же пожар, который Москва разжигает в Китае, перебросится в Индию, тогда покупательная способность и этой страны резко снизится». Безработица на Западе, по Рехбергу, вызвана тем, что русский рынок выключен, а китайский сокращен.

> «Задача великого плана Москвы (пятилетка. *Б. М.*) именно состоит в том, чтобы расстраивать азиатские рынки и вызвать хозяйственные затруднения в Европе и, таким образом, подготовить почву для большевизма в Европе».

Дальше автор изображает пятилетку как «ужасную угрозу Европе»... Торгпредства являются центрами пропаганды, и большой ошибкой следует считать, что в свое время не была осуществлена военная интервенция, план которой разработал «великий генерал» Гофман.

При всей бесмысленности эта статья не лишена интереса. Оказывается, что в безработице на Западе виноваты большевики. В самом деле: они нарочно закрыли рынок, разрушили покупательную способность Китая, да и еще в Индии собираются наделать неприятностей. Самое интересное в этой

статье содержится в утверждении того, что основной смысл пятилетки в том и состоит, чтобы создать конкуренцию капиталистам на рынках Азии и тем самым ухудшить положение европейских экспортеров. Эта статья — одна из серии, входящей в план антисоветской кампании; но в ней «оригинален» подход к проблеме.

И вместе с тем эта статья показательна в том отношении, что прямо показывает, где собака зарыта.

Пятилетка—вот причина антисоветской кампании. Послушали бы ген. Гофмана в свое время, а теперь, пожалуй, поздно, вот как следует понимать заключение Рехберга. Польские бульварные газетки прямо советуют спешить, пока пятилетка не осуществлена. И без этих откровенных признаний мы знаем, в чем причина оживления антисоветской кампании.

Бойцы ОДВА вернулись победителями, китайский конфликт улажен, промышленность идет гигантскими шагами и коллективизация в один год проведена в масштабах больших, чем предполагалось пятилеткой. И хотя желтые листки предсказывают провал наших планов, хотя и французский «Тан», орган Пуанкаре, от 28/I с. г., пишет о росте безработицы в СССР и «Ле Пепль», орган Вандервельде, от 29/I утверждает, что в СССР восстанавливается крепостное право и что во всем происходящем в СССР нет и тени того, чего стремятся достигнуть социалисты с «добровольного согласия пролетариата»,—капиталисты и их прислужники боятся пятилетки. Это прекрасно и тонко подчеркнул Левенсон в «Фоссише Цейтунг» от 9/II, указав там на бессмысленность подсмеивания над пятилеткой и одновременного крика об опасности.

Для уяснения причин цитированного антисоветского выступления Арнольда Рехберга дадим слово германской газете «Вельт ам Абенд»:

> «Мы намерены,—пишет «В. а. Абенд»,—раскрыть секрет упорных домогательств Рехберга. Владельцы калиевых заводов Германии французского Эльзаса являются мировыми монополистами калия. В последние годы, однако, у них появился конкурент в лице СССР... Соликамские калиевые залежи больше германских и французских вместе взятых. С открытием соликамского калия начались антисоветские выступления Арнольда Рехберга. Монополия концерна Рехберга под угрозой, и поэтому нужно скорее об'явить крестовый поход против СССР».

Пояснения «Вельт ам Абенд» достаточно убедительны. Мы отметим только, что Рехберг вел с Пуанкаре секретные переговоры о франко-германском союзе, которые были в прошлом году разоблачены как раз накануне смерти Штреземана. По всем видимостям, германское министерство иностранных дел было в курсе переговоров Рехберга.

Надо сказать, что, судя по бессмысленной статье, цитированной нами выше, он, господин Рехберг, довольно глуп.

Если поверить фашистскому органу «Джорнале д'Италия», все разговоры об индустриализации—враки:

> «До сих пор большевики еще потребляли запасы хлопка, но теперь они уже исчерпаны. Вместо 900 рудников, эксплоатированных до войны, теперь существуют только 600. Но и эта цифра дутая, так как в нее входят «кустарные крестьянские рудники». За отсутствием оборудования количество больших рудников сокращается».

Но все это ничто в сравнении с положением в тяжелой промышленности, продукция которой сейчас не превышает, по «Джорнале д'Италия», одной пятой размеров довоенной продукции.

> «Продукция спичек, карандашей, стекла, обуви, одежды и прочих предметов широкого потребления ничтожна,—продолжает орган фашизма.—Средняя зарплата рабочего не превышает 50 рублей, а покупательная сила этих 50 рублей равна 10 рублям, и рабочий не только не может одеваться, но даже обеспечить себя вдоволь черным хлебом на эту зарплату. Рабочие поэтому покупают только брак наихудшего сорта. Да и политически у рабочих только иллюзия власти».

Этот «серьезный» орган, еще недавно печатавший корреспонденции графа Стеллути-Скала, в которых подробно описывалось, как проводится национализация женщин в России и тому подобные сенсации — остается верен традициям.

Стоит ли комментировать такую бессмыслицу—и привели мы выдержки из этой «корреспонденции из Константинополя» в качестве шедевра журналистского творчества. Озаглавлена корреспонденция: «Трагическое состояние советской промышленности». Удивительно, что «Джорнале д'Италия» вообще не поставила под вопрос существование в СССР промышленности. Ведь сообщает же газета, что 14 лет мы живем старыми запасами хлопка.

С такой же наглостью, как и Арнольд Рехберг в «Дейче Бергверксцейтунг», освещает проблему пятилетки «Дейче Альгемейне Цейтунг» от 25 февраля. Анонимный автор сожалеет об отсутствии немецкого перевода труда Госплана, «этого документа, возведенного на степень катихизиса». Благодаря этому он не может подвергнуть его основательному анализу. В статье излагаются основные цифровые данные пятилетки.

> «Где ошибки этого проекта, вызванного к жизни манией величия?—задает вопрос автор статьи. (Естественно, что раньше всего бросается в глаза финансовый план. (—Б. М.) Откуда возьмутся 41 миллиард из бюджета и прочие суммы?»
>
> Несомненно, этот план обречен на крушение. Нельзя, однако, не дооценивать эту силу воли, которая дает возможность полумиллиону человек партийцев увлечь 130 миллионов ради призрака будущего земного рая по коммунистическому принципу...
>
> Один фактор в России не ценится — человеческая жизнь. Никто не знает, не дает ли советское правительство, не считающееся со средствами, умирать с голоду несчетному количеству крестьян, чтобы освободиться от едоков и вывозить хлеб.
>
> Никто не знает также, на что пойдет совгосударство, вооруженное до зубов, в момент отчаяния, когда социальный эксперимент провалится.
>
> Новая крестьянская политика обрекает 50 млн. человек на нищету. Что будет с этим количеством людей, большим чем все население Франции и равным почти населению Германии, это знает, вероятно, только Сталин и его окружение.
>
> Половина населения обречена на тягчайшую нищету ради того, чтобы другая половина еще пару лишних лет могла работать над осуществлением безумной идеи.
>
> Происходящее в России нельзя упускать из виду. Ужасный кризис приближается и это не может не отразиться и на внешней политике СССР».

Мы не приводим других перлов из этой характерной и симптоматичной статьи, где не обошлось и без увязки проблемы пятилетки «безумных» планов с оживлением деятельности германской компартии и, конечно, по указке Москвы.

Насколько этот автор грамотен в советских делах, можно судить по тому, что он сообщает о насильственном вовлечении кулаков в колхозы. Но не в этом суть. Суть не в этих бульварных измышлениях так наз. «серьезной» печати Германии, а в том, что статьи, как напр. цитированная выше статья Арнольда Рехберга в «Дейче Бергверксцейтунг», отвечают определенному заказу — травить Советский Союз. И симптоматично, что упор делается на военную проблему. СССР изображается вооруженным до зубов, готовым с «отчаяния» (?) напасть на западные государства. Это, так сказать, материал для обработки «общественного мнения» к антисоветскому походу с участием Германии. Жаль, что автор статьи из «Дейче Альгемейне Цейтунг» скрыл свою фамилию, а то мы рекомендовали бы ему спеться с Рехбергом. По его статье выходит, что пятилетка погубит 50 миллионов советских жителей, а по Рехбергу, она должна обречь на голодное вымирание 60 млн. пролетариев Запада. Недаром рабочий класс считается там мало развитым. Пятилетка призвана вырвать из жизни 60 млн. пролетариев, и это пишется тогда, когда международный пролетариат с восторгом следит за ее выполнением.

Надо отдать справедливость Рехбергу, недаром он ведет переговоры об интервенции—он лучший дипломат. По его словам, всякий капиталист чувствует теряемую прибавочную стоимость и наживу от 60 млн. западных пролетариев. А ведь это единственный путь к сплочению всех буржуев и их слуг, социал-демократов, для руководства и организации военного похода против СССР.

Бельгийские социалисты тоже возмущены пятилеткой. 26 февраля социалист Гоэн заявил в парламенте, что бурный рост советского хозяйства окажет отрицательное влияние на промышленность Европы, и призывал промышленников к единому фронту.

Чем дальше, тем истинная подоплека бешенства империалистов, выявляется со все большей ясностью.

«Газета Польска» от 3 марта пишет:

> «Большевики считают, что если им удастся реализовать хотя 50% своего плана, то уже по истечении 5 лет они по иному начнут разговаривать с буржуазными государствами».

Это поистине, что называется—с больной головы да на здоровую. Не потому ли вся свистопляска и нервозность, что надо ловить момент, а то поздно будет. И чтобы оправдать войну против СССР, советской печати приписываются вымышленные угрозы.

Мы и без того не сомневались в истинных причинах всего происходящего в Европе и в частности в Польше. Намеки «Газеты Польской», чрезчур прозрачны. В переводе на простой язык цитированная фраза означает: буржуи всего мира об'единяйтесь скорее в поход, чтобы не опоздать. Ведь через 5 лет СССР станет чересчур силен.

И во имя этого об'единенная внутренняя германская фашистская клика и внешние друзья Германии делают все возможное для вовлечения Германии в антисоветский союз.

Крупный германский финансист Сольмен в публичном выступлении заявил:

> «Наступление большевизма раньше или позже принудит европейские государства образовать единый фронт и вложит им в руки меч».

Никаких недоговоренностей тут уже нет. Нельзя ведь вечно прикрываться религией, церковью и т. д.

Тон польской, германской, французской и прочей печати становится более откровенным. Промышленник Клезатель в «Дейче Бергверксцейтунг» критикует капиталистов, ведущих по отношению к СССР страусовую политику. Он рекомендует дать отпор крепнущему большевизму. Он рекомендует организовать строжайшую блокаду СССР, пока там не восстановится порядок и (конечно) частная собственность. Впрочем, это добавление о частной собственности излишне. Раз порядок, то уже, само собой разумеется, и частная собственность. Разве может существовать одно без другого? Этой же проблеме было посвящено особое заседание аристократического клуба в Берлине.

В «Нью-Йорк Таймс» от 17 февраля Дюранти останавливается на причинах роста агрессивности против СССР и констатирует, что причина этому одна—индустриализация СССР.

СССР все более и более выступает, как смертельный враг капиталистической Европы.

> ...«Европа в целом,—пишет он,—еще не уразумела, что может означать экономически и политически конкуренция со стороны СССР, но лидеры Европы начинают понимать это».

Орган фашиста Коти «Матэн» рекомендует Франции об'единиться с Германией, ибо только в союзе с Германией, Англией и континентальной Европой — Франция найдет клиентов для сбыта товаров... «Переустройство России неосуществимо в сепаратном порядке».

Ясно. Капиталистический мир в кризисе, наиболее дальновидные «лидеры Европы» предвидят еще худшие времена, и все спасение в одном — в сокрушении большевизма в СССР. Тогда и «собственные» рабочие будут прибраны к рукам и рынок России откроется для выкачивания сырья и размещения товаров, колонии «утихомирятся», одним словом, капитализм получит передвижку. И не следует думать, что империалисты только пишут об этом в своих газетах. Делается больше, чем пишется. Благо, отношения между Польшей и Германией улучшились.

«Вельт ам Абенд» от 10/III сообщает, что между руководителями германской промышленности и политическими лидерами (и, конечно, в первую очередь социал-демократами) ведутся закулисные переговоры о ликвидации Раппальского договора. Та же газета сообщает, что известный экономист Клейнов выступил с докладом о внешней политике, с предложением об'единения Польши и Германии против СССР на следующих условиях: Польша возвращает Германии Данциг и коридор, а взамен этого она получит территории за счет СССР.

А французский генеральный штаб пошел еще дальше по пути провоцирования войны. «Чикаго Трибюн» от 21/II сообщает следующее: Франция в качестве союзника и друга Румынии сочла необходимым предупредить свою младшую сестру, что СССР концентрирует огромные войска у румынской границы. В течение нескольких дней дорога между Киевом и Одессой была совсем закрыта ввиду массовых переброcок военных частей. Румыния запросила совета и информации у английского штаба, но оттуда раз'яснили, что сведения преувеличены и что производятся только зимние маневры.

Значит французский штаб решился на наглую провокацию с целью бросить младшую сестру Франции в авантюру.

Уже одних приведенных материалов достаточно, чтобы убедиться до чего наглеют империалисты. «Ригаше Рундшау» от 8/III тоже останавливается на причинах возросшей агрессии против СССР. Правда, газета затрагивает одну сторону — конкуренцию.

> «В течение последних лет,—пишет «Ригаше Рундшау»,—мировое хозяйство обеспокоено советским демпингом. Началось с нефти, последовал лес. В конце концов СССР об'явил войну шведскому королю спичек Крейгеру (действительно, как не возмущаться Советским Союзом, самому Крейгеру об'явлена война. *Б. М.*). В последнее время русские избрали в качестве демпинга уголь...
>
> До сих пор советский экспорт наносил вред нескольким отраслям мирового хозяйства. Но если советские планы осуществятся (так вот она где собака зарыта. *Б. М.*), тогда всему миру предстоят тяжелые времена. Увеличивающиеся цифры советского экспорта показывают, что опасность наступит раньше, чем ее ожидают».

К концу пятилетия наш экспорт несколько превысит 2 миллиарда рублей. Мы не гонимся за рекордами, мы не эксплоатируем колоний. Нам нужно экспортировать, чтобы за вырученную валюту ввозить необходимое нашей стране — и все же империалисты подняли лай, поддерживаемый их прихвостнями вроде «Ригаше Рундшау».

С. Штаты экспортируют на 10 миллиардов рублей, Германия довела свой экспорт до 7 миллиардов рублей. А мы только превышаем миллиард пока что, и уже крики по поводу демпинга.

Англия вывозит уголь с огромными убытками — об английском демпинге ни слова, а мы вывозим главным образом ценный антрацит, экспорт которого в высшей степени рентабелен. И лакейская пресса подхватывает налету крик

о демпинге, чтобы услужить барину. Экспорт голландской Индии возрос до 1 миллиарда 700 млн. руб. — это хорошо, замечательно, — ведь они вывозят каучук, нефть, койру и другие виды сырья и покупают ткани, спирт, галантерею, автомобили.

А вот СССР дошел до такой наглости, что осмеливается вывозить уголь, спички и не хочет покупать за границей мануфактуру, зонтики, шампанское, дамские подвязки и т. п. Подумайте только, какая наглость.

Да, «Ригаше Рундшау» хорошо делает, что клеймит позором это нелойяльное поведение СССР к братьям во Христе.

Французский генеральный штаб прав, когда он провоцирует войну, ибо, как предвещает «Ригаше Рундшау», наступят еще худшие времена, когда СССР затронет интересы не только великого Крейгера, Рехберга и Детердинга, но еще, упаси господи, самого Моргана. Что тогда будет, что тогда будет?

А, что экспорт С. Штатов достиг 10 миллиардов рублей, об этом не кричат. С. Штаты имеют право, Германия должна еще откуда-то черпать средства на выплату дани победителям по плану Юнга. А СССР не имеет права экспортировать промтоваров.

Социал-демократы больше всех рвутся в бой. Леон Блюм в «Попюлер», притворяясь ненавидящим, все происходящее изображает так, что СССР готовится к нападению на Запад. Он об'ясняет это следующим образом:

> «В СССР—кризис более глубокий, чем когда-либо и в этих условиях нет ничего удивительного, что СССР для отвлечения масс может пойти на крупный конфликт (и, следовательно, на войну, так надо понимать Леона Блюма. *Б. М.*) с какой-либо державой.

Тот же мотив, что и «Газеты Польской», а означает он — капиталисты всего мира готовьтесь к войне против СССР. Да здравствует Второй Интернационал! Это трогательное единение империалистов проявляется и в других областях.

Орган французской крупной промышленности «Энформасьон» от 13/III выражает свое глубокое сожаление по поводу неудач (?) Германии на советском рынке.

> «Германские круги,—пишет «Энформасьон»,—могут только вспоминать о тех временах, когда СССР, казалось, становится необ'ятным рынком для сбыта германских фабрикатов. Во ввозе СССР из Германии машины занимают самое большое место, а изделия—ничтожную долю. Советские экономисты пытаются доказать, что Германия заинтересована в индустриализации СССР, но это воспринимается в Германии скептически».

Опять-таки пятилетка виновата. Конечно, те германские круги, которые смотрели на СССР, как до войны на Россию Романовых, могут разочароваться. Но интересно, что крокодиловы слезы льет «Энформасьон». Каким мягким стал французский империализм! Он будет рад (?), если Англия укрепится в Прибалтике, сожалеет о «погибших мечтах» некоторых кругов германской промышленности. И все это во имя одного — единого антисоветского фронта перед лицом наступающей пятилетки.

— Вывод один—Германия должна помочь Европе в ее борьбе против СССР. Без Германии поляки могут побояться. Ведь у них свои счеты. Все дело в Германии. Поэтому-то и ведется такая концентрированная атака извне и изнутри, чтобы добиться ее участия в походе против СССР.

Недаром и поляки так зашевелились. И орган Пилсудского «Газета Польска», уже цитированная нами, от 20 февраля в передовой изображает дело таким образом, что пятилетка имеет политические цели, сводящиеся к расстройству экономики соседних стран, в первую очередь. Создавая безработицу и экономиче-

ские затруднения в этих странах, Советы ведут таким путем к войне как средству по пути к революциям.

Смысл передовой «Газеты Польской» приблизительно тот же. Напугать лимитрофы опасностями, которые несет пятилетка, с целью их об'единения против СССР для подготовляемого под руководством Франции военного похода.

* * *

Та бешеная травля СССР, которая ведется теперь в мировой прессе и особенно во французской, германской и польской, вызвана исключительно нашими успехами. Желтая пресса большей частью на своих столбцах прямо не связывает эту травлю с нашим строительством, чтобы скрыть подоплеку этой травли, все же то в одном месте, то в другом, прорывается(как в этом сознается и Левенсон в «Фоссише Цейтунг» и Рехберг в «Дейче Бергверкс-цейтунг» и др.), что наша пятилетка крайне нелюбезна «друзьям» СССР.

По мере роста наших успехов, мы, несомненно, будем сталкиваться со все большими атаками буржуазной печати на Советский Союз, атаками, имеющими конечной целью подготовку «общественного» мнения для попытки срыва военным путем социалистического строительства.

С. Ужанский.

За автомобилизацию сельского хозяйства СССР.

(Американские впечатления в свете наших задач по реконструкции сельского хозяйства).

Сельское хозяйство Соединенных Штатов выделяется из ряда других стран своей высокой механизацией. Мы находим там не только наиболее усовершенствованные машины, но и (а это самое главное) широкое распространение их.

Каковы же конкретные формы современной механизации сельского хозяйства САСШ?

Прежде всего, надо отметить, что не только трактор и комбайн, но и автомобиль характеризуют собой то, что может быть названо особым американским типом механизации сельского хозяйства. Мало того, автомобиль и является, именно, тем, что в первую очередь и чрезвычайно резко отличает этот тип механизации от европейского.

Свидетельством этому является хотя бы то, что из трех основных машин (автомобиль, трактор, комбайн) американского типа механизации, автомобиль появился раньше всех в массовом масштабе. На основе усовершенствованного двигателя внутреннего сгорания, выработанного широким распространением автомобиля, появились в широком размере трактор и комбайн. И в настоящее время в сельском хозяйстве автомобилей во много раз больше, чем тракторов, не говоря уж о комбайнах. По последним данным, там 5.426 т. автомобилей, 853 т. тракторов и около 45 тыс. комбайнов. Эта пропорция обусловлена не только тем, что технически усовершенствованные тракторы и комбайны появились позже автомобилей и как бы не поспели еще быстро распространиться, но и тем, что работа тракторов и комбайнов, вообще говоря, тем успешнее, чем более хозяйство обеспечено механизированным транспортом — автомобилем. При этом надо иметь ввиду, что автомобиль является неразрывной частью производства, а не только, как это может казаться с первого взгляда, средством для перевозки продуктов на рынок. Это последнее имеет чрезвычайно большое значение, но не меньшую роль играет автомобиль в так называемом внутрихозяйственном транспорте. Известно, как велика роль внутризаводского транспорта в деле рационализации индустрии. Значение же внутрихозяйственного транспорта в сельском хозяйстве гораздо больше, чем в индустрии.

Нам как-то трудно представить себе, что значит автомобиль в самом процессе сельскохозяйственного производства, так как пока что мы видим автомобиль только в городе, отчасти в индустрии (автотранспорт Азнефти), но в целом мы еще так мало автомобилизированы, что не можем себе даже представить всех тех выгод, которые дает автомобиль. В деревне же автомобиля совсем не знают.

Недостаточное осознание необходимости автомобилизации сельского хозяйства является, само собой понятно, в ряде других причин, одним из тормозов в развитии автомобилизма. Также не подлежит никакому сомнению, что без массовой автомобилизации мы не сумеем решительно и быстро произвести необходимый технический переворот в сельском хозяйстве. Массовое коллективное движение создает у нас хозяйства такой крупности, которая позволяет не только ввести лучшие технические достижения всей мировой сельскохозяйственной практики, но и применять их с наибольшей эффективностью. Автомобиль не может быть здесь исключением. Изучение опыта САСШ, наиболее механизированной и наиболее автомобилизированной страны, является задачей первостепенной важности. Если мы сумеем перенять американский технический опыт, то мы сумеем в наших условиях новых хозяйственных форм поднять эти технические достижения до таких высот, о которых капиталистические страны и не могут даже мечтать.

Высокая автомобилизация американского земледелия неразрывно связана с высокой автомобилизацией САСШ в целом. Из 31,8 миллионов [1]) зарегистрированных на всем земном шаре в 1928 году автомобилей на Соединенные Штаты приходится 24,5 млн., или 77%. Как далеко ушли вперед САСШ по сравнению с другими странами показывает то, что на один автомобиль в САСШ в среднем приходится 4,9 человека, в Англии—35,8, во Франции—37. А ведь по количеству автомобилей Англия и Франция занимают второе и третье места. В отсталых же странах на один автомобиль приходятся тысячи людей. Так, в Турции—1.516, в Персии—1.968, в Индии—2.548, в Китае—17.000.

Автомобиль вытеснил в САСШ уже почти начисто лошадей из городов и вместе с трактором вытесняет чрезвычайно решительно лошадей и из сельского хозяйства.

Автомобиль, как таковой (производство, обслуживание) играет колоссальную роль в хозяйстве САСШ. В настоящее время там насчитывают около 4 с половиной миллионов людей, занятых непосредственно и косвенно в автомобильной индустрии, при чем только 635.000 человек идут под рубрикой профессиональных шоферов. Ничтожное количество шоферов по сравнению с количеством автомобилей об'ясняется, как известно, тем, что в САСШ только богатые люди и торговые и промышленные предприятия держат шоферов. Большинство же владельцев машин управляют ими сами. Колоссальное значение автомобильной индустрии иллюстрируется еще тем, что она занимает первое место по сумме продукции среди других отраслей и первое место среди всех экспортных статей САСШ.

Автомобиль внес радикальные изменения в технику и экономику транспорта. Он придал жизни неслыханную прежде быстроту обращения товаров и людей. Он вооружил человека такой подвижностью, о которой прежде нельзя было и мечтать; радиус деятельности 1 чел. чрезвычайно расширился. Трудно охватить роль автомобиля, но известное представление можно получить хотя бы из того, что

[1]) Все цифры, за исключением особо оговариваемых, взяты из справочника: «Facts and Figures of the Automobile Industry. 1929. Edition National Automobile Chamber of Commerce U. S. A.».

вся почта развозится на автомобилях, что весь заводской
транспорт автомобилизирован, что железные дороги обросли
специальным подсобным автомобильным парком, что автомобиль все
больше и больше начинает вытеснять железную дорогу
в междугородных сообщениях, не говоря уж о пригодном, что
товары из складов и магазинов развозятся потреби-
телю на автомобиле, что по основным магистралям городов авто-
мобили движутся сплошным потоком, что американцы все
больше и больше проводят свои каникулы на автомобиле, раз'езжая по всей
стране и забираясь в Канаду и Мексику.

Кстати здесь надо коснуться одного очень важного вопроса, именно
о распределении автомобиля по классам населения,
в частности, верны ли распространяемые социал-реформистами сведения
о том, что в Америке будто бы каждый рабочий имеет автомобиль. Эта глу-
паябасня обычно доказывается следующим способом. Раз, мол, статистика
показывает, что в Америке на один автомобиль в среднем приходится
4,9 человека, а семья в среднем имеет от 3 до 5 душ, то, следовательно,
каждая семья в среднем имеет один автомобиль, следовательно, и рабо-
чая семья имеет автомобиль. Абсурдность такого рассуждения видна
уж из того, что аргументы черпаются из средних величин, которые спо-
собны, как известно, только затемнять сущность вопроса. Ведь с таким же
правом мы могли бы сказать, что в СССР при 150.000.000 населения,
и при 33.969.000 головах лошадей на одну лошадь в среднем приходится
4,5 человека; следовательно, в среднем каждая семья имеет одну лошадь.
Абсурдность этого последнего понятна не только на примере наших городов,
где подавляющая часть населения никакой лошади не имеет, но и на примере
нашей деревни, где в условиях индивидуального хозяйства еще в прошлом
году 33,5% хозяйств были без лошадей, зато 15,6% были с двумя
лошадьми, 3,0% — с тремя, 1,8% — с четырьмя и больше, и только
46,1%—имели одну лошадь, т.-е. то, что показывает статистика в среднем.
То же самое и в отношении распределения автомобилей
в САСШ. Если мы откинем грузовики и фермерские машины, то на города
и индустрию падают 15,9 млн. автомобилей. В это число входят и комму-
нальные, и государственные, и промышленные, и частные. По данным стати-
стики, в индустрии, торговле и транспорте «занято» всего 30.661 тысяч чело-
век. Сюда входят и капиталисты, и торговцы, и служащие, и рабочие. Одним
словом все население, по выражению американских статистиков, «работаю-
щее» в упомянутых отраслях. Семьи в этот расчет не входят. Тогда мы по-
лучаем в среднем, что на одну машину приходятся два «работающих» чело-
века. Это значит, что уж не каждый «рабочий» (если принять все
население за рабочих) имеет автомобиль, а уж только 50%. Мы рассчи-
тывали это, принимая владение одним автомобилем за исходное. Вместе
с тем верхушка населения имеет по два, а часто по три и больше
автомобиля. Возьмем самую скромную величину: допустим, что 10% населе-
ния имеет больше, чем по одной машине. Тогда мы получим, что минимум
60% «занятого» в производстве населения вовсе никакой машины
не имеет. Не ясно ли, что это население является как раз пролетариатом.

Я думаю этого достаточно, чтобы не возвращаться к глупой
сказке о том, что в Америке каждый рабочий имеет
автомобиль. Автомобиль может иметь только верхушка рабочего класса,
высоко оплачиваемая. Рядовой рабочий о нем не может даже
мечтать.

Кроме количественной дифференциации мы имеем в САСШ
и качественную. Не стоит тратить много слов, чтобы доказать, что
дешевенькие машины, купленные при том еще в рассрочку, принадле-

жат низшим слоям автомобилепользователей, а буржуа владеет, конечно, роскошной машиной, стоящей в 10 раз дороже.

Из общего числа 24,5 млн. автомобилей 5,4 млн. принадлежат фермерам. Это не значит, что только это количество обслуживает сельское хозяйство. К этому числу надо еще прибавить машины почтовые, затем торговых фирм, развозящих продукты потребления, всевозможных транспортных контор, газолиновых фирм, и много других. Сколько именно надо прибавить, статистика не показывает, но, что это составляет изрядное количество, сомнений быть не может. От общего количества машин в САСШ фермерские машины составляют в течение последних лет довольно стабильный процент, именно, 22%. Если принять во внимание, что ежегодно происходит сильное уменьшение фермерского населения, то стабильность процента, падающего на фермерские машины из общего количества показывает не что иное, как относительно более быстрый темп автомобилизации сельского хозяйства в последние годы, по сравнению с средним темпом автомобилизации Соединенных Штатов в целом.

Указанные выше 5 с половиной миллионов автомобилей приходятся на 6 с лишним миллионов ферм, т.-е. не каждая ферма имеет автомобиль. Принимая же во внимание, что крупные фермы имеют по несколько автомобилей, становится ясным, что имеется еще значительный процент ферм, вовсе не имеющих автомобилей. Матерьялов, достаточно свежих, по этому вопросу нет. Ценз 1930 года только сейчас проводится, но по отдельным исследованиям 1922—23 года [1]) мы имеем в Пенсильвании 42% хозяйств, не имеющих автомобиля, в Кэнзасе—15%, в Южной Дакоте — 30%, в Монтэне — 52%, в Колорадо — 15%, в Вашингтоне и Огайо — 14%. Эти данные показывают, что, с одной стороны, в САСШ процент ферм, имеющих автомобиль, чрезвычайно высок, с другой стороны, как и следовало ожидать, что далеко не все фермы имеют автомобиль. То же самое следует сказать и о качестве машин, при чем мы здесь имеем аналогию с тем, что было вскрыто В. И. Лениным [2]) в полемике с Давидом в отношении рабочего скота. Ленин писал: «Чем крупнее хозяйство, тем выше качество рабочего скота». В отношении автомобилей данные по САСШ показывают, что чем крупнее хозяйство, тем выше качество автомобилей. Колебания капитала, вложенного в автомобили, чрезвычайно велики, примерно от 400 долларов до многих тысяч. Большинство ферм, имеющих один автомобиль, имеют «Форд». Фермы, имеющие больше, чем один автомобиль, имеют обязательно и грузовик и легковую машину более дорогой марки.

Соотношение грузовиков и легковых машин как в сельском хозяйстве, так и в городе приблизительно одинаковое. Только несколько больше 12%, приходится из общего количества на грузовики. Подавляющая масса— легковые машины. Это показывает прежде всего, что передвижение людей на автомобилях имеет громадное хозяйственное значение. Это особенно важно понять у нас тем, кто по глубочайшему, всем нам свойственному консерватизму (это не мешает быть нам энтузиастами) считает езду на автомобиле роскошью. Эти же данные свидетельствуют косвенно о том, что легковой автомобиль употребляется, в особенности, фермерами и для перевозки небольших грузов. Так, фермер пользуется легковой машиной для доставки овощей, молока и тому подобных продуктов. Что же касается больших перевозок, то, если у фермера нет грузовика, а грузовиков на фермах всего 697.300, то он поручает транспортировку специальным транспортным конторам или нанимает грузовик у фермера, имеющего таковой. Одним словом, точь в точь та же картина, которая хорошо известна в нашей деревенской практике, с наймом лошадей. Так по данным Ралфа Эпстейна [1]) 40% фермеров из так наз. Кукурузного пояса САСШ, владеющие грузовиками, сдают таковые в наем. Разумеется, что подобно системе взаимоотношений, которые возникают при сдаче и найме лошади, мы имеем и здесь элементы эксплоатации через посредство сдачи в наем средств производства.

[1]) «Crops and Markets», т. I, вып. 1, стр. 3.

[2]) Т. IX «Аграрный вопрос и гг. критики Маркса»

Вопрос о соотношении грузовиков и легковых машин имеет для нас чрезвычайное значение в связи с разворачивающимся теперь автостроением. Мне кажется, что у нас на первое время грузовик должен будет занять гораздо большее место, нежели он занимает в САСШ. Это свойственно всем странам, не только лишь вступающим на путь массовой автомобилизации, но и таким, где автомобилизм довольно сильно развит, но значительно слабее САСШ. В Англии, например, грузовиков 24,2%, Франции — 31,4%, Германии—24,8%. Но несомненной ошибкой было бы, как этого хотят некоторые товарищи, если бы мы начали производить только грузовики. По справедливому замечанию тов. Осинского: «Такие сторонники автомобилизации, по сути дела, только наполовину отделались от предпочтения конного и пешего передвижения автомобильному: они усвоили только необходимость механической перевозки грузов, а механическую перевозку людей считают попрежнему роскошью» [2]). Ниже мы еще вернемся к роли легкового автомобиля в наших колхозах и совхозах.

Понять роль автомобиля в сельском хозяйстве САСШ можно, только реально представивши себе прежде всего сельскохозяйственный ландшафт САСШ. Дело в том, что там нет совершенно деревень. Выражаясь нашей терминологией, фермеры живут на хуторах. Другой формы землепользования там нет. Вся, так сказать, общественная жизнь фермера вне фермы сосредоточивается в маленьких городках, которые густо рассеяны по стране. Роль этих городков может быть понята из того факта, что американское хозяйство чрезвычайно специализировано и в высшей степени товарно. Можно сказать, что за исключением кормов для скота, вся остальная продукция в основном сдается на рынок. Продаются, конечно, и корма, но в хозяйствах животноводческих еще сохранилось производство кормов в собственном хозяйстве, хотя совершенно ясна тенденция ко все большему переходу на покупные корма. Даже хлеб и тот не оставляется на ферме для собственного потребления. В Америке совсем нет деревенских мельниц, а домашнее хлебопечение встречается редко. Все, что необходимо для личного потребления семьи фермера, закупается в городках и доставляется на автомобиле на ферму. При этом можно различить два варианта: или фермерша сама ездит в городок за продуктами или торговые фирмы развозят таковые по фермам так же, как они это делают в городах, развозя заказанные продукты по домам потребителей. Так сильно распространенные у нас и в Европе потребительские огороды при усадьбе в Америке очень мало распространены. Производство овощей там сконцентрировано в определенных районах и в определенных хозяйствах, таким же образом, как и производство других продуктов. В этом районировании и в росте товарности одним из ведущих начал явился автомобиль. Если в прежних условиях поездка в городок, скажем, за 50 километров, требовала целого дня (туда и обратно) и в силу этого часть хозяйства должна была быть натуральной, для личных потребностей, то теперь это расстояние легко покрывается в час и не занимает больше времени, чем обыч-

[1]) Ralph C. Epstein «The Automobile Industry».

[2]) Американский автомобиль или «расейская телега».

ная поездка городской хозяйки на рынок. Именно, это и дало возможность перейти к узкой специализации хозяйства и к высокой товарности его.

Роль автомобиля не ограничивается, однако, только тем, что он внес переворот в этом направлении. Облегчивши переход к высоко-товарному хозяйству, автомобиль одновременно чрезвычайно облегчил самое ведение товарного хозяйства в отношении ускорения и удешевления доставки товаров, производимых на ферме, в города и на рынки. В этом вопросе автомобиль принес с собой тоже решительные перемены. Приведем несколько примеров. В продаже скота с мясных ферм чрезвычайно ответственной задачей является доставка скота на бойню без потери веса. Гон скота по подножному корму возможен только в условиях кочевого хозяйства. Перевозка скота по железной дороге приводит к потере веса. Устройство районных боен с холодильниками решает эту задачу в лучшем виде, если перевозить скот на автомобилях. Это производится так быстро, что скот, снимаемый с корма, ничего не теряет в весе и через несколько часов доставляется на бойню. В 1928 году таким способом было доставлено, по данным статистики главнейших только рынков, 12.193.058 голов скота разного вида. Для совершения этой грандиозной операции потребовалось нагрузить упомянутым количеством скота 1.000.000 грузовиков, каждый грузовик сделал в среднем 50 миль с колебанием от одной до 300 миль. Другой пример из области фруктов. По данным статистики штата Нью-Йорк, из общего количества перевезенных 17.277.000 бушелей яблок автомобилями было перевезено 4.153.000 штук. Остальное количество было перевезено железной дорогой и водой. При этом чрезвычайно интересно, что только 25% фермеров, перевозящих яблоки на автомобилях, имели таковые. Остальные фермеры сдавали яблоки транспортным автомобильным конторам или нанимали автомобиль у фермеров, имевших таковой. Это имеет очень большое значение для наших условий, когда организация государственных транспортных автомобильных перевозок могла бы дать чрезвычайное понижение транспортных издержек путем полной нагрузки транспорта, что и является первейшим условием дешевизны перевозок.

Интересно поставлено в Америке собирание молока по фермам. Молоко выставляется на дорогу в особых больших металлических бидонах. Специальный грузовик от торговой фирмы едет по дороге и собирает эти бидоны, не теряя время на заезд на ферму. Таким же образом возвращаются обратно пустые бидоны.

Автомобиль, расширив товарность, приблизил фермы к рынкам. Обследование 831 фермы Кукурузного пояса показало, что среднее расстояние до рынка до введения автомобиля не превышало 8 миль. После же приобретения автомобиля радиус рынка раздвинулся от 18 до 35 миль. Каждому понятно, как велико значение этого раздвижения в деле сбыта товаров.

Автомобиль внес одновременно, как это и понятно, огромное удешевление стоимости перевозки. Так, средняя стоимость доставки одной тонны пшеницы на расстояние одной мили была в условиях конного транспорта 30 центов. Перевозка на автомобиле стоит вдвое дешевле. Перевозка того же количества кукурузы и на то же расстояние обходилась в 33 цента на лошадях и более чем вдвое дешевле на автомобиле. Соответственные цифры по хлопку—48 и 18 центов.

Все это представляет особенный интерес для нас. Мы строим гигантские специализированные совхозы и товарные колхозы. Не пройдет года, другого—и у нас при резко возросшей продукции сельского хозяйства встанет во всей тяжести своей неразрешенности вопрос пе-

ревозок как уже созданного к тому времени товарного фонда, так и стимулирования дальнейшего роста товарной массы путем создания емких рынков, хорошо оборудованных в транспортном отношении. Не может быть никаких сомнений, что только при помощи мощного автомобильного транспорта мы сможем успешно разрешить задачу специализации и товаризации нашего сельскохозяйственного производства.

Но тут встает вопрос о дорогах. Принято думать, что без дорог невозможно автомобильное движение. Принято думать, что наше бездорожье является непреодолимым препятствием в деле быстрой автомобилизации нашей страны. И даже у больших энтузиастов автомобилизма опускаются руки, как вспомнятся наши дороги. И, именно, на этой почве раздаются так называемые «осторожные», а на самом деле оппортунистические голоса, не лучше ли подождать с автомобилизацией. Куда, мол, нам до автомобилей, когда у нас телеги еще на деревянном ходу, лошади некованные, и свезти больше 20 пудов по нашим дорогам не могут? Не лучше ли сначала перевести все телеги на железный ход, развести хороших лошадей—тяжеловозов, подправить понемногу наши дороги, а затем уж перейти к автомобилю, против которого в принципе никто, мол, возражать не может.

Все эти рассуждения насквозь реакционны и основаны на полном незнании и непонимании сути вопроса. Возьмем Америку. Совершенно верно, что там имеются прекрасные дороги. Это общеизвестно. Но задумались ли наши экономисты над тем, что, во-первых, дороги там невсюду хорошие, и, во-вторых, что не дороги вызвали к жизни автомобилизм, а автомобиль вызвал к жизни дороги.

В Соединенных Штатах, по данным американской статистики, 43,1% ферм расположены вблизи неусовершенствованных, обычных грунтовых дорог; 31,4% расположен на усовершенствованных грунтовых дорогах и только 25,5% ферм расположены у хороших дорог. Значит ли отсюда, что в штатах, бедных дорогами, автомобилизм развит меньше, чем в штатах, где дороги хорошие. Ничего подобного. Возьмем два показателя¹): отношение длины дорог в милях к площади в квадратных милях, то-есть плотность усовершенствованных дорог и второй показатель — количество автомобилей на 1000 человек.

Наименование района.	Отнош. длин. дорог в милях к 100 кв. милям.	Количество автомобилей на 1.000 чел.
Горный	38	198
Тихо-океанский	52	337
Юго-Западный Центральный	96	178
Новая Англия	126	175
Южно-Атлантический	129	147
Юго-Восточный Центральный	135	111
Северо-Западный "	148	246
Северо-Восточный "	168	231
Средне-Атлантический	183	169

В таблице мы не видим никакого соответствия между дорогами и автомобилями. Мировой опыт подтверждает ту же мысль. Например, Дания и Германия имеют прекрасные дороги, однако, они вовсе не высоко стоят в автомобильном деле. А такие страны, как Аргентина и Канада, имеют сейчас большое количество автомобилей и теперь строят и строят новые дороги.

Но дело не только в приведенных цифрах, но и в следующем факте, который нужно усвоить всем нашим пессимистам в автомобилизме. В самих Соединенных Штатах хорошие дороги имеются главным образом только

¹) Абсолютные цифры взяты из «Statistical Abstract of the United States».

по главным магистралям, соединяющим большие города. В стороны от этих магистралей дороги уже худшего качества, а фермы, как мы выше показали, в большинстве своем стоят на плохих дорогах. Самое главное это то, что внутри ферм никаких дорог нет, а значение внутрихозяйственных перевозок чрезвычайно велико. Фермер не расстается со своим автомобилем во время работ ни на минуту. Он пускает грузовик за комбайном и собирает зерно либо насыпью с комбайна (в этом случае грузовик является как бы частью комбайна), либо подбирает мешки с зерном, выкидываемые с комбайна. Фермер пускает грузовик прямо по полю при уборке картофеля и сахарной свеклы. Кукуруза сгружается таким же образом. Одним словом, фермер прекрасно ездит по полю на автомобиле в самых разнообразных направлениях, и мы можем заверить, что поля там покрыты не асфальтом, а обычной растительностью. И на полях имеются такие же рытвины и ухабы, как и у нас. Управляющий крупной фермой в тысячи акров сворачивает с дороги и мчится по проселкам и полям туда, куда ему надо и прекрасно справляется со своим автомобилем и своим делом, не взирая на полное бездорожье. Сплошным вымыслом является утверждение, что для автомобилизации сельского хозяйства нужны прежде всего дороги. Американский опыт нацело это отвергает. Но американский опыт показывает нам и то, что там, где появляются в большом количестве автомобили, там начинается и строительство дорог, ибо хорошие дороги нужны для дальнего транспортирования, что является необходимым условием для специализации и товаризации сельского хозяйства. Хорошие дороги гарантируют бесперебойность работы в любую погоду и удешевляют стоимость перевозок: больше можно нагрузить, быстрее можно ехать, меньше снашивается машина и покрышки, в частности, меньше уходит горючего.

Наше бездорожье не является такого рода препятствием, что мы не можем развивать автомобильного транспорта. Наоборот, мы должны всячески форсировать автомобилизацию. Но было бы, конечно, ошибкой, если бы мы на основании только того, что автомобиль сам вызовет появление дорог, не принимали бы уже сейчас некоторых самых неотложных мер в дорожном строительстве. Это было бы непониманием вопроса с другой стороны. Конечно, уже сейчас необходимо провести целую систему мер по укреплению наших обычных грунтовых дорог, по окапыванию их и, в особенности, по строительству мостов, что в условиях нашей весенней распутицы и осенней грязи является первоочередной задачей. Автомобилизация и строительство дорог взаимно связанные и взаимно обусловливающие элементы одного дела. Неверно, что бездорожье является непреодолимым препятствием в автомобилизации, неверно и то, что мы сумеем обойтись без улучшения наших отвратительных дорог. Обе проблемы тесно связаны друг с другом, но не в порочный круг, а в спираль, где одно звено (автомобиль) обусловливает расширение другого (дорог), а это последнее в свою очередь способствует дальнейшему ходу автомобилизации.

Мы уже неоднократно касались выше роли автомобиля внутри хозяйства и в самом процессе производства. Сейчас надлежит конкретизировать это. Но вместо того, чтобы обращаться к описанию американской практики, покажем, как скверно получается у нас в крупных хозяйствах, когда нет автомобиля.

Возьмем, к примеру, тракторную колонну. На несколько десятков машин

имеется один техник. Машины раскинуты на огромном радиусе, достигающем 20 и больше километров. Если случится что-либо с трактором, то нужно посылать за механиком специального человека, который в лучшем случае едет пару часов на лошади. Столько же занимает и обратная дорога. Трактор это время стоит. На автомобиле вся операция по вызову механика заняла бы максимум час. Далее, директор должен бывать во всех отрядах, чтобы живым личным руководством, вместо казенного, бумажного, распоряжаться всеми работами. Будь у него автомобиль, работа машинно-тракторной станции была бы намного производительней. Мы знаем случаи, когда на поездку в главную базу за какой-нибудь пустяшной запасной частью приходится терять чуть ли не целый день. Стоит только подсчитать все простои наших тракторов из-за неполадков такого рода и из-за отрыва от базы, как станет ясным значение автомобиля в самом процессе производства.

Возьмем далее наши колхозы. Они совершенно лишены агрономической помощи. Единственный агроном сидит в кустовом об'единении и, как прежде участковый агроном бумажно руководит колхозами, не имея возможности бывать в колхозах не только из-за дальности расстояния, а главное из-за огромной потери времени, уходящего на поездки на лошадях или хождении пешком. Можно ли переоценить значение такого переворота, каким будет вооружение агронома автомобилем, на котором он, быстро передвигаясь по своей периферии, превратится в настоящего технического директора куста, подобно тому, как это имеет место в индустрии. Разве это не является прямым участием автомобиля в самом процессе производства, разве автомобилизация такого рода не даст неслыханного под'ема агрикультурных знаний и техники и под'ема всего нашего производства в целом?

Таких примеров можно было бы привести тысячи. Всю значимость автомобиля для передвижения нашего административного и технического персонала может понять по-настоящему только наш низовой работник, который больше половины своего времени тратит на всякого рода передвижения, если он не хочет оторваться от массы и производства и безвозвратно отрывается от них, если жалеет время и силы на длинные и утомительные передвижения.

В условиях наших зерновых фабрик, охватывающих огромные пространства и применяющих самые усовершенствованные машины, роль автомобиля является решающей в успешной работе всего хозяйства. Подвезти горючее, мастера, запасные части, трактористов—все это дело автомобиля. Далее технический директор зерносовхоза, агроном и инженер, передвигаясь на автомобиле, во-время сумеют вмешаться там, где это необходимо. При уборке урожая роль автомобиля, как уже выше было указано, сводится к своего рода приставной части самого комбайна, куда ссыпает зерно. Все это до очевидности ясно и не требует дополнительных доказательств. Американская практика дает нам в этом вопросе прямые образцы того, как мы должны делать. В наших условиях крупного хозяйства автомобиль должен получить еще большее значение и потому, что мы имеем чрезвычайно редкую сеть железных дорог и отдаленные элеваторы. Кроме того, самый тип организации наших хозяйств и их крупность требует больше непосредственного, живого технического руководства, чем единоличные и уже относительно мелкие фермы Америки.

Наконец, нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что без автомобиля мы, вообще говоря, не можем построить на 100% механизированное хозяйство, так как принуждены будем оставить лошадей для всех многочисленных внутрихозяйственных и внехо-

зяйственных перевозок. Вместе с тем в ряде отраслей уже можно и должно строить хозяйства совершенно без лошадей, как это и имеет место в Соединенных Штатах. Если все основные работы будут производиться трактором, то лошади не получат своей полной нагрузки и превращаются в дефицитную отрасль хозяйства, хотя их и надо содержать для поездок и транспорта. С автомобилем дело обстоит иначе. Мы уж не говорим о том, что автомобиль не надо кормить тогда, когда он не работает. Мало того, введение автомобиля улучшает всю работу хозяйства и в первую очередь тракторов и чрезвычайно удешевляет все расходы по транспорту. Задача построения полностью механизированных хозяйств вполне назрела и в минимуме у нас будет в ближайшее время не что иное, как автомобиль.

Надо прямо сказать, что, если в условиях конного транспорта с его малой производительностью и несносной медленностью наши крупные зерносовхозы уже сейчас показывают подлинные образцы построения настоящих гигантских фабрик зерна, то какие грандиозные достижения будут у нас при автомобилизации.

Роль автомобиля не ограничивается, однако, только одним влиянием на хозяйственную жизнь в узком смысле этого слова. Велика роль автомобиля и в вопросе изменения самого строя деревенской жизни. Развитие капитализма само по себе несет известное разрушение традиционной замкнутости деревни. Роль автомобиля в этом огромна, что видно на примере САСШ. Выше мы уже говорили о том, что американский ландшафт характерен большим количеством маленьких городков. Фермер в высшей степени тесно связан с этим городком. В таком городке, который насчитывает жителей от нескольких сот человек до многих тысяч, а иногда и десятков, фермер находит все, что его интересует из области, так сказать, «общественности». Он находит здесь банк, магазины, кино, рестораны, газолиновые станции, ремонтные мастерские, гостиницы, школы и т. п. Такой городок, образно выражаясь, является как бы базарной площадью обычного большого европейского села.

Автомобиль позволил фермеру сделаться наполовину городским жителем. Мы уж не говорим о значительной части фермеров, которые на зиму вообще переезжают в город, но и рядовой фермер, тесно связанный весь год со своим производством, бывает ежедневно почти в таком городке, а если ферма расположена совсем близко или по хорошей автомобильной дороге, то и по несколько раз в день. В городе он производит свои сделки, обязательно посетит банк и т. п.

Из положительных явлений, которые принес автомобиль, надо упомянуть об улучшении медицинской помощи и о школьном деле. Автомобилизация позволила сконцентрировать в городках более квалифицированные силы, в частности, взамен обычных деревенских «одноучительских» школ дети фермеров получили возможность учиться в хороших средних учебных заведениях в таких городках. В Соединенных Штатах насчитывается около 40.000 школьных автобусов, которые развозят в школы и обратно ежедневно около 500.000 детей.

В наших условиях все это приобретает совершенно выдающееся значение. Дело в том, что действительное разрешение вопроса об уничтожении противоречия между городом и деревней может осуществиться только в эпоху диктатуры пролетариата. Маркс писал: «Буржуазия подчинила деревню господству города». Ленин еще 30 лет тому назад в ответе народникам и ревизионистам указал: «Но решительное признание прогрессивности городов в капиталистическом обществе нисколько не мешает нам включить в свой идеал (и свою

программу действия, ибо неосуществимые идеалы мы предоставляем г.г. Струве и Бердяевым) уничтожение противоположности между городом и деревней. Неправда, что это равносильно отказу от сокровищ науки и искусства. Как раз наоборот: это необходимо сделать для того, чтобы сделать эти сокровища доступными всему народу, чтобы уничтожить ту отчужденность от культуры миллионов деревенского населения, которую Маркс так метко назвал «идиотизмом деревенской жизни» [1]).

Осуществить этот идеал уничтожения противоположности между городом и деревней можно только в эпоху социализма, когда на основе новой техники, помноженной на новые социальные взаимоотношения, когда на основе действительного раскрепощения человека от зависимости от природы и от какой бы то ни было эксплоатации одним человеком другого, жизнь в городе и деревне ничем не будет друг от друга отличаться, ибо самое понятие города и деревни уступит место планомерному расселению, которое будет отвечать всем требованиям человеческой гигиены. Этой качественной перемене во всем строе не только производства, но и его размещения, а следовательно и размещения людей, будет предшествовать длительное количественное накопление. Прежде, чем деревня перестанет быть деревней, она должна пройти длительную стадию теснейшей связи с городом и переделки своего строя под гегемонией города. Быстрейшие и наиболее усовершенствованные пути сообщения, соединяющие наши колхозы и совхозы с заводами, фабриками и рудниками явятся основой основ этого переворота.

И уже на сегодняшней стадии нашего развития мы обязаны возвысить задачу автомобилизации страны и, в частности, сельского хозяйства до положения очередной главнейшей проблемы.

Автомобиль должен принести с собой в деревню не только революцию в вопросе специализации сельскохозяйственного производства, не только его стопроцентную товарность, не только повышение полезного действия всех других средств производства. Автомобиль должен принести с собой не только быстроту административного и технического руководства, не только быструю переброску рабочих и инструментария.

Автомобиль должен принести с собой настоящую революцию всего быта, всего строя жизни деревни. И, когда через несколько лет, автомобиль повезет рабочих совхоза и вместе с ними коммунаров в районный клуб также просто, как сейчас рабочий в городе едет на трамвае в свой районный или заводской клуб, тогда будет действительно перейдена последняя грань к новому миру.

И, как сейчас Октябрьская революция зрительно ассоциируется с представлением о питерской красной рабочей гвардии, раз'езжавшей на автомобилях по городу, как сейчас интернациональный пролетарский праздник 1 Мая невольно ассоциируется с известной всем картиной детей на автомобилях, точно так и великая реконструкция сельского хозяйства будет ассоциироваться с представлением об автомобиле, которому суждено в наших условиях, в условиях диктатуры пролетариата привести к окончательному уничтожению противоположности города и деревни.

Практически уже сейчас перед нами стоит целый ряд вопросов в связи с задачей автомобилизации.

Надо сказать, что лед в деле автомобилизации уже тронулся. Мы ввозим все большее и большее количество машин, мы уже

---

[1]) IX т. «Аграрный вопрос и гг. критики Маркса».

имеем собственное производство, мы строим грандиозный завод в Нижнем. Однако, все это еще далеко недостаточно, все это ничтожно в сравнении с тем, что мы должны сделать. В том, что мы сумеем скоро сделать значительно больше, никаких сомнений нет, а, если рабочая и колхозная общественность проявит в этом деле надлежащую инициативу, то можно будет сделать гораздо больше, чем даже предполагается сделать. К сожалению, приходится признать, что делу автомобилизации все же у нас уделяют непростительно мало внимания. Здесь в тысячный раз мы демонстрируем свой консерватизм, а наши специалисты свою полнейшую безграмотность. Хорошо известно, как наша «рассейская» доморощенная наука проспала комбайн. Хорошо известно, что комбайн ввезли в СССР и ввели в употребление не по указаниям людей науки, а по линии хозяйственной. Всем известно, что наши ученые к комбайну относились не очень одобрительно, несмотря на то, что в Америке практики-фермеры рвут комбайн прямо из рук. То же самое, если еще не хуже, у нас в отношении автомобиля. У нас нет ни одного исследования, ни одного расчета, ни одного организационного плана со включением автомобиля в сельскохозяйственное производство. У нас, например, в таком месте, как в Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина или в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, нет ни одного опыта, ни одного изыскания по вопросу об автомобиле в сельском хозяйстве.

Очередной задачей наших ученых экономистов и техников по сельскому хозяйству—повернуться лицом к автомобилю и в своих изысканиях использовать опыт Соединенных Штатов.

Следующей задачей является широкая пропаганда автомобильных знаний в деревне. Если мы сумели создать кадры трактористов из крестьян, то мы с большой легкостью сумеем создать и кадры водителей автомобилей. Это имеет очень большое значение и в военном отношении.

Далее необходимо направлять в сельское хозяйство как можно больше машин, при этом хорошо было бы выделить показательный автомобилизированный округ, где кроме того широко распространены тракторы и могут получить распространение комбайны, и сделать этот округ не только показательно-образцовым, но и опытным

В нашу задачу не входит подробное изложение практических мероприятий. Наша задача скромнее: показать на примере Соединенных Штатов, что такое автомобиль в сельском хозяйстве вообще, и что он может и должен сделать в наших условиях.

Нужно, чтобы роль и значение автомобилизации были осознаны широкими кругами социалистических строителей. Мы тянемся очень часто за какими-то заграничными сверхновинками; вместе с тем главнейшее это — уметь различить основное звено, как учил Ленин, и за это звено вытащить всю цепь. Нет никаких сомнений, что основным звеном американского типа механизации сельского хозяйства является автомобиль. За это звено мы вытащим цепь нашей социалистической механизации сельского хозяйства, ибо мы помножим новейшие технические достижения на новые социальные формы.

А. Ферра.

К проблемам французской компартии.

Для того, чтобы получить верное представление о некоторых существенных проблемах рабочего движения во Франции, необходимо присмотреться к особенностям развития экономического положения страны и сделать из этого вывод об основных перспективах. Совершенно понятно, что если французская экономика находится теперь в периоде под'ема, то классовая борьба в этих условиях будет иметь другой характер и другие формы, чем если бы французская экономика переживала период кризиса. Затем необходимо подвергнуть анализу конкретное движение масс, без понимания которого вся тактика партии рискует превратиться в схему, совершенно оторванную от реальной жизни. Только в результате подобного исследования можно получить ясное представление об основных проблемах движения во Франции.

Особенности экономического положения и перспективы.

В последние годы часто наблюдалась тенденция рассматривать французскую экономику, как исключение по сравнению с другими капиталистическими странами. Это мнение было правильно в известном смысле, так как французская экономика находилась в привилегированном положении благодаря специфическим условиям, которые позволяли ей успешно конкурировать со своими соперниками на внешнем рынке, создать огромный внутренний и колониальный рынок, не знать проблем безработицы и прочее. Период под'ема французской экономики продолжался без перерыва, — начиная с короткого кризиса в конце 1926 и начале 1927 г. до последних месяцев. Этот период промышленного под'ема с его огромным увеличением продукции, ускоренной реорганизацией производственного аппарата, неслыханным развитием концентрации и трестификации, общим увеличением внешней торговли с активным балансом до середины 1928 г. может быть сравнен лишь с теми успехами в области промышленности, которые сделала Германия с 1924 до 1928 г.

В настоящее время общие индексы производства[1]) продолжают еще показывать известное дальнейшее развитие. В январе 1930 г. общий индекс производства поднялся до 144 (принимая индекс 1913 г. за 100) в то время, как в 1929 г. он равнялся в среднем 139, а в 1928 — 127. Индекс машиностроительной промышленности, за исключением автомобильной, побил сейчас все рекорды. О хронической безработице говорить не приходится.

Можно ли, однако, считать, что мы будем иметь во Франции и дальнейший под'ем промышленности?

VI с'езд французской компартии, имевший место в апреле 1929 года в Сен-Дени, уже установил совершенно определенным образом серию общих факторов, которые должны вызвать радикальную и длительную перемену

1) Официальный индекс, к которому надо относиться с известной осторожностью.

в условиях развития французской экономики. Анализ с'езда был полностью подтвержден последними событиями. В связи с законодательной стабилизацией франка уровень цен на внутреннем рынке достиг уровня цен мирового рынка. Условия, благоприятствовавшие промышленному экспорту, исчезают и иностранная конкуренция становится все более ожесточенной, торговый баланс становится пассивным и покупательная способность внешнего рынка падает все более быстрым темпом. Становится все труднее конкурировать с заграницей и в особенности с Германией, Соед. Штатами, Великобританией и Канадой. Эти страны увеличивают вывоз своих фабрикатов во Францию, больше чем на 3 миллиарда в то время как французский экспорт в эти же страны уменьшился на 1 мрд. 300 млн. Американская конкуренция начинает все более пугать французских промышленников и в последние дни председатель мощного синдиката машиностроительных отраслей промышленности (находящихся в настоящее время в периоде под'ема) заявил, что французской промышленности грозят две серьезные опасности — германская и американская. Дефицит торгового баланса, вызванный падением экспорта фабрикатов и новой иностранной конкуренцией на внутреннем французском рынке, свидетельствует о непрерывном сужении внешнего рынка, что в конечном счете означает, постоянно усиливающееся сокращение французской продукции, так как внутренний рынок также сокращается до известной степени. Многие промышленные органы констатируют, что покупательная способность масс все более падает. Жизнь все более дорожает и аграрный кризис, охвативший широкие массы трудящихся крестьян, земледельцев, виноделов, огородников и проч., также приводит к сокращению покупательной способности внутреннего рынка. Аграрный кризис во Франции носит хронический характер, при чем он непрерывно обостряется, что в особенности наблюдалось в 1929 г.

К этим общим факторам, свидетельствующим о радикальном изменении условий французской экономики нужно добавить, что некоторые отрасли французской промышленности, а именно текстильная и кожевенная, страдают уже давно от мирового кризиса.

В последние месяцы появились признаки, свидетельствующие о нарастании кризиса во Франции. Если присмотреться к курсам акций и к эмиссионным операциям акционерных обществ, то окажется, что уже с первых месяцев 1929 г. во Франции имеется биржевой кризис. Если он не носил такого внезапного характера, как кризис, вспыхнувший осенью прошлого года в Нью-Йорке, то он относительно является не менее глубоким. С февраля до ноября 1929 г. индекс курсов акций снижается с 548 до 461. В то время, как выпуск акций постоянно возрастал с 1925 г., когда он равнялся в среднем 179 млн. франков в месяц, и дошел до 760 млн. франков во втором квартале 1929 г., мы видим в начале 1930 г. резкое снижение до 305 млн. франков в месяц. Несмотря на все усилия финансовый рынок продолжает переживать депрессию.

Этот биржевой кризис являлся уже в течение некоторого времени одним из признаков приближающегося экономического кризиса, но в настоящее время имеются уже более определенные симптомы этого экономического кризиса, а именно бесспорное замедление темпа развития тяжелой промышленности, которая начала отставать по сравнению с прошлым годом. Замечается уменьшение количества заявок на строительные работы, а в последние недели — уменьшение количества загруженных вагонов не только по сравнению с 1929 г., но даже с 1928 г.

Американский кризис обострил финансовый кризис на парижском рынке. Этот кризис отразился на французской автомобильной промышленности, переживающей частичный кризис.

Было бы, конечно, неправильно не учитывать то сопротивление, которое французская буржуазия оказывает в новых условиях угрозе кризиса. Не следует забывать, что в настоящее время Франция имеет такой запас золота, что она относительно является «богатейшей» в мире страной, что кредитные возможности на французском рынке велики и что кредит чрезвычайно дешев. Эти факты, конечно, сильно облегчают циркуляцию капитала и задерживают развитие кризиса. Вместе с тем они показывают, что положение является совершенно ненормальным, так как деньги не могут быть полностью использованы. Вместе с тем все меры, предпринятые для смягчения биржевого кризиса, не имеют, конечно, большого значения и достигнутые таким образом результаты носят лишь временный характер. Попытки расширить внутренний рынок при помощи плана Тардье не могут дать больших успехов и в лучшем случае можно рассчитывать на увеличение покупательной способности рынка приблизительно на миллиард. Не следует также делать отсюда вывода о возможности расширения внутреннего рынка в связи с разрушениями, причиненными наводнением на юге. Некоторое снижение налогов и некоторые поверхностные меры, принятые по отношению к аграрному кризису, также не могут дать реальных результатов и далеко не в состоянии удовлетворить требования заинтересованных кругов. Попытки расширения колониального рынка путем заключения крупного займа наталкиваются на колоссальные препятствия и трудности. Сюда относится в первую очередь недостаток рабочей силы в Африке, нищета туземного населения, экономические и валютные кризисы и революционное движение, развивающееся в таких колониях, как Гваделупа и Индо-Китай.

Экономическое положение Франции уже не является особенно благоприятным и нет причин, в силу которых Франция могла бы быть пощажена развивающимся мировым кризисом. Напротив, имеется, повидимому, достаточно доказательств, позволяющих утверждать, что французская экономика начала вступать в конце 1929 г. в период кризиса. Возможно, что кризис достигнет во Франции тех размеров, которых он достиг в других странах, лишь после длительного периода депрессии. Во всяком случае перспективы промышленного под'ема должны быть исключены. Период под'ема 1927—28 и даже 1929 г. надо считать полностью законченным. Эту истину начинают теперь понимать наиболее умные буржуазные политики, как Лушер и Поль Рено. Другие, как, например, министр торговли Флонден, испытывают как бы суеверный страх при самой мысли о кризисе и заявляют: «Кризиса нет, но, если мы будем о нем говорить, мы в конце концов его вызовем».

Мы не может удовлетвориться одним лишь регистрированием подобных перспектив. Мы должны стараться понять их значение и их политическое влияние. Прежде всего мы видим, что начинает сказываться непосредственная связь между угрозой экономического кризиса и политической неустойчивостью (правда, довольно поверхностным образом) в форме постоянных министерских кризисов во второй половине 1929 и в начале 1930 г. Причина последнего министерского кризиса заключается в том, что финансовая политика не отвечала требованиям промышленности, настаивавшей на снижении налогов и особенно страдавшей от увеличения издержек производства. Этот кризис бросает яркий свет на связь, существующую между угрожающим экономическим кризисом и министерскими кризисами. Постоянные министерские кризисы свидетельствуют не только об общей политической неустойчивости, которая начала сказываться в Европе (неустойчивость английского правительства, политический кризис в Польше, падение кабинета Мюллера в Германии и т. д.). Они показывают, что уже один призрак экономического кризиса вносит замешательство в ряды буржуазии и способен поколебать буржуазные правительства.

Во Франции, где политические партии отражают, хотя и не вполне точно, интересы экономических групп французской буржуазии, период кризиса приведет, может быть, скорее, чем в другой империалистической стране, к быстрому усилению диктатуры крупной буржуазии. Эта быстрая фашизация отнюдь не находится в противоречии с фактом неустойчивости правительств. Напротив, этот период неустойчивости министерских кабинетов является до известной степени необходимой подготовкой к небывалому усилению фашистских методов, уже бывших в употреблении, к введению новых фашистских методов и их окончательной систематизации. Не следует думать, что процесс усиления буржуазной диктатуры развивается автоматически и единообразным путем. Напротив, ему необходима благодарная почва, которая создается при замешательстве, вызываемом приближением кризиса среди различных групп французской буржуазии. Нужно еще добавить, что французская буржуазия прекрасно видит приближение и неизбежную необходимость войны. Лихорадочно вооружаться — вот тот урок, который французская буржуазия извлечет из колоссального провала лондонской морской конференции. Всемерно ускорить нападение на Советский Союз, усилить кампанию против СССР—вот те задачи, которые себе поставила французская буржуазия, увидев грандиозные успехи пятилетнего плана и ликвидации кулачества как класса в СССР.

Подобные воинственные настроения вносят известное беспокойство в ряды буржуазии и она проникается сознанием необходимости ввести режим диктатуры и осадного положения на подобие режима, установленного Клемансо в 1917 г. Кризис и приближение войны являются мощными факторами, вызывающими перегруппировку классовых сил, партий и усиление прямой диктатуры буржуазии.

Надвигающийся кризис еще более обострит уже существующий аграрный кризис. Однако, в такой стране, как Франция, где 40% населения занимается хозяйством, обострение аграрного кризиса в условиях экономического означает быстрое обострение классовой борьбы в деревне и под'ем крестьянского движения, без которого немыслима подлинно революционная ситуация. Движение, подобное тому, которое было в 1907 г., имело бы, однако, в настоящих условиях несравненно большее значение и больший размах. Эти перспективы относятся к сельским рабочим и в особенности к батракам, занятым в винодельческой промышленности.

Наконец, перспективы безработицы, неизбежно возникающие в связи с угрозой кризиса, являются особенно серьезными в такой стране, как Франция, где нет страхования от безработицы, где социальная политика предпринимателей и правительства находится еще в примитивной стадии, если ее сравнить с социальным обеспечением в других крупных капиталистических странах. Кризис означает наступление капиталистов на условия жизни французского пролетариата, которые и без того являются плохими. Кроме того, нужно еще отметить, что французский пролетариат уже в течение ряда лет совершенно не знает бедствия безработицы и из этого следует, что в случае безработицы, которая является непосредственным следствием кризиса, он будет реагировать самым бурным образом.

Таким образом, в связи с угрозой кризиса можно ожидать наступления периода поколебания политического положения буржуазии, обострения борьбы рабочего класса, увязанной с вероятной борьбой батраков и бедных крестьян. Таким образом, мы будем иметь факторы развертывания революционного под'ема.

Эти перспективы ставят перед французской компартией общую стратегическую задачу быстрого завоевания большинства рабочего класса. Без быстрого достижения этой цели революционное движение пойдет по своим особым путям, которые могут быть не теми революционными путями, которые ведут к социалистической революции. Французская компартия в целом должна понять всю важность этой опасности.

Но недостаточно ставить перед собой одну стратегическую цель. Эта стратегическая цель, близость которой зависит в значительной степени и от быстроты обострения кризиса, может быть достигнута не путем использования одних лишь абстрактных лозунгов, а на основе революционного движения масс, существующего в настоящее время и все более возрастающего, хотя и неравномерным путем и скачками.

Только изучая это движение, его особенности и соотношение сил, можно установить те тактические методы, без применения которых все разговоры о завоевании большинства рабочего класса, как непосредственной стратегической задаче, будут одними лишь бесплодными разговорами.

Характер борьбы рабочего класса во Франции.

Борьба рабочего класса во Франции характеризуется по существу волной забастовок, важнейшими причинами которых является непрерывное вздорожание жизни и новые методы работы (рационализация), которые французский капитализм старается ввести во всей французской промышленности. Под влиянием этих постоянных факторов неизбежно обостряется борьба рабочего класса. Цифровые данные говорят о росте забастовочного движения. За время с июля 1928 до июля 1929 г. во Франции было 1.400 забастовок, охвативших 450 тысяч бастующих. С июля 1929 г. до ноября 1929 г. было 350 забастовок и 120 тысяч бастующих. В последние 6 месяцев с сентября 1929 г. до начала марта 1930 г. было по статистическим данным «Юманите» 619 забастовок, в которых участвовало 230.116 рабочих. Исследование причин забастовок приводит к выводу, что забастовочное движение должно расти и дальше. Факты это действительно подтверждают. Однако, дело не только в количественном росте движения, но и в качественном.

И действительно, при исследовании забастовочного движения мы видим, что оно все более охватывает крупные жизненные промышленные центры страны, при чем борьба часто происходит в таких местностях, где рабочие не боролись уже в течение 10 лет. В отличие от прошлых лет в настоящее время вступают в борьбу рабочие тех центров, где больше всего чувствуется нажим хищнических капиталистов. Дело идет, прежде всего, о восточной Франции с ее шахтами, рудниками, и недрами. Там, где годами царила железная дисциплина, поддерживаемая крупными промышленными магнатами, теперь вспыхнул целый ряд боев в бассейне Брие, в Нанси, в Бельфоре. Сильнейшее возбуждение царит в Парижском районе. Движение захватило и северную Францию и грозит распространиться на угольную промышленность и металлургическую. Наконец, наблюдается забастовочное движение докеров и портовых рабочих в крупных портах Франции.

Забастовочное движение грозит распространиться по всей Франции. Само собой разумеется, что движение захватило, главным образом, основные отрасли французской промышленности и, в первую очередь, тяжелую промышленность. Забастовочное движение охватило и железнодорожников впервые после 1920 г., в то время, как в прежние годы бастовали исключительно рабочие легкой промышленности. Мы видим, таким образом, тенденцию к углублению забастовочного движения. Эта тенденция является тем более опасной для капитализма, что даже некоторые части государственного аппарата, охвачены забастовочным движением. Так, например, бастуют почтовики, таможенные работники и т. д.

В начале забастовочной волны, т.-е. в конце 1927 и в начале 1928 г. в борьбу вступали обыкновенно неорганизованные рабочие, действовавшие

исключительно под давлением своей экономической нужды. Это были беднейшие слои пролетариата и этот обычный «арьергард» рабочего движения стал фактором нового революционного под'ема во Франции. Это явление наблюдается и сейчас. Не следует забывать, что 90% французских рабочих не организованы. Однако, на ряду с этим бесспорным явлением последний период показывает, что забастовочная волна захватывает и тех рабочих, которые являлись наибольшими противниками борьбы, благодаря тому, что они находились под влиянием социал-демократии. В последние 6 месяцев насчитывается больше дюжины крупных забастовок, которые проводились рабочими, принадлежащими к профсоюзам желтой Конфедерации труда. Само собой разумется, что эти забастовки велись, несмотря на сопротивление, против воли лидеров желтых профсоюзов, вся роль которых все более сводится к циничному подавлению забастовочного движения.

Ряд других фактов свидетельствует о политическом под'еме забастовочного движения. Цеховые тенденции постепенно преодолеваются. Растет число забастовок, в основе которых лежат, помимо экономических и политические требования, как, например, борьба с репрессиями, борьба с рационализацией, борьба с нарушением профсоюзных прав. Укажем хотя бы на борьбу 6 тысяч рабочих парижской подземной дороги, требовавших освобождения своего профсоюзного секретаря Кьяппа, арестованного полицией. Забастовки, демонстрации железнодорожников Парижского района, протестовавших против капиталистической рационализации, забастовки портовых рабочих, борющихся за свои профсоюзные права, являются примерами боев, уже не носящих исключительно экономический характер. Цеховые тенденции ликвидируются по мере того, как забастовочное движение охватывает все более широкие массы. Это видно по таким забастовкам, как забастовка в Пиене, на востоке Франции, и забастовка рабочих фирмы Альстон, при всех тех недочетах, которые проявлялись в движении. Наконец, забастовочное движение проявляет все меньше стремления к тому, чтобы оставаться в рамках легальности. В то время, как например, в забастовках горняков обыкновенно оставались на работе некоторые рабочие, которые должны были следить за вентиляцией в шахтах и поддерживать огонь в доменных печах, последние забастовки, как, например, в Трит Сен-Лежере, окончились победой рабочих благодаря тому, что последние порвали со всеми традиционными легальными цеховыми формами борьбы.

Наиболее ценным свойством теперешнего движения является то, что рабочие не считают себя побежденными даже в том случае, если борьба не оканчивается победой. Для примера укажем на забастовку в Бельфоре, где назавтра после поражения рабочие устроили на месте работы демонстрации и временно прекратили работу, причем 1.600 человек вступили в унитарный профсоюз, а несколько десятков человек — в компартию и в комсомол.

Это характерно для теперешнего периода, т. к. в прежние периоды поражение обыкновенно вносило замешательство в ряды рабочих, порождало пессимизм и дезорганизацию и приводило к выходу рабочих из профсоюзов. Сейчас движение, однако, уже так сильно, что поражение в борьбе уже не может превратиться в поражение всего движения.

Наконец, во всех боях, даже когда дело идет о рабочих, находящихся под влиянием социал-демократии и даже наиболее реакционных буржуазных партий, борющиеся рабочие горячо приветствуют делегатов компартии. Не было серьезного случая, когда бастующие рабочие выразили бы свое недовольство политикой компартии. Это говорит о поднятии политического уровня борющихся рабочих на высшую ступень. С другой стороны, рабочие все яснее видят роль реформистской Конфедерации труда и социалистических лидеров. В то время как раньше реформистская Конфедерация труда и социалисты не интересовались забастовочным движением, они теперь начали им заниматься, боясь совершенно оторваться от масс. Они теперь активнейшим образом вмешиваются в забастовки в целях их подавления. В борьбе с коммунистами и унитарными профсоюзами они не останавливаются перед классическими приемами штрейкбрехерства. Фашизация реформистской Конфедерации труда происходит на самом месте борьбы. Здесь она систематически организует пикеты рабочих, теснейшим образом связанных с профсоюзным аппаратом Конфедерации труда. При чем роль этих пикетов заключается в физической борьбе с коммунистами и рабочими, желающими бороться под лозунгами унитарных профсоюзов. Но несмотря на эти фашистские приемы, принимающие все более циничный характер, вернее благодаря им, рабочие и даже рабочие из реформистских профсоюзов поднимаются против своих лидеров и их методов и там, где партия умеет использовать положение, они вступают массами в Унитарную Конфедерацию труда. Лучшим примером является Нант. Таким образом, политика профсоюзов реформистской Конфедерации труда в случае, если она встречает энергичный отпор со стороны компартии и Унитарной Конфедерации труда, в конечном счете поднимает политический уровень борьбы на более высокую ступень.

При этом нужно подчеркнуть и другой, весьма типичный факт, а именно введение новых форм борьбы по инициативе самих рабочих, как например, физическую борьбу внутри фабрики с полицией и шпиками, находящимися на службе у предпринимателей. На фабрике и вблизи фабрики рабочие пускают в ход в борьбе с полицейскими свои инструменты. Много таких случаев было в боях 1 августа и 6 марта у Ситроена, Рено и друг. Когда улица находится в условиях осадного положения, рабочие собираются внутри фабрики, демонстрируют там и пытаются затем устроить демонстрации на улице. Откликаясь на политические призывы партии, рабочие часто прекращают работу за час до срока. В других случаях, когда волнение велико, но рабочие не решаются открыто выразить свое возмущение, ввиду опасения жестоких репрессий, наиболее активные и энергичные рабочие совершают акты саботажа. Перерезают электрические провода, пускают в ход сирену и этого достаточно для того, чтобы поднять рабочих, т. к. всех их об'единяет одно общее чувство протеста и готовности к борьбе.

Мы уже проходим период элементарных форм рабочего движения, носивших узко цеховой экономический характер. Революционное рабочее движение поднимается во Франции на более высокую ступень борьбы.

Однако, специфическая особенность теперешнего момента заключается в том, что в своем количественном и качественном нарастании забастовочная волна начинает наталкиваться на методы, к которым капитализм не прибегал в последний период (как напр., локауты, введение полиции и войск во внутренние помещения фабрики и пр.) и которыми и он теперь пользуется в виду кризиса. Столкновение этих двух нарастающих движений должно в свою очередь поднять на еще более высокую ступень революционное рабочее движение. Рабочие видят, что они смогут победить лишь в том случае, если их борьба примет более широкий, систематический, революционный политический характер.

В виду всех этих причин нельзя говорить лишь о простой волне экономических забастовок во Франции. Дело идет о движении высшего порядка, при котором пролетариат начинает переходить к более решительной революционной политической борьбе.

Однако, забастовочное движение, как оно ни существенно, не представляет собой все формы борьбы, которые в настоящее время ведет французский рабочий класс. Рабочий класс показал, что он умеет сплачиваться вокруг компартии и проводить в жизнь такие политические демонстрации, как

демонстрация 1 августа и демонстрации в меньших размерах как демонстрация 6 марта. Он умеет мобилизоваться для борьбы против репрессий, и для поддержки своих классовых организаций, доказательством чего является широкое движение в защиту «Юманите». Дело идет не только о простой подписке, как это было в былые годы, и мы здесь подчеркиваем колоссальный рост движения не только с точки зрения количества собранных денег. Движение в защиту партии и ее органов является и в качественном отношении рекордным, так как оно проявилось на местах и на предприятиях в форме создания комитетов защиты «Юманите», что является началом создания широкой вспомогательной организации партии.

Общая тенденция в рабочем движении сводится к его качественному и количественному усилению, к новому революционному под'ему пролетариата. Основная *опасность* поэтому заключается в том, что *движение может* выйти из рамок организационных возможностей и *опредить политическое руководство партии*. Опасность заключается не в том, что движение развивается слишком медленно, как это заявляют некоторые мелкобуржуазные элементы, находящиеся в наших рядах, а в том, что партия может отстать от роста движения.

Однако, было бы глубокой ошибкой, которая бы привела к не менее глубоким тактическим ошибкам, если бы мы не учли того, что процесс нового революционного под'ема развивается далеко не равномерно. Рост движения не носит регулярного характера, и нельзя сказать, что движение обязательно со дня на день растет. Кроме того, быстрота развития не является чисто об'ективным явлением и она зависит в весьма значительной мере от активности самой компартии и революционных организаций. Новый под'ем французского пролетариата не является чем-то автомотическим и заранее предопределенным.

Буржуазия прекрасно понимает характер нового революционного движения во Франции. Она знает, что она сможет разбить этот новый под'ем, если ей удастся разбить политически компартию и революционную организацию, уничтожив их как организации. Вот почему она ведет теперь неслыханное двойное наступление на нашу партию, на политической почве при посредстве своих политических партий (в первую очередь тех, в которых находятся социал-демократы) и ренегатов компартии, с другой стороны, при помощи репрессий, которые должны разгромить партийные организации и поставить комунистическое движение под исключительный фашистский режим, что на практике уже осуществлено в последние месяцы.

Что касается наступления буржуазии, призванного разгромить партийные организации, то здесь необходимо внимательно учитывать тактику, применяемую буржуазией. Недостаточно говорить, что буржуазия хочет поставить партию в условия нелегальности, нужно видеть, каким путем буржуазия стремится к этому прийти. Ее тактика очень искусна и она не прибегает к грубым декретам. Французская буржуазия имеет глубокие традиции в области применения всевозможных политических маневров. Она знает, что грубые средства не всегда являются наиболее действенными. В своих стараниях поставить революционные организации в условия нелегальности, она прибегает к частичным атакам, она не запрещает выхода партийных газет, но запрещает их продажу на улицах; она не закрывает наиболее популярных органов партии, но она старается окольным путем привести их к банкротству; она начинает закрывать те органы партии, которые не имеют широкой основы в массах. Сначала она запретила коммунистические газеты, издающиеся для иностранцев, а теперь она направила свой огонь против комсомольской прессы. Она ищет слабые места, она пытается уничтожить сначала наиболее слабые организации, находящиеся под влиянием компартии, как, например, спортивную федерацию труда, разгром которой не вызвал

бы особенно сильной реакции. Она не подвергает сразу всех коммунистов уголовному режиму, начиная при этом лишь с молодежи. Она не об'являет компартию нелегальной организацией, но она заключает всех ее вождей в тюрьму, т.-е. в условия нелегальности. *Одним словом во всех отраслях своей репрессивной деятельности буржуазия прилагает все усилия к тому, чтобы нанести партии удары таким образом, чтобы она не могла реагировать массовым выступлением.* Она пытается наносить свои удары так, чтобы постепенно смог установиться исключительно фашистский режим и чтобы были разрушены коммунистические организации без того, чтобы рабочие смогли на это реагировать массовым выступлением, ибо они постепенно привыкают к репрессиям против своей воли. Она пытается придать фашистским методам хронический характер для того, чтобы партия и рабочий класс против своего желания уже оказались в атмосфере фашистской репрессии, прежде чем они успеют выбрать решающий момент для массового выступления.

В своем политическом наступлении в целях дискредитирования партии буржуазия пользуется в качестве своих ударных отрядов социал-демократами и, в особенности, «левым» крылом социал-демократии. Кроме того, можно сказать, что различные группы ренегатов, бывших членов компартии, членов рабоче-крестьянской партии, синдикалистских меньшинств и различных троцкистских групп, также являются партизанскими отрядами, назначение которых заключается в борьбе с нашими передовыми линиями. В последние 6 месяцев особенно усилилась эта политическая атака буржуазии, проводящаяся при посредстве социалистической партии и ренегатов. Особенную деятельность развила социалистическая партия в Парижском районе. Она понимает, что ее ценность в глазах буржуазии является тем большей, чем сильнее ее влияние в массах. Это влияние в массах является в значительной мере условием ее прямого участия в работе буржуазного правительства. Во главе с «левым» Жиромским социалисты Парижского района хотят «завоевать массы». Надеясь на то, что репрессии заставят пошатнуться некоторые наименее прочные элементы в рядах нашей партии, они рассчитывают привлечь на свою сторону не только нескольких ренегатов, но и широкие слои рабочих, находящихся под нашим влиянием в Парижском районе.

Эта работа социал-демократии в Парижском районе не дала каких-либо видимых результатов, напротив, в некоторых случаях социал-демократия потеряла свое влияние среди трудящихся, несмотря на свои демагогические усилия и «левые» фразы.

В провинции, однако, дело обстоит иначе.

Последние частичные выборы как парламентские, так и другие, показали в провинции чувствительное падение числа голосов, поданных за компартию, в пользу социал-демократов. Не зачем отрицать эти факты. Их нужно расценивать, как результат политического наступления французской буржуазии и помнить о них, когда мы установим основные тактические задачи нашего контрнаступления на буржуазию.

Политическое наступление буржуазии при помощи ренегатов партии дало результаты, которые мы также не должны недооценивать. Мощность наступления, новые формы борьбы, новые агенты, использованные буржуазией, внесли временное замешательство в слои, близко стоящие к партии. Лучшим примером являются выборы в Сен-Дени, где рабоче-крестьянская партия (организация ренегатов, исключенных из партии, Селлье, Гаршери и др.) получила больше 1.600 голосов.

Анализ рабочего движения во Франции показывает следующие специфические особенности: новый революционный под'ем пролетариата сопрово-

ждается псевдо-противоречивым процессом—усиленным наступлением на партию, которое в известной мере и на известное время может не только сократить ее кадры, но и подорвать ее влияние. Необходимо хорошо усвоить оба аспекта этой проблемы для того, чтобы, с одной стороны, не впасть в оптимизм тех, которые только и знают, что повторяют, что мы, мол, находимся в периоде революционного под'ема и во всем остальном полагаются на господа бога, а с другой стороны — не уподобиться разочаровавшимся пессимистам с социал-демократическим уклоном, видящим лишь одно наступление буржуазии на нашу партию и совершенно не замечающим тот огромный факт, полный революционого значения, каким является новый революционный под'ем во Франции.

Тактические проблемы французской компартии.

В брошюре, озаглавленной «Третий период ошибок Коминтерна», Троцкий преподносит в подарок всем французским оппортунистам, всем ренегатам, дрожащим от страха перед буржуазными репрессиями и новым революционным под'емом, идеологическую платформу для того, чтобы они могли дезертировать и совершать свои предательства под маской «левых» фраз. В этой платформе он предлагает в качестве основной задачи французской компартии приспособиться к экономически-цеховой борьбе рабочих, т.-к. абсурдно говорить о революционном под'еме; еще не пришло время для об'единения рабочего движения и таким образом рано ставить вопрос о массовой политической забастовке.

Линия французской компартии, выработанная на последнем ее с'езде, является совершенно другой. Новый революционный под'ем во Франции выдвигает в первую очередь тактические задачи руководства этим революционным под'емом. Прежде всего мы оказываемся перед настоятельной задачей усиления контакта партии с стихийным движением масс, ибо нам грозит известный отрыв от масс. Дело не в том, что мы слишком опережаем массы, а напротив—очень часто массовые бои проявляют тенденцию развиваться помимо нашей организации. По этой причине мы запаздывали в некоторых крупных забастовках. Так было с движением рабочих Парижского района против дороговизны жизни и поднятия цен на средства передвижения. Проблема усиления контакта с боевым движением рабочих масс ставит в порядок дня вопрос о комитетах борьбы. Это не новая организация рабочих. Это — элементарная форма сплочения рабочих на основе предприятия. Эти комитеты должны заниматься подготовкой борьбы за заранее выдвинутые требования. Систематическая организация комитетов борьбы имеет особенно большое тактическое значение для нас, т. к. при их помощи мы можем предвидеть массовое движение, подготовить профсоюзные организации для их руководства и координации действий. В связи с этой необходимостью усиление контакта со стихийными боями рабочих выдвигается со всей остротой вопрос о вербовке новых членов в унитарные профсоюзы на основе профсоюзных секций на предприятиях. Организация комитетов борьбы облегчит это вовлечение новых членов при том условии, если комитеты борьбы не подменят собой профсоюзные секции, являясь исключительно органами элементарного сплочения рабочих.

Но усиление контакта с массовыми выступлениями рабочих еще не является достаточным для об'единения еще изолированных движений, развивающихся пока стихийным образом. Здесь выдвигаются проблемы расширения забастовок в областные и в забастовки, распространяющиеся на целые отрасли промышленности. Поражение забастовки в Пиенне об'ясняется отчасти тем, что активные работники федерации горнорабочих не сумели с самого начала

движения поставить вопрос о быстром расширении забастовки, которую они склонны были рассматривать как изолированную борьбу. Об'единение рабочих боев нашло форму, которая уже дала плоды в систематической организации широких рабочих конференций или с'ездов, созванных красными профсоюзами и в которых принимало участие огромное количество делегатов неорганизованных рабочих. Другая форма об'единения рабочих движений заключается в организации дней, вроде 6 марта, в которых выступают трудящиеся данной области или отрасли промышленности, начиная от участия в митинге и кончая забастовкой и борьбой с полицией.

Быть во главе рабочего движения во всех боях как самых незначительных, так и самых крупных — это правило превращается в настоящее время из общего принципа нашей тактики в повелительную тактическую необходимость. Вот почему так остро ставится теперешней практикой рабочих боев проблема форм и методов работы, необходимых для осуществления руководящей роли партии.

Наконец, необходимость ускорения нового революционного под'ема создает для партии необходимость систематического использования новых форм борьбы, вытекающих из самых боев пролетариата, в частности, необходимость организации комитетов защиты рабочих от полиции и шпиков, находящихся на службе у предпринимателей. Для того, чтобы поднять политический уровень рабочего движения необходимо уметь увязывать повседневные требования с политическими лозунгами; наконец, необходима систематическая работа для подготовки массовой политической забастовки. В момент, когда движение начинает расширяться и концентрироваться в основных отраслях промышленности, работа по проведению массовой политической забастовки становится тем звеном, за которое необходимо ухватиться для того, чтобы решающим образом ускорить темп вовлечения и воспитания масс пролетариата.

Вторая серия тактических задач вытекает из того обстоятельства, что партия находится под сильнейшими ударами буржуазии. Нужно в первую очередь знать, как отбить наступление буржуазии, уметь определить, где находится наиболее опасное орудие буржуазии, стремящейся уничтожить политическое влияние партии на рабочие массы. Наиболее острым и опасным орудием буржуазии в борьбе против нас является социал-демократия и особенно «левая» социал-демократия.

Борьба с социал-демократией сейчас выходит из рамок пропагандистской и агитационной деятельности. Она превращается в прямую борьбу рабочих, организующих контрдемонстрации против демонстраций социалистов; она проявляется в непосредственной массовой борьбе против социал-фашистских выступлений организаций социалистической партии и реформистской Конфедерации труда во время забастовок.

Стремясь взять в свои руки борьбу с социал-демократией, партия вместе с тем борется за легальное или открытое существование революционных организаций. Но здесь нужно уметь расширять основу борьбы партии в ее боях с исключительным фашистским режимом, который постепенно устанавливается. Вот почему лозунг борьбы за легальность партии и революционных организаций должен стать основным лозунгом по возможности во всех забастовочных боях. Расширение основы борьбы партии означает вместе с тем создание и систематическое развитие комитетов защиты «Юманите», которые должны стать вспомогательными органами. Ответ партии на выступление буржуазии должен, наконец, заключаться и в том, чтобы умело бороться за сохранение всех легальных позиций, находить такие лозунги, которые могли бы мобилизовать массы для борьбы за легальное существование партии. Вот

почему лозунг создания комитетов защиты «Юманите» оказался в последнее время весьма важным и продолжает и теперь иметь громадное значение. Буржуазия стремится фактически поставить партию в условия нелегальности с тем, чтобы последняя не смогла взять в свои руки инициативу в борьбе за свою легальность. С того момента, когда партия сможет взять инициативу в свои руки, наступление буржуазии окажется разбитым более, чем на половину. С другой стороны, если партия, оказавшись в условиях нелегальности, не будет вести широкой борьбы за свою легальность, то это будет ее величайшим поражением.

Ведя эту важную политическую борьбу, партия должна вместе с тем всемерно заботиться о том, чтобы в случае ее нелегальности была обеспечена полная возможность подпольной работы отдельных органов партии в любых условиях и чтобы была сохранена связь между отдельными частями партийного аппарата.

Третья серия тактических задач касается вопросов политического и организационного единства партии. Под знаком этих задач проходила подготовка к последней конференции французской компартии, состоявшейся в первой половине марта в Париже. Эта работа по укреплению единства партии проводилась во вторую половину 1929 и в начале 1930 г. на основе организационной проверки партии. В связи с вступлением французского рабочего движения в период, характеризующийся репрессиями, эта проверка оказалась тем более необходимой, что в промышленных центрах и в особенности в Парижском районе наблюдалось отступление некоторых партийных элементов, испугавшихся правительственных репрессий.

Но проблема политического единства партии встала во всей ее широте, когда поднялась новая волна оппортунизма, в особенности, в связи с уходом из партии нескольких муниципальных советников, создавших под именем рабоче-крестьянской партии свою организацию, опирающуюся на несколько муниципалитетов, где коммунисты изменили партии и организации меньшинства в Унитарной Конфедерации труда.

В настоящее время ожесточенная идеологическая борьба за ликвидацию оппортунистических течений в наших рядах, изгнание элементов, сочувствующих ренегатам, и полный разгром так наз. рабоче-крестьянской партии является наиболее актуальным вопросом, стоящим в порядке дня. Эта борьба сохранит свое значение и в наступающем периоде, так как оппортунистическая опасность продолжает оставаться величайшей опасностью для французской партии.

Борьба с оппортунизмом должна итти по двум основным линиям. Во-первых, по линии усиления политической и идеологической работы наших профсоюзных фракций, в особенности в таких районах, как Парижский или район Нижней Сены и Северный, где профсоюзы, находящиеся под влиянием меньшинства, имеют наиболее широкую основу. Во-вторых, по линии решительного выпрямления коммунальной политики партии, ибо повседневный опыт показывает, что 200 муниципалитетов, возглавляемых коммунистами, являются настоящими очагами оппортунизма и легализма.

Но если оппортунизм остается крупнейшей опасностью, то с другой стороны нельзя закрывать глаза и на другую опасность, которая в последнее время начала проявляться в форме «левых» загибов.

Эти уклоны проявились особенно в Парижской области. С одной стороны, они являются до известной степени реакцией против оппортунистских уклонов, но по существу они свидетельствуют о полной неспособности к массовой работе, к «черной работе», мелкой повседневной работе и к вербовке новых рабочих в партию как раз в момент, когда эта работа имеет решающее значение. Эти тенденции проявились в самых различных формах. Среди моло-

дежи они приняли классические формы и подавляющее большинство партии их единодушно осуждает. Но, и в самой партии появились типичные теории, развившиеся в связи с уменьшением числа членов партии в Парижском районе. Начала распространяться теория о том, что качество важнее количества. В отношении забастовочного движения появилась теория отказа от борьбы за повседневные требования под тем предлогом, что отныне все забастовки являются политическими и что экономических забастовок уже больше не будет. В то время как партия должна была разнообразить формы своей агитации и выступать везде, пользуясь своим легальным положением, появились тенденции, стремившиеся отказаться от организации местных митингов под тем предлогом, что это, мол, устаревшая форма работы и что всю нашу агитацию мы должны развивать исключительно на предприятиях.

Некоторые районные организации партии дают в этом отношении особенно разительные примеры. Они составляют напыщенные доклады, которые якобы должны дать анализ мирового положения, но в сущности представляют собой лишь скверные карикатуры на резолюции международных с'ездов. Спорят о самых отдаленных проблемах, не говоря ни слова о конкретных проблемах, стоящих перед французской компартией, перед данной областной или районной организацией. Появилось стремление отрицать необходимость использования парламентской трибуны параллельно с непосредственной борьбой профсоюзных и партийных организаций в области забастовочного движения и т. д., и т. п.

Одновременное существование правой и некоторой «левой» опасности вызывает необходимость борьбы на два фронта. Конечно, «левые» уклоны имеют те же корни, что и правые уклоны. На практике и они превращаются в конце концов, в правые уклоны. Они, однако, имеют другую форму и они опасны тем, что легко привлекают к себе молодые неопытные и нетерпеливые элементы, далеко не являющиеся плохими. Поэтому нельзя бороться одинаковым образом и одинаковыми аргументами как с «левыми» тенденциями, так и с правыми уклонами. Вот почему, необходимо ясно формулировать необходимость борьбы на два фронта для членов партии, в особенности в Парижском районе. Возникла бы путаница, если бы партия утверждала, что по существу, несмотря на разнообразие форм, имеется лишь один правый уклон.

* * *

Анализ проблем рабочего движения во Франции подтверждает правильность решений последнего расширенного президиума ИККИ. Огромные задачи, выдвигаемые перед коммунистическими партиями, в связи с назреванием мирового кризиса, вопрос о массовой повседневной работе, борьба против подготовки вооруженного *нападения на СССР*, — все эти вопросы, тщательно обсужденные расширенным президиумом ИККИ, будут способствовать правильному разрешению проблем, поставленных перед французским рабочим движением.

Французская компартия, вдохновленная решениями расширенного президиума, сможет вести борьбу на два фронта, в первую очередь против крупнейшей опасности — оппортунизма. Эта борьба на два фронта необходима, чтобы французская компартия возглавила новый революционный под'ем масс во Франции и повела их к победе.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Переписка Маркса и Энгельса.

К настоящему моменту вышли из печати три тома «Переписки» (т.т. XXI, XXII и XXIII собрания сочинений Маркса и Энгельса), четвертый и последний том должны появиться в ближайшие недели.

Появление первых трех томов прошло незамеченным нашей «большой прессой».

Между тем, появление томов, воспроизводящих письма Маркса и Энгельса— событие первостепенной важности и значения. Партия и советский пролетариат получили наряду с уже опубликованными работами Маркса и Энгельса ценнейшее теоретическое оружие, клинок которого сохранил всю свою остроту и крепость.

Вовсе не случайно, что переписка основоположников научного социализма впервые полностью, без урезок, сокращений и пропусков появляется у нас в СССР. Это тоже одно из завоеваний Октября. Известно, что переписка Маркса и Энгельса впервые была издана в Германии Бебелем и Бернштейном. Только сравнив это немецкое издание с изданием Института Маркса и Энгельса, можно наглядно убедиться, как подстригала, подрезывала и приглаживала немецкая социал-демократия великих революционеров, чтобы придать им вид «почтенных людей», могущих быть допущенными даже в «приличную», буржуазную гостиную. Достаточно указать, что в немецком издании переписки, в первых трех томах, охватывающих период с 1844 по 1867 г., напечатано 953 письма, в то время как советское издание за эти же годы содержит 1087 писем. Таким образом, только в трех томах 134 письма было просто выброшено немецкими издателями, а сколько их было урезано и подправлено! Тов. Д. Б. Рязанов, редактирующий издание, подробно освещает «труды» немецких редакторов Маркса и Энгельса, не останавливавшихся перед возмутительной фальсификацией текста писем. Мы отсылаем, поэтому, всех интересующихся «обработкой» Маркса и Энгельса для нужд германской социал-демократии к этим предисловиям тов. Рязанова. Только познакомившись с ними, можно «по заслугам оценить» труды редакторов немецкого издания.

Редакция немецкого издания в свое время сообщала, что из переписки опущены все «безразличные вещи о безразличных людях», а также опущена некоторая часть «безразличных писем». А на поверку, после появления советского издания, оказалось, что опущены в высшей степени важные политические оценки и характеристики, в результате чего «Энгельс и Маркс превращаются, к великому удовольствию Гильомов и Черновых, в немецких шовинистов, беспощадно ругающих французов, англичан, русских, но сознательно щадящих немцев».

Недаром В. И. Ленин в своей незаконченной статье «Переписка Маркса и Энгельса» писал:

> «Бернштейну нельзя было браться—после его печально-знаменитой эволюции к крайне оппортунистическим взглядам — за редактирование писем, насквозь проникнутых революционным духом. Предисловия Бернштейна частью бессодержательны, частью — прямо фальшивы,— например, когда вместо точной, ясной, прямой характеристики оппортунистических ошибок Лассаля и Швейцера, разоблачаемых Марксом и Энгельсом, встречаешь эклектические фразы и выпады вроде того, что «Маркс и Энгельс не всегда были правы «против Лассаля» или будто они «ближе были» по тактике к Швейцеру, чем к Либкнехту. Никакого иного содержания, кроме прикрытия и подкрашивания оппортунизма в этих выпадах нет».

Что сказал бы Ленин, если бы он еще знал, что Бернштейн фальсифицировал часть писем Маркса и Энгельса, в которых речь идет о Лассале, если бы он знал, что кромсал и резал Бернштейн в переписке?

Нельзя поэтому не отметить той исключительной научной добросовестности, уменья и осторожности, с какими редактор советского издания тов. Д. Б. Рязанов подошел к своей работе. В числе безусловно положительных сторон работы редакции русского издания нужно отметить следующие: во-первых, редакция поставила своей задачей дать все сохранившиеся письма Маркса и Энгельса, она не производила их квалификации на «значительные» и «безразличные», предоставляя возможность всякому изучающему переписку отбирать из предоставленного в его распоряжение богатства то, что ему нужно и что его интересует; во-вторых, давая переписку полностью, без каких бы то ни было пропусков и сокращений, редакция руководствовалась безусловно верным принципом, что такие люди, как Маркс и Энгельс, не нуждаются в том, чтобы их «щадили», что они выдержат любую критику пролетарской общественности и останутся недосягаемы для критических ламентаций мещанского болота; в-третьих, несомненно, правильно поступила редакция, выделив переписку Маркса и Энгельса из переписки их с другими лицами, нарушив этим хронологический порядок публикации, но выделив зато из общей массы переписки «главную магистраль», от которой, как ветви, отходят мысли, высказанные в переписке с другими лицами. Это последнее обстоятельство необычайно важно еще и в том отношении, что оно вводит читателя в лабораторию, в которой «вырабатывался» марксизм.

> «Богатейшее теоретическое содержание марксизма, писал Ленин о переписке, развертывается в высшей степени наглядно, ибо Маркс и Энгельс неоднократно возвращаются в письмах к самым разнообразным сторонам своего учения, подчеркивая и поясняя — иногда, совместно обсуждая и убеждая друг друга — самое новое (по отношению к прежним взглядам), самое важное, самое трудное».

Нет надобности распространяться об огромном политическом и научном значении переписки. Напомним только то, что было сказано по этому поводу Лениным. В цитированной выше статье он писал:

> «Перед читателем проходит с поразительной живостью история рабо-
> чего движения всего мира — в самые важнейшие моменты и в наиболее су-
> щественных пунктах. Еще ценнее история политики рабочего класса. Но
> по самым различным поводам, в разных странах Старого мира и в Новом мире,
> в различные исторические моменты Маркс и Энгельс обсуждают наиболее
> принципиальное относительно постановки вопросов о политических за-
> дачах рабочего класса. А эпоха, охватываемая перепиской, есть как раз эпоха
> выделения рабочего класса из буржуазной демократии, эпоха возникновения
> самостоятельного рабочего движения, эпоха определения основ пролетарской
> тактики и политики. Чем чаще в наше время приходится наблюдать, как
> рабочее движение разных стран страдает от оппортунизма, вследствие застоя
> и гниения буржуазии, вследствие поглощения внимания рабочих вождей
> мелочами дня и т. д., тем ценнее богатейший материал переписки, показы-
> вающий глубочайшее понимание коренных преобразовательных целей
> пролетариата и необыкновенно гибкое определение данных задач тактики,
> с точки зрения этих революционных целей и без малейших уступок оппорту-
> низму или революционной фразе».
>
> «Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей
> переписки, тот центральный пункт, к которому сводится вся сеть высказы-
> ваемых и обсуждаемых идей, то это слово будет диалектика. Приме-
> нение материалистической диалектики к переработке всей политической эко-
> номии, с оснований ее — к истории, к естествознанию, к философии, к поли-
> тике и тактике рабочего класса — вот что более всего интересует Маркса и
> Энгельса, вот во что они вносят наиболее существенное и наиболее новое,
> вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли».

* * *

Первый том переписки охватывает период 1844—1855 гг. Первые же письма этого тома дают яркую картину социально-политической обстановки Германии того

времени. Оппозиционный под'ем германской буржуазии против феодально-абсолютистского правительства, стремление ее получить поддержку в широких массах трудящихся и в первую очередь в среде городских рабочих заставило всех заметных и незаметных политиков германской буржуазии, об'явить себя сторонниками социализма и коммунизма. «Куда ни кинь, куда ни повернись, писал Энгельс Марксу в 1844 г., всюду натыкаешься на коммуниста». «В Бармене сам полицейский комиссар считает себя коммунистом». Создавшейся обстановкой Энгельс пользуется для того, чтобы вести открытую, легальную пропаганду коммунизма. Но в то же время он стремится связаться с рабочими массами, создавая и способствуя организации нелегальных рабочих коммунистических кружков. «Подпольная пропаганда, пишет он Марксу, в 1845 г., тоже принесла свои плоды». Проникновение в среду рабочих наглядно показало Энгельсу уровень политической сознательности тогдашнего рабочего. Инстинктивно рабочий был коммунистом, но не имел почти никакого представления о путях и средствах достижения коммунизма. Это обстоятельство сказывалось ярче всего в тех вопросах, с которыми рабочие обращались к пропагандистам, в том числе и к Энгельсу. Они спрашивали их — как сделать коммунизм?

> «Что теперь нам более всего нужно,— писал в связи с этим Энгельс Марксу,— так это несколько крупных работ, которые создали бы опорный пункт для всех полузнаек, охотно желавших бы, но не умеющих справиться с задачей. Постарайся скорее кончить свою книгу по политической экономии, хотя бы ты ею был не совсем удовлетворен. Все равно, головы уже созрели и надо ковать железо, пока оно горячо».

В процессе этой раз'яснительной пропагандистской работы, в процессе борьбы за формирование классового сознания рабочих Марксу и Энгельсу пришлось столкнуться с теоретиками утопического социализма, из которых Вейтлинг в то время был наиболее влиятельным среди германских, главным образом, ремесленных рабочих. Отголоски столкновения с вейтлингианцами нашли свое отражение в переписке этого периода. Борьба Маркса и Энгельса с Вейтлингом была борьбой сознательности против стихийности, борьбой организованности против кустарщины, борьбой за правильную тактику и классовую политику пролетариата против надуманных беспочвенных рецептов спасения человечества от ига капитализма.

Но не одни вейтлингианцы были помехой развитию рабочего движения. Кроме них Марксу и Энгельсу пришлось провести ожесточенную борьбу с так называемыми «истинными социалистами», которые об'ективно играли роль орудия подчинения рабочего класса либеральной буржуазии. У рабочих «огромный интерес к экономическим наукам», писал Энгельс Брюссельскому комитету сношений, во главе которого стоял Маркс, а Грюн (один из вожаков «истинных социалистов») «прямо или косвенно оказывает на них ужасно усыпляющее влияние», Эвербэк (тоже «истинный социалист») — продолжает Энгельс, «терзал их разными схоластическими рассуждениями об «истинной стоимости», и наводил на них тоску германскими первобытными лесами, херусками и старо-немецкой грамматической ерундой по Аделунгу».

> «Лопнуть можно от досады, волновался Энгельс. Этот Грюн так испортил молодцов, что самая бессмысленная фраза имеет для них больше смысла, чем самый очевидный факт, приведенный в качестве аргумента».

Как же бороться с «истинными социалистами», успевшими подчинить своему влиянию рабочих? Единственно правильной тактикой Энгельс считает настойчивое и терпеливое раз'яснение. «Надо иметь терпение, пишет он, и я не оставлю этих молодцов, пока не разобью Грюна и не прочищу им их засоренные головы». И Энгельс с упорством и настойчивостью принимается за эту работу «прочистки голов», ибо он успел хорошо разглядеть, куда растут «истинные социалисты». «Они идут к либерализму»,— писал он в сентябре 1846 г.

Не много времени понадобилось «истинным социалистам», чтобы оправдать этот прогноз Энгельса. Уже в октябре 1846 г. Энгельс писал Марксу, что в той рабочей группе, в которой он боролся с «истинными социалистами», дело дошло до того, что «сегодня вечером будет поставлен на голосование вопрос, является ли собрание коммунистическим или оно, как говорят образованные, «стоит за благо человечества»? На этом собрании Энгельс впервые публично формулировал намерения коммунистов.

> «Я, писал он, определил намерения коммунистов так: 1) отстаивание интересов пролетариев в противоположность интересам буржуа; 2) достижение этого посредством отмены частной собственности и замены ее общностью имуществ; 3) признание, что для проведения этих целей нет никакого другого средства, кроме насильственной, демократической революции».

Борьба с «истинными социалистами» сталкивала Маркса и Энгельса с национальной немецкой почвы на международную арену. Грюн и его сторонники, прикрываясь от атак, которым они подвергались со стороны основоположников научного социализма, выдвинули вперед Прудона, в качестве охранительного щита. Это заставило Маркса вплотную заняться Прудоном, который к концу 1846 г. уже выпустил свою «Философию нищеты», книгу, по поводу которой Энгельс язвительно писал: «Прудон придумал гениальный способ делать деньги из ничего и сделать рабочих счастливыми». Уже в январе 1847 г. Маркс писал брошюру против Прудона, как это видно из письма Энгельса от 15 января 1847 г. Брошюра, как известно, появилась в том же 1847 г. под названием «Нищета философии».

История возникновения Союза коммунистов и первых лет его деятельности почти целиком выпала из переписки, так как письма относящиеся к этому периоду, очевидно, исчезли окончательно.

Точно так же слабо отражен в переписке и революционный 1848 г. Сохранилось лишь 11 писем датированных этим годом. В одном из них Маркс об'ясняет то упорство, с которым он боролся, чтобы спасти от надвигающейся реакции «Новую Рейнскую газету»,—которую он редактировал. «Задача, писал он Энгельсу, заключалась в том, чтобы при всяких обстоятельствах удержать эту крепость за собой и не сдать политической позиции».

Крепость, однако, вынудили сдать и Маркс разоренный (он все свои средства вложил в газету), но не сломленный, вынужден был эмигрировать в Париж и оттуда в Лондон. В Англию (в Манчестер) скоро переехал и Энгельс после поражения революции в Германии.

Англия в это время стала центром революционной эмиграции. Обстановку, которую эмиграция создала там, Энгельс коротко характеризовал в одной из своих статей, написанных в 1851 г. в «Нью-Йоркскую Трибуну».

> «Популярные однодневные герои — временные правители, триумвиры, диктаторы, со всей своей свитой представителей, гражданских комиссаров, военных комиссаров, префектов, судей, генералов, офицеров, солдат — выброшены на чужеземные берега, «ссылаются за моря» — в Англию или Америку, чтобы образовать там среди неверных новые правительства — европейские комитеты, центральные комитеты, национальные комитеты, возвестив о своем прибытии в прокламациях, столь же торжественных, как если бы они исходили от менее призрачных властей».

В этой обстановке, где одни желаемое принимали за действительность, другие в поисках дела изобретали планы искусственного под'ема революционной волны, обычно сводившиеся к попыткам организации путчей и заговоров, третьи, от безделья интриговали и склочничали, весьма трудно было сохранить твердую позицию и неутомимо продолжать прерванную реакцией революционную работу. Обстановка была тяжелая

> «Все более и более убеждаешься в том, писал Энгельс Марксу, что эмиграция — это такой институт, благодаря которому каждый человек неизбежно должен превратиться в дурака, осла или просто мошенника, если он совершенно не удалится от эмиграции и не удовлетворится положением независимого литератора, которому нет решительно никакого дела до так называемой «революционной партии». Это подлинная школа злословия и под-

лости, в которой последний осел превращается в первого спасителя отечества».

К тяжелой моральной обстановке присоединялась отчаянная материальная нужда, которую постоянно испытывал Маркс.

«Самое худшее для революционеров, писал он Энгельсу, когда вопрос о хлебе поглощает всю их энергию». «Из моих писем, сообщал он ему 8 сентября 1852 г., ты наверное, убедился, что я переношу эти жалкие мелочи с большим безразличием, как всегда, когда мне приходится самому в них участвовать; гораздо хуже, когда слышишь о них только издали. А между тем что делать? Мой дом превратился в лазарет, и кризис становится столь острым, что вынуждает меня посвятить ему все мое внимание. Что поделаешь?» ...«Вчера я заложил сюртук», пишет он Энгельсу в октябре 1852 г., «чтобы купить писчую бумагу».

В такой материальной и моральной обстановке приходилось бороться этим людям.

Деятельность Маркса и Энгельса в эмиграции может быть охарактеризована, как неустанная борьба их *на два фронта*. С одной стороны, приходилось бороться внутри восстановленного в Лондоне Союза коммунистов, в котором Виллих-Шаппер возглавляли группу желавших «играть в революцию» и поэтому скатывавшихся на путь «левой фразы» и путчизма, а с другой стороны необходимо было бороться с мелкобуржуазной демократией, претендовавшей на монопольное руководство революционными силами,— в том числе и силами пролетарской армии. Между левыми фразерами из Союза коммунистов и оппортунистической демократией, во главе которой стояли «великие люди», вроде Луи Блана, Ландольфа, Ледрю-Роллена и др. не было разницы по существу. И те и другие были мелкобуржуазными радикалами. Довольно быстро они нашли, поэтому, общий язык и на практике образовали единый фронт, одну «революционную» партию, противостоявшую пролетарской демократии, возглавляемой Марксом и Энгельсом. Когда этот блок стал фактом, когда «левые» из Союза коммунистов обнаружили свое оппортунистическое нутро, Маркс и Энгельс окончательно от них отмежевались. «Система взаимных уступок, половинчатости из приличия и обязанность брать на себя долю ответственности перед публикой за смехотворные деяния этой партии вместе со всеми этими ослами — со всем этим теперь покончено», писал Маркс Энгельсу в феврале 1851 года.

Никогда еще мелкобуржуазная демократия не подвергалась таким насмешкам, никогда она не получала таких звонких, как удары бича, пощечин, как в это время. Маркс и Энгельс были беспощадны. Характеризуя немецкую «р-р-революционную» демократию, Маркс писал:

«Все эти ослы, хотя они и за республику, а Кинкель при случае вздыхает даже по красной республике, холопски лижут зад английской конституции,— противоречие, по поводу которого даже невинный Morning Chronicle изволил сделать им замечание относительно недостатка у них логики».

Когда в Лондоне было распущено образованное там демократами-эмигрантами «германское временное правительство», Энгельс в письме к Марксу от 6 мая 1851 г. напутствовал распад этого правительства следующими словами:

«Роспуск лондонского демократического временного правительства для Германии наполнил меня печалью. Такой великолепный случай для этих ослов подвергаться общественному осмеянию не так скоро представится во второй раз».

Сообщая о деятельности немецкой эмиграции в Швейцарии, Маркс 23 февраля 1852 г. писал Энгельсу:

«Они все еще верят во «всеобщее избирательное право» и заняты лишь жалкими вычислениями как бы им еще раз октроировать немецкому народу свои жалкие персоны. Не веришь своим ушам, когда слышишь, как эти молодцы, не стесняясь, все вертят старую шарманку. Это — настоящие животные, твердокаменные ослы».

Маркс и Энгельс обнаруживали такую беспощадность, потому что они хорошо знали цену революционности этих господ. Всех их подняла на гребень революционная волна, все они по мере ее спада возвращались в «исходное положение», превращаясь в обывателей.

«Великий Техов, пишет Маркс, вместе с мадам Шмидт-Штирнер отправляются на будущей неделе в Австралию. Но что огорчит тебя еще сильнее так это то, что Дамм тоже бросается на австралийские золотые россыпи. Еще несколько месяцев затишья и все наши подрыватели мировых основ будут рыться в австралийской грязи».

Борясь за независимость пролетарской партии, за ее самостоятельную политику и тактику, Маркс и Энгельс одновременно усердно занимались изучением опыта прошедшей революции. Ожидая приезда Энгельса, Маркс пишет ему 3 апреля 1851 г.

«Ты должен при этой оказии привести с собой полный комплект «Новой Рейнской газеты»,—на основании ее я заведу себе досье по поводу всех немецких демократических ослов, а также французских; это работа, которая во всяком случае должна быть сделана, пока мы опять не будем брошены в какую-нибудь кутерьму».

Энгельс в это же время усердно изучает военное дело и опыт вооруженных восстаний, имевших место в Германии во время революции. Ряд необычайно интересных мыслей относительно связи внутренней политики с настроениями армии, о дезорганизации армии и разрушении ее дисциплины как предварительном условии и результате победоносной революции, о роли террора со стороны гражданской власти для внесения дисциплины в революционную армию и т. д.— разбросаны в большом количестве в письмах Энгельса к Марксу.

Находясь в эмиграции, Маркс продолжает свои теоретические занятия. Он занимается английскими экономистами, штудирует новые работы Прудона, усердно работает над деревенскими вопросами, над вопросами земельной ренты. В большом письме Энгельсу по поводу Прудона Маркс высказывает необычайно интересную мысль:

«Чем больше я занимаюсь этой дрянью, пишет он, тем больше я убеждаюсь, что реформа агрикультуры и основанного на ней собственнического свинства должна стать альфой и омегой будущего переворота. Иначе—окажется прав папаша Мальтус».

Последняя серия писем этого тома наполнена обсуждением вопроса о подготавливавшемся прусским правительством судебном процессе коммунистов и высказываниями по вопросам внешней политики в связи с выдвинувшимся на сцену «восточным вопросом». Последние, однако, относятся в большей степени уже ко второму тому переписки.

* * *

Второй том переписки охватывает годы 1854—1860. Переписка начала этого периода в основном вращается вокруг вопросов поднятых восточным кризисом, а конец ее посвящен обсуждению событий, вызванных европейским кризисом 1859 года. Таким образом, значительная часть писем этого тома посвящена проблемам внешней политики. Какое огромное значение, не только историческое, но и актуально-политическое имеет эта часть переписки доказала мировая война 1914—1918 гг., доказывают это и те события, которые сейчас происходят на наших глазах. Достаточно вспомнить, например, дискуссию, которая совсем недавно происходила в рядах европейской социал-демократии, в связи с военной программой германских социал-фашистов, в которой она пыталась свой переход на сторону буржуазии оправдать ссылками на Маркса и Энгельса (в частности, на их переписку).

Письма Маркса и Энгельса, помещенные во втором томе переписки, каждой строкой бьют в лицо современному социал-демократическому «марксизму». Ударами хлыста по лицу Каутского и К° звучат строки, посвященные принципам внешней политики пролетариата. Если внимательно вдуматься в ту политику, кото-

рую проводили Маркс и Энгельс во время восточного, а затем европейского кризиса, если присмотреться к их тактике, то становится совершенно ясным, что политика и тактика социал-демократии во время войны и после нее заимствована ею не у Маркса и Энгельса, а у их противников, у людей, с которыми они вели и скрытую и явную борьбу — у Уркварта и Лассаля.

Переписка не только решительно опровергает сфабрикованную в свое время В. Либкнехтом легенду о том, что Маркс и Энгельс находились под влиянием Уркварта и защищали его идеи в восточном вопросе, она не только наглядно доказывает, что между политикой Уркварта и политикой Маркса-Энгельса, было принципиальное различие, которого не поняли и не хотели понять эпигоны марксизма [1]), она прямо кричит о той непроходимой пропасти, которая раскрылась между Марксом-Энгельсом, с одной стороны, и Лассалем,—с другой. Лассаль в восточном вопросе занял позицию аналогичную позиции германской социал-демократии во время мировой войны. Прикрываясь фразами об интересах германской революции, он на деле выступал адвокатом германского капитализма. Точка зрения Лассаля не отличала его по существу от буржуазных политиков. «Революционность» Лассаля в данном случае mutatis mutandis, напоминает «революционность» Петра Струве, выступавшего под забралом марксизма в защиту интересов буржуазии. У Лассаля училась германская социал-демократия тактике, а не у Маркса и Энгельса!

Маркс и Энгельс разрешали «восточный вопрос», исходя из интересов европейской революции, а не из интересов германского капитализма. Нет ничего удивительного, поэтому в том, что Ленин резко протестовал против фраз о том, что «Лассаль в политике и тактике близко подходил к Марксу и Энгельсу». Самый «близкий подход» в области политики или тактики, как показала история рабочих партий (в том числе и нашей партии), всегда представлял собой только выражение более или менее отдаленных принципиальных разногласий между «близко подходившими» друг к другу политиками. И это обстоятельство подчеркивалось и Марксом и Энгельсом на конкретных примерах. В письме от 2 февраля 1860 г., после европейского кризиса 1859 г. Энгельс писал Марксу:

> «Вчера вечером я переговорил с Люпусом. Когда я ему читал вслух письмо Лассаля, мне только тогда стало ясно, сколько мещанства и заносчивости в этом парне; в то же время я окончательно уяснил себе и его «метод». Парень этот и в мельчайшей глупости проявляет себя, как старогегельянский абсолютный дух; подобно тому, как в экономике он хотел быть высшим единством между конечной противоположностью — тобой и экономистами, так и теперь уже полагает себя, как высшее единство между тобой и Фогтом. От тебя «принцип», от Фогта «итальянская политика»—что может быть прекраснее? Это — паршивенькое умничанье референдария, которое начинается с того, что он требует об'явить Фогта неподкупным и превращает единственно остроумную шутку в об'яснении Фребеля в абсурд только потому, что принимает ее всерьез».

Коротенькое насмешливое письмо Энгельса, помещенное в переписке под № 668, характеризует политика-Лассаля и проводит резкую грань между ним и Марксом-Энгельсом лучше, чем несколько толстых томов, написанных на эту тему, чем все рассуждения немецких социал-демократов, не исключая (к сожалению!) и Меринга в том числе. Воистину, могли бы сказать великие революционеры, наши «последователи» учились не у нас, а у этого дурня» (стр. 508).

---

[1]) Уркварт с его туркофильством, ненавистью к Пальмерстону и к России, отвращением ко всему революционному и т. д., несмотря на все свои странности, был типичным представителем классовых интересов английской торгово-промышленной буржуазии. Ключ к его внешней политике легко обнаруживается, если мы вспомним, что говорил Маркс о «действительно опорном пункте в Турции». «Англия, писал Маркс, не может согласиться, чтобы Россия стала повелителем Дарданелл и Босфора. Это событие нанесло бы и в коммерческом и в политическом отношении крупный, если не смертельный, удар великодержавному положению Англии». Странное желание Уркварта стать мусульманином таким образом имело реалистические корни.

В теснейшей связи с вопросом внешней политики выступают в переписке вопросы военной организации и техники. Маркс и Энгельс в эти годы (особенно Энгельс) усердно изучали военное дело. Следы этих занятий и сотрудничества Маркса и Энгельса в одном энциклопедическом словаре, издававшемся в Америке, где они писали статьи по военным вопросам, нашли отражение во многих письмах этого периода. Необычайно интересно суждение Маркса по поводу статьи «армия», написанной Энгельсом для энциклопедического словаря.

> «История «Армии», пишет он, нагляднее, чем что-либо, подчеркивает правильность наших взглядов на связь производительных сил и общественных отношений. Вообще армия важна для экономического развития. Так, например, у древних наемная плата вполне развилась прежде всего в армии. Точно так же у римлян частная собственность солдат в лагерях является первой правовой формой, в которой признается движимая собственность за лицами, не находящимися на положении отца семейства. Точно так же организован цеховой строй в корпорации войсковых ремесленников. Здесь же впервые имеет место и применение машин в крупном масштабе. И даже особая ценность металлов и употребление их в качестве денег основывалось, повидимому, первоначально, после того как миновал гриммовский каменный век,— на их военном значении. В армии же впервые проводится разделение труда внутри одной профессии. Вся история буржуазных общественных формаций выражена здесь в сжатом виде с поразительной ясностью».

Очень интересно замечание Энгельса относительно армии и революции. В письме Марксу от 17 марта 1858 г. он, рассматривая положение, в которое попало правительство Наполеона III во Франции, переходит к оценке политико-морального состояния французской армии. Энгельс констатирует, что верхушка армии на стороне Наполеона, что гвардия, которая «к сожалению сильна», вполне надежна, на линейные же войска правительство Наполеона III положиться не может. От 18 до 20 тысяч человек, при 40—50 пушках, в данный момент надежное ядро армии бонапартизма. Его вполне достаточно, считает Энгельс, чтобы удержать, в случае колебания, линейные войска, особенно, если принять во внимание, что железные дороги проложены так, что дают возможность «быстрого сосредоточения войск из провинции». Последнее обстоятельство позволит Наполеону III усилить число надежных войск до 60—80 тысяч в кратчайший срок.

Где же при таких условиях пролегает путь к победе? Энгельс дает на это такой ответ:

> «Чтобы одержать победу над этой массой, есть только два средства: или подпольные организации в самой армии,— и они должны быть многочисленны,— или же решительное антибонапартистское выступление буржуазии, как в феврале. Я не думаю, чтобы была возможна победа без одного из этих условий, а то и обоих вместе».

Вся переписка Маркса и Энгельса и особенно II том, ее представляют огромное научное значение для ознакомления с их методами изучения и оценки экономической кон'юнктуры. Вопросы изучения экономической кон'юнктуры в послевоенные годы приобрели первоклассное значение. Почти нет марксистских работ, посвященных методам изучения кон'юнктуры. Нет ни одной порядочной марксистской работы, критикующей методы, предложенные буржуазной экономической мыслью. Почему-то наши экономисты игнорировали изучение переписки Маркса и Энгельса с этой точки зрения. А между тем она дает богатейший материал (из месяца в месяц в продолжение десятков лет) для изучения и суждения об основных принципах, которые должны быть положены в основу марксистского изучения экономической кон'юнктуры. Нужно надеяться, что появление переписки на русском языке подтолкнет наших экономистов к тому, чтобы заполнить этот зияющий пробел.

В тесной связи с изучением экономической кон'юнктуры стоят те высказывания, которые делались Марксом и Энгельсом относительно перспектив революции. Огромный интерес представляет в этом отношении письмо Маркса от 8 ок-

тября 1858 г. Оно, несомненно, в одной своей части затрагивает весь тот комплекс вопросов, который совсем недавно лежал в основе дискуссии, проведенной партией против троцкизма.

Маркс пишет:

«Нельзя отрицать, что буржуазное общество вторично пережило свой шестнадцатый век, который, я надеюсь, также сведет его теперь в могилу, как первый шестнадцатый век вызвал его к жизни. Действительная задача буржуазного общества состоит в создании мирового рынка, по крайней мере в его общих чертах и производства, покоящегося на его основе. Так как земля кругла, то, повидимому, колонизацией Калифорнии и Австралии и открытием дверей Китая и Японии процесс этот закончен. Трудный вопрос заключается для нас в следующем: на континенте революция неизбежна и примет сразу социалистический характер. Но не будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, так как на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество проделывает еще восходящее движение».

Эта сжатая формулировка бьет в лицо и меньшевистским ламентациям и троцкистским наскокам на марксистско-ленинскую теорию пролетарской революции. Маркс ясно и точно определяет исторические условия и предпосылки пролетарской революции; это — мировой рынок (хотя бы в общих чертах) и производство, покоящееся на его основе. (Меньшевики, как известно, на этот счет другого мнения). Не менее ясно и точно Маркс говорит, что он считает возможным победу социалистической революции не «оптом», а по частям, в отдельных странах.

Не меньший интерес представляют суждения Маркса и Энгельса о революции в Германии и Англии. В письме Энгельсу от 26 апреля 1856 г. Маркс высказывает свое знаменитое суждение, которое Ленин развернул применительно к нашей эпохе в форме проблемы о союзниках пролетариата в революции:

«Все дело теперь в Германии, писал Маркс, будет зависеть от того, можно ли будет поддержать пролетарскую революцию вторым изданием крестьянской войны».

Энгельс, усердно занимавшийся английской экономикой, констатируя в одном письме Марксу (стр. 135) в обзоре мировой экономической кон'юнктуры успехи промышленного капитализма во всех странах Европы, замечает: «Но в этом громадном под'еме континентальной промышленности заложено самое жизнеспособное зерно английской революции». Суждение — не потерявшее своей ценности до наших дней. Любопытно и другое замечание Энгельса (стр. 144), относящееся к Англии и высказанное им в связи с характеристикой положения в Ирландии. «Тут видно, писал Энгельс, что так называемая свобода английских граждан покоится на подавлении колоний».

В связи с восточным кризисом Маркс и Энгельс, естественно, обратились к изучению России. Второй том переписки изобилует их различными высказываниями по поводу нашей страны, важнейшие из которых (напр., стр. 134, 337, 362, 468—469) еще и сегодня представляют огромный интерес.

* * *

Третий том переписки обнимает период 1861—1867. Все более или менее крупные события мировой истории и политики этого периода нашли свое отражение в письмах, включенных в этот том.

Первая серия писем этого тома в основном посвящена гражданской войне в САСШ. Уже беглый просмотр их достаточен для того, чтобы сказать, что это «забытые письма». В самом деле, письма, посвященные гражданской войне, содержат огромный фактический материал о ходе событий, о военных действиях, о тактике и стратегии армий южан и северян, об экономике Юга и Севера во время войны, о поведении правящих классов, о классовой борьбе в тылу действующих армий и влиянии ее на ход военных действий и т. д. Можно написать небольшую историю гражданской войны в Америке только на основе писем Маркса и Энгельса. А между тем, чтение их не оставляет никаких сомнений в том, что не только буржуазные (о них и говорить нечего), но даже марксистские историки не использовали в своих работах этих документов первоклассного значения. Письма Маркса и Энгельса дают, как у нас принято выражаться «несколько» иную картину причин сецессии (отделения) южных штатов и соотношения классовых сил на Севере и Юге, чем это обычно изображают у нас. Европейская буржуазная пресса, в частности английская давала заведомо ложное представление о причинах и ходе гражданской войны и это ложное представление легло в основу европейской историографии. Достаточно указать на такие утверждения Маркса и Энгельса, подкрепленные фактами, что сецессия была своеобразным «18-м брюмера» на американской почве, что буржуазия Севера не хотела воевать, что конфликт был навязан и Северу и Югу Северо-западом и т. д.

Огромный интерес представляют письма, касающиеся германского рабочего движения. Благодаря опубликованию переписки полностью, с отчетливой выпуклостью обрисовываются взаимоотношения Маркса-Энгельса с Лассалем и лассальянцами, становится ясной «историческая» роль Лассаля в германском рабочем движении, делается понятной та позиция, которую занимали в отношении лассальянцев и будущих эйзенахцев авторы писем.

Трудно упрекнуть Маркса и Энгельса в несправедливости по отношению к Лассалю. Когда в Лондоне получилось известие о его смерти, Энгельс писал

«Каков бы Лассаль ни был, как личность, как литератор, как ученый, но как политик это был, несомненно, один из самых значительных людей в Германии. Он был для нас в настоящем очень ненадежным другом, в будущем — довольно несомненным врагом, но все же становится очень больно, как Германия губит всех сколько-нибудь дельных людей крайней партии».

Маркс был в общем согласен с Энгельсом. Об этом говорит его письмо от 25 ноября 1864 г. «Так как Лассаль мертв, писал, он, и сам не может больше вредить, то необходимо, — конечно, в пределах возможности, — т.-е. так, чтобы самих себя не компрометировать — защищать его против этих мелкобуржуазных каналий».

Однако, время показало, что представлял собой Лассаль как политик и какова была его действительная роль в германском рабочем движении. На совместной работе с лассальянцами и в частности с наследником Лассаля, Швейцером, Маркс и Энгельс быстро растеряли последние иллюзии, которые они питали в отношении политика—Лассаля. В письме от 22 января 1865 г. Энгельс пишет Марксу:

«Благородный Лассаль разоблачается все в большей и большей степени как совсем обыкновенный прохвост. В оценке людей мы никогда не исходили из того, чем они себя хотели показать, а из того, чем они были в действительности, и я не вижу, почему мы для покойного Итцига должны сделать исключение. Суб'ективно его тщеславие могло ему представить дело приемлемым, об'ективно это было подлостью и предательством в пользу пруссаков всего рабочего движения».

Резкий отзыв Энгельса был написан после того, как ему стало известно о закулисных переговорах Лассаля с Бисмарком.

Лассальянцы пошли по стопам учителя. Маркс и Энгельс, не знавшие о закулисной политике Лассаля и согласившиеся сотрудничать в лассальянском «Социал-демократе» (кстати, когда Швейцер сообщил Марксу и Энгельсу, что газета будет носить это название, Энгельс писал Марксу: «Но что это за дурацкое название «Социал-демократ»! Почему не назвать его просто: «Пролетарий»?), скоро убедились в этом. 3 февраля 1865 г. Маркс писал Энгельсу:

«Дней десять тому назад я писал Швейцеру, что он должен повернуть фронт против Бисмарка, что должна быть устранена даже видимость заигрывания рабочей партии с Бисмарком, и т. д. В виде признательности (за совет), он уже стал кокетничать с Бисмарком, более чем когда-либо».

В письме Энгельсу от 18 февраля 1865 г. Маркс, как бы предвидя будущую историю II Интернационала, писал:

«Так же как буржуазная партия в Пруссии опозорила себя и дошла до нынешнего жалкого состояния главным образом благодаря тому, что серь-

езно поверила, будто вместе с «новой эрой» к ней милостью принца-регента перейдет и правительственная власть, так еще гораздо больше скомпрометирует себя рабочая партия, если она вообразит, что благодаря эре Бисмарка или какой-нибудь иной прусской эре ей, милостью короля, полетят в рот «жареные рябчики». Не подлежит ни малейшему сомнению, что неизбежно наступит разочарование в злосчастной лассалевской иллюзии относительно возможности социалистического вмешательства со стороны прусского правительства. Логика вещей будет говорить сама за себя. Но честь рабочей партии требует, чтобы она разоблачила подобного рода миражи еще до того, как их призрачность будет обнаружена опытом. Рабочий класс революционен или он — ничто».

Требования Маркса оказались не по плечу тогдашним Шейдеманам. Убедившись, что лассальянцы стремятся превратить рабочий класс в ничто, Маркс и Энгельс решительно порвали с ними, не желая нести и тени ответственности за политику подобных «рабочих» вождей.

Родословная нынешнего социал-фашизма таким образом, записана на страницах этого тома переписки!

Высказывания в связи с обострением вопроса о Шлезвиг-Голштинии, о польском восстании 1863 г. и австро-прусской войне 1866 г. занимают значительное место в переписке за соответствующие года.

Особый интерес представляют письма, относящиеся к польскому восстанию. Известно, что во внешне-политических взглядах Маркса и Энгельса польский вопрос, как тесно связанный с вопросом о реакционном влиянии царской России на европейские отношения, играл большую роль. Польское восстание 1863 г. заставило их еще раз проверить и пересмотреть свои взгляды. Маркс и Энгельс рассчитывали и на этот раз, что польское восстание развяжет революцию в России. «Что меня больше всего удивляет, писал Энгельс Марксу 11 июня 1863 г., так это то, что в Великороссии не начинается крестьянское движение».

По тем же мотивам они внимательно наблюдали за поведением русской эмиграции.

> «Ты должен теперь внимательно следить, писал Маркс Энгельсу (стр. 134) за «Колоколом», ибо теперь Герцену и К° представляется случай доказать свою революционную честность, хотя бы в той мере, в какой она совместима со славянскими симпатиями».

Со всем пылом революционного гнева Маркс обрушивается на Пруссию, когда он замечает, что пруссаки являются препоной для развития польского движения.

> «Политические выводы, пишет он, к которым я пришел, суть следующие: Финке и Бисмарк на самом деле правильно представляют прусский государственный принцип. «Государство» Пруссия (создание весьма отличное от Германии) не может существовать без теперешней России и вместе с самостоятельной Польшей. Вся история Пруссии приводит к этому заключению, которое уже давным давно было усвоено всеми Гогенцоллернами (включая и Фридриха II). Это сознание отцов отечества стоит значительно выше «ограниченного разума подданных», разума прусских либералов. Так как существование Польши необходимо для Германии, но немыслимо наряду с государством Пруссией, то сие государство, Пруссию, надо уничтожить».

Очень интересен отзыв Энгельса о Польше в границах 1772. В письме от 21 апреля 1863 г. он пишет Марксу:

> «Должен сказать: увлекаться поляками 1772 г. может только буйвол. В большинстве европейских стран дворянство пало в ту эпоху с достоинством, частью даже с некоторым блеском, несмотря на то, что его общей максимой было убеждение, что материализм состоит в том, чтобы есть, пить, совокупляться, выигрывать в карты и получать вознаграждение за совершенные мерзости. Но ни одно дворянство не поступило так глупо, как польская шляхта, усвоившая себе один метод — продаваться России. Вообще же общая продажность «жантильомов» во всей Европе являет собой зрелище весьма веселое» [1]).

[1]) Этот отзыв приобретает особую сочность, если вспомнить о тоске нынешних польских помещиков, мечтающих о «границах 1772 г.».

Австро-прусская война 1866 г. и ее результаты не столкнули Маркса и Энгельса с революционной позиции. С ними не случилось ни того, что произошло с нашими ликвидаторами в эпоху реакции, ни того, что стряслось с группой «революционеров фразы» — с отзовистами. Когда Северо-германский союз стал фактом, Маркс и Энгельс не игнорировали этого факта, не пытались опрокинуть его «революционной фразой», но и не превратились в поклонников «исторической миссии» Бисмарка. В новой обстановке, используя ее, они продолжали прежнее революционное дело. Энгельс писал Марксу:

> «По-моему, мы не можем делать ничего другого, как просто принять факт, не одобряя его, и использовать, поскольку возможно, возникшие теперь большие возможности для национальной организации и об'единения германского пролетариата».

В таком же духе Энгельс давал инструкции В. Либкнехту, находившемуся в Германии.

> «Я, сообщал он Марксу (стр. 489), могу, поэтому, сделать ему лишь два главных указания: 1) относиться к событиям и результатам 1866 г. не чисто-отрицательно, т.-е. реакционно, а критически (что для него, конечно, весьма трудно будет) и 2) нападать на врагов Бисмарка так же, как на него самого, ибо они тоже ничего не стоят».

Значительное место в переписке этого тома уделено Интернационалу. Внимательное изучение соответствующих мест переписки полностью подтверждает высказанное позже Энгельсом мнение, что история Интернационала была историей непрерывной борьбы Генерального совета (вернее его марксистской части) с сектантством и дилетантскими опытами попутчиков пролетарского движения.

* * *

Очень много места в переписке уделено «Капиталу», первый том которого появился в 1867 г. Измученный, усталый, больной от систематического недоедания, Маркс делал свою огромную работу. Был момент, когда дело шло о его жизни. И тут, нужно отдать справедливость Энгельсу, он сделал все что было в его силах, для того, чтобы помочь Марксу. В этот критический момент Энгельс показал, что он отлично понимал, кто такой Маркс и что имеет рабочее движение в лице Маркса.

> «Ты знаешь, писал он ему, что я готов сделать все возможное и в данном экстренном случае даже больше, чем я имел бы право рискнуть при других обстоятельствах. Но будь же и ты благоразумен и сделай мне и твоей семье единственное одолжение — позволь себя лечить. Что будет со всем движением, если с тобой что-нибудь случится. А если ты так будешь вести себя, то ты неизбежно дойдешь до этого».

В буквальном смысле этого слова, «в муках» рождался «Капитал». Когда он появился, Энгельс торжествовал. «При известии, что рукопись отослана, писал он Марксу, у меня точно гора с плеч свалилась». Когда прибыли первые листы корректуры, Маркс с удовлетворением заметил: «Во всяком случае, я надеюсь, что буржуазия всю свою жизнь будет вспоминать о моих карбункулах»... Как мы знаем, он оказался прав!

Начиная с письма, помеченного в переписке № 1024 и до конца тома почти в каждом письме идет обсуждение проблем, затронутых Марксом в «Капитале». Эти письма—необходимое к нему дополнение и должны быть рекомендованы всякому, принимающемуся за изучение экономической теории Маркса.

* * *

Нет возможности в одной рецензии не только изложить, но даже перечислить те вопросы и проблемы, которые затронуты в переписке. Переписку нужно изучать, ее нужно читать и перечитывать, никакое, даже самое подробное изложение не в состоянии охватить того огромного идейного богатства, которое она

содержит в себе. Институт Маркса и Энгельса правильно поступил, опубликовав эти тома собрания сочинений в первую очередь.

Несколько слов о типе издания. В том виде, в каком издаются у нас сейчас сочинения Маркса и Энгельса, они недоступны широким массам. Тип издания предполагает квалифицированного читателя. Снабжение каждого выходящего тома пояснительным аппаратом сделало бы издание доступным более широким кругам. Однако, нужно отметить, что при отсутствии у нас на русском языке значительной части произведений Маркса и Энгельса и подобный тип издания, рассчитанный на то, чтобы в кратчайший срок опубликовать все основные работы, имеет конечно много плюсов.

Количество этих плюсов несомненно увеличилось бы, если бы Институт Маркса и Энгельса развил энергичную работу в деле издания в «Библиотеке марксиста» всех тех произведений Маркса и Энгельса, которые должны войти в предположенное «популярное издание», снабдив их большим количеством примечаний и комментариев. В частности, нужно было бы ускорить намеченное Институтом издание избранных писем Маркса и Энгельса, в форме доступной для широкого партийного актива. Эту необходимость отмечал в свое время Ленин после появления немецкого издания переписки. Необходимо, чтобы это пожелание было осуществлено сейчас же после опубликования четвертого тома переписки, когда весь материал будет под руками и налицо. Превращать в популярное издание весь четырехтомник нет надобности. Ряд писем (биографического характера и др.) в популярном издании могут быть опущены без всякого ущерба. Основные же могут быть сведены примерно к двухтомному изданию.

Нужно отметить еще одно обстоятельство. Обилие имен, проблем, вопросов и событий, затрагиваемых в переписке, требует скорейшего издания предметного указателя ко всем четырем томам.

Ф. КОЗЛОВ.

КОНСУЛЬТАЦИЯ.

Германская социал-демократия и пролетарская революция.

В письмах читатели «Большевика» возбуждают вопрос об отношении современной германской социал-демократии к пролетарской революции и государству. Отвечая на этот вопрос, надо сразу же сказать, что попытка выяснить положительное отношение германской социал-демократии к пролетарской революции осуждена с самого начала на неудачу, ибо ее отношение к революции сводится к подавлению революционного пролетариата.

Не бесполезно, однако, посмотреть, что осталось даже от того багажа «революционных» фраз, которые германская социал-демократия сохранила по агитационным соображениям из своего более честного прошлого. Нельзя сказать, чтобы социал-демократия, превратившись в социал-шовинистскую, а затем в социал-фашистскую партию, окончательно выбросила из своего лексикона слово «революция». Напротив, она сохранила слово «пролетарская революция» для введения масс в заблуждение. Даже такие социал-демократические лидеры, как Зеверинг, разговаривают на социал-демократических с'ездах о революции, которая, мол, является целью социал-демократии. Подобные слова весьма полезны для социал-демократии, так как они предназначены для тех масс, которые все еще принимают слова своих лидеров за чистую монету.

При этом, эти слова совершенно неопасны ни для социал-демократии, ни для буржуазии, ибо, сохранив в своем лексиконе слово «революция», они сумели так кастрировать понятие пролетарской революции, настолько лишить его революционного содержания, что осталось одно лишь пустое слово или, если хотите, понятие либеральной реформы.

Специалистом, проделавшим эту кастрацию, является не кто иной, как Карл Каутский. Когда германская социал-демократия пересмотрела в 1921 году свою партийную программу, или, вернее, отбросила старую эрфуртскую программу и создала новую, отвечающую буржуазной сущности с.-д., Каутский выступил с критикой новой герлицской программы[1]). Даже он, старый, прожженный оппортунист, счел необходимым выступить с «левой» критикой. Правда, герлицская программа была, действительно, таким беспорядочным сплетением бессмысленных фраз, что вряд ли она принесла бы пользу социал-демократии в ее стремлении обманывать рабочих. Приведем еще для примера хотя бы несколько слов из программы:

> «Социал-демократическая партия не может, однако, ограничиться защитой республики от нападений ее врагов. Она борется за господство (над хозяйством) воли народа, организованной в свободном народном государстве, за обновление общества в духе социалистической коллективной идеи».

Старая фраза Лассаля о «свободном народном государстве», против которой выступал еще Маркс, и которая является шагом назад от эрфуртской программы к готской, была таким образом воскрешена в 1921 году. Эта фраза о господстве воли народа также говорит о том, что социал-демократия окончательно порвала с учением Маркса.

[1]) Принята на партейтаге в гор. Герлице в 1921 г. В этой программе социал-демократия прямо отрекается от марксовой теории классовой борьбы и диктатуры пролетариата. «С.-д. Г., говорится в программе, есть партия трудового народа города и деревни. Она стремится об'единить, на основе общих целей и стремлений и общей борьбы за демократию и социализм, всех занятых физическим и умственным трудом и получающих доход от собственного труда».

Каутский, таким образом, выступил с «марксистской» критикой герлицской программы. С своей ренегатской точки зрения Каутский считал, что открытый отказ от марксизма будет гораздо меньше способствовать обману пролетарских масс, чем кастрирование, искажение его с сохранением «марксистской» фразеологии. Написанная им с этой целью книга в 340 страниц носит характерный заголовок «Пролетарская революция и ее программа». Эта книга интересна в двух отношениях. Во-первых, Каутский старается доказать здесь, что социал-демократическая партия продолжает оставаться партией пролетарской революции, но что само содержание этой революции изменилось. Во-вторых, эта книга полна гнуснейших, клеветнических измышлений, направленных против Советской России. Здесь нас интересует лишь первая из указанных особенностей книги. Однако, именно теперь весьма интересно остановиться и на втором ее отличии, ибо Каутский, обливая клеветой Советский Союз, высказывает пророчества, которые сейчас кажутся особенно смешными. Так, например, на стр. 141 он заявляет:

«Пока диктатура не падет, Россия будет продолжать бедствовать...».

Это предсказывал Каутский в 1922 году, а теперь даже самый ослепленный враг Советского Союза вынужден признать бурный рост нашего хозяйства, а что касается диктатуры, то сами социал-демократы вопиют по поводу того, что она «не пала»...

Перейдем, однако, к «теории» пролетарской революции Каутского. Эта «теория» сама по себе является весьма простой и примитивной. Ее исходным пунктом является оценка революции 1918 г. в Германии. Эта революция была пролетарской революцией, потопленной в крови, но, как всякая потерянная пролетарская революция, она сделала большое историческое дело. Она довела до конца буржуазную революцию, начатую Бисмарком сверху. Социал-демократическая партия Германии честно старалась не допустить революцию и между прочим для этой цели она поручила Шейдеману вступить в состав императорского правительства. Ей, однако, не удалось подавить движение масс. Монархия была свергнута, несмотря на то, что социал-демократия ее всемерно защищала. Только одно удалось социал-демократам, а именно: подавить молодую пролетарскую революцию при помощи бандитов Носке. Когда им это удалось, они стали на защиту совершившейся буржуазной революции, выдали ее за дело своих рук и об'явили, что этой революцией, свержением монархии, задача насильственной революции, вооруженного восстания, — закончена. Дальнейшая насильственная революция пролетариата стала, таким образом, по мнению с.-д., излишней и вредной. Пролетариат, ведь, добился всего, чего хотел, а именно — демократии и республики. На основе этих достижений пролетариат может теперь мирным путем, при помощи избирательных бюллетеней добиться политической власти и всякая дальнейшая революция будет отныне носить мирный характер.

Каутский пишет:

> «Демократия дает возможность проводить эту революцию мирным путем без кровопролития, без насилия; демократия приводит и к тому, что революция приходит гораздо менее неожиданно, вызывает меньше новых боев и создает меньше новых программ, чем это было при буржуазной революции» (стр. 81).
>
> «Само собой разумеется, что избирательный бюллетень является силой лишь в рамках демократии. Было бы смешно вести борьбу за самую демократию средствами демократии» (стр. 82).
>
> «Мы можем вполне надеяться на то, что предстоящая пролетарская революция, т.-е. завоевание политической власти завершится на основе демократии, т.-е. мирным путем» (стр. 98).

Эти цитаты ясно показывают, что Каутский вовсе не хотел открыто признаться в отказе от «пролетарской революции» и что он хотел лишь, чтобы она была мирной и нереволюционной.

Нельзя, конечно, говорить о революции, не раз'ясняя ее отношения к государству и правительству. Здесь Каутский полемизирует с книгой Ленина «Государство и революция» и старается «доказать», что Ленин не понял Маркса, а вот, он, Каутский, ее может решить лишь тогда, если он превратит Маркса, как говорил Ленин, в дюжинного либерала. Маркс не раз подчеркивал, что политическая власть пролетариата выражается в диктатуре пролетариата. Каутский, конечно, не может совершенно замолчать эти, общеизвестные, заявления Маркса. Он начинает, поэтому, их интерпретировать и варьировать по-своему, проявляя в этом необычайное нахальство. Приведем хотя бы следующий отрывок из его книги:

> «В своей знаменитой статье «К критике социал-демократической партийной программы» Маркс говорит:
>
> «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного перехода одного в другое. Этому соответствует и политический переходный период, когда государственная власть является не чем иным, как революционной диктатурой пролетариата».
>
> «На основе опыта, — комментирует Каутский, — собранного в последние годы в вопросе о правительстве, мы можем это положение варьировать теперь следующим образом: между периодом чисто буржуазного управления демократическим государством и периодом чисто пролетарского управления лежит период превращения одного в другое. Этому соответствует и политический переходный период, когда правительство обычно является коалиционным» (стр. 106).

Прямо чудовищно, как Каутский путем простого подлога превратил диктатуру пролетариата в коалиционное правительство с участием буржуазии!

Из этой концепции ясно видно отношение социал-демократии к государству. Теперешнее государство, т.-е. буржуазно-демократическая республика, является, по мнению социал-демократии, государственной формой господства пролетариата. Каутский говорит буквально:

> «Демократическая республика является государственной формой господства пролетариата».
>
> ...«Демократическая республика является государственной формой для осуществления социализма» (стр. 142).

При помощи этой «теории» Каутский дал теоретическое обоснование отношения германской социал-демократии к пролетарской революции. Так как она считает теперешнюю буржуазную республику государственной формой господства пролетариата, а под пролетарской революцией подразумевает мирное завоевание власти при помощи избирательного бюллетеня и участия в коалиционных правительствах, то ясно, что социал-демократия защищает буржуазную республику от каждого нападения пролетариата и ставит существование этой республики выше всего. В этой «теории» Каутского имеется не только основа всех позднейших заявлений социал-демократии по затронутому нами вопросу, но даже предвосхищено и дальнейшее превращение с.-д. партии в социал-фашистскую.

Герлицская программа, против который была направлена критика Каутского, оказалась весьма недолговечной. Об'единившись с правым крылом независимой социал-демократической партии, германская социал-демократия выработала в сентябре 1925 года в Гейдельберге новую программу. Эта программа идет дальше тех положений, которые выдвинул Каутский в своей критике прежней программы. Болтовня о революции, даже о мирной — совсем выброшена. В первую очередь поставлены государственно-политические задачи, необходимость сохранения республики. Это единственный пункт, в котором гейдельбергская программа излагает политические задачи рабочего класса. Там сказано:

> «Рабочий класс не может вести свою экономическую борьбу и не может полностью развить свою экономическую организацию, не имея политических прав. В демократической республике он имеет ту государственную форму, сохранение и развитие которой безусловно необходимо для его освободительной борьбы. Рабочий класс не может добиться обобществления средств производства, не захватив в свои руки политической власти».

Это весьма неясная фраза, так как не указано, как же рабочий класс должен получить эту политическую власть. Не подлежит, однако, сомнению, что это

должно произойти в духе Каутского, т.-е. путем подачи избирательных бюллетеней; об этом уже говорит первая часть фразы, согласно которой пролетариат стоит перед задачей сохранения республики, не говоря уже о том, что не кто иной, как Каутский комментировал по поручению ЦК с.-д. партии гейдельбергскую программу.

Эта гейдельбергская программа, отличающаяся своим худосочием и малокровием, является ныне действующей программой германской социал-демократии. Мы видим, что здесь вычеркнуто даже само воспоминание о пролетарской революции. Само слово «революция» выброшено из программы германской с.-д. партии и на его место поставлены государственно-политические задачи либеральной социал-демократии. «Революция», как ее понимает Каутский, отныне фигурирует лишь в комментариях к программе, в речах на с'ездах и в провинциальных газетах.

Дальнейший шаг в этом направлении сделала германская социал-демократия на своем кильском с'езде в мае 1927 года. Вся программная речь Гильфердинга вращалась исключительно вокруг государственных задач социал-демократии. Гильфердинг там ничего не говорил о том, что социал-демократия стремится хотя бы к мирной «революции» избирательного бюллетеня. Он говорил о задачах социал-демократии в республике. Он, главным образом, старался расписать перед рабочими преимущества демократии в Германии, изображая ее как небуржуазную. Он заявил:

> «Это значило бы отвергать все социалистическое прошлое с самого того момента, когда Маркс произнес свои знаменитые слова о необходимости поднять рабочий класс на уровень политической партии, если б мы не видели, что эта борьба (пролетариата за демократию. *Ф. К.)* принадлежит к крупнейшим фактам пролетарской классовой борьбы, и что было бы исторически неверно и это вводило бы в заблуждение, если бы мы говорили о «буржуазной демократии». Демократия была нашим делом».

Из этого логически вытекает, что важнейшей задачей социал-демократии является защита этой, т.-е. ныне существующей, демократии. Основная задача социал-демократической партии в Германии заключается, таким образом, в защите существующей буржуазной государственной власти и подавлении революционного пролетариата, борющегося с этой государственной властью. Гильфердинг следующим образом формулировал эту задачу:

> «...Мы знаем, что нет большего препятствия для осуществления социализма, чем гражданская война и что мы, как социалисты, находимся в необычайно тяжелом положении, когда пролетарская государственная власть является плодом гражданской войны. Поэтому мы, как пролетариат, безусловно заинтересованы в сохранении демократии. Мы хотим ее защищать и это необходимо подчеркивать при каждом случае...».

Рассматривая эту теоретическую эволюцию германской социал-демократии от выступления Каутского в 1922 году до кильской речи Гильфердинга, мы в первую очередь видим, что социал-демократия отказывается в своих программных документах даже от разговоров о революции, а также, что социал-демократия все теснее связывается с буржуазным государством.

Если Каутский в 1922 году еще считал нужным распространяться о «захвате власти» пролетариатом, на почве демократии, то уже Гильфердинг в официальном докладе не упоминает об этом ни единым словом. Само собой разумеется, что и у Каутского захват власти был только блефом. Но этот блеф показывает лишь, что социал-демократия 1921 года все же отличалась от с.-д. 1927 года. Если в 1921 году она была еще социал-либеральной социал-шовинистской партией, то в 1927 году уже намечается ее п е р е х о д о т р е ф о р м и з м а и с о ц и а л - ш о в и н и з м а к с о ц и а л - ф а ш и з м у.

Социал-фашизм не удовлетворяется одной лишь защитой демократии. Он проявляет сильные диктаторские вожделения. Его целью является превращение демократической республики, которая представляет собою одну форму буржуазной диктатуры, в другую ее форму — в социал-фашистскую диктатуру. Социал-демократические лидеры в последнее время открыто проявляют свои диктаторские

вожделения. Председатель ЦК социал-демократической партии Вельс заявил в мае 1929 года на с'езде партии в Магдебурге:

> «Наша задача заключается в том, чтобы обеспечить существование демократии и защитить республику. Если, однако, врагам республики удалось бы нанести демократии Германии такой серьезный удар, что не осталось бы другого выхода, кроме диктатуры, то пусть знают члены Стального Шлема, национал-социалисты и их коммунистические собратья в Москве, что социал-демократия и профсоюзы, представляя интересы широких масс германского народа, крепко сплоченные в своих организациях, сумеют и ее использовать, действуя с чувством полной ответственности и соблюдая несокрушимую дисциплину. Только они и никто другой не имели бы тогда права на диктатуру».

Слова о защите демократии и республики не являются лишь пустой болтовней. Они показывают, что социал-фашизм логически вытекает из социал-демократического представления о государстве. Абсолютная защита буржуазного государства, как это себе поставила задачей социал-демократия, должна была при новом революционном под'еме и банкротстве буржуазной демократии привести к социал-фашизму.

Было бы, однако, в основе неправильно считать, что развитие социал-фашизма и отказ даже от самого слова «пролетарская революция» являются результатом теоретических умозаключений. Дело обстоит как раз наоборот. Теоретическая эволюция германской социал-демократии является лишь идеологическим отражением фактического развития социал-демократии от социал-либеральной партии с революционными фразами к явно социал-фашистской. Замена разговоров о мирной революции положительными государственными задачами, вполне отвечает фактическому сращению социал-демократических вождей с государственным аппаратом. При этом превращение социал-демократической партии в социал-фашистскую пошло на практике гораздо дальше, чем в теории. Нет нужды перечислять фашистские гнусности германской социал-демократии, так как они хорошо известны. Достаточно указать лишь на некоторые из них: 1 мая 1929 г. социал-демократический начальник берлинской полиции Цергибель расстреливает 33 рабочих; вскоре после этого социал-демократический министр внутренних дел Пруссии Гржезинский запрещает союз красных фронтовиков; обще-германский министр внутренних дел социал-демократ Зеверинг вносит в рейхстаг новый закон против коммунистов; полиция Цергибеля продолжает в Берлине свои расстрелы; Гржезинский создает для прусских рабочих условия осадного положения; социал-демократический начальник гамбургской полиции Ш е н с ф е л ь д е р устраивает кровавую баню безработным; с.-д. министры с лихорадочной быстротой подготовляют запрещение германской компартии и т. д. Если Вельс в Магдебурге заявил о приближении социал-фашистской диктатуры, то он уже отстал от событий, так как деятельность социал-демократических министров и полицмейстеров уже отчасти является проявлением этой диктатуры.

Из развития социал-демократии в социал-фашизм вытекает и ее отношение к пролетарской революции. Это отношение является вполне ясным, определенным и недвусмысленным. Практическая деятельность с.-д. министров и начальников полиции показывает нам, как с.-д. партия в Германии относится к пролетарской революции. Ее отношение к революции весьма активно: социал-демократические лидеры являются палачами пролетарской революции в Германии. Защита буржуазной демократической революции от рабочих, сохранение «спокойствия и порядка» — вот важнейшая задача социал-демократии. Другими словами, важнейшая задача германской социал-демократии заключается в подавлении пролетарской борьбы, в недопущении пролетарской революции. Эта задача стоит теперь в центре внимания германской социал-демократии. Она для нее так важна, что даже упоминание о пролетарской революции, как бы ее себе ни представляли, изгнано из официальных документов социал-демократии. Это, однако, не значит, что германские социал-демократы перестали говорить о пролетарской революции. Напротив, именно социал-фашизм, как переход с.-д. к открытому террору, нуждается в еще более широком

использовании социальной демагогии. Мы уже видели, что даже такие социал-демократы, как Зеверинг, говорят иногда на с'ездах партии о «революции». Если социал-демократические «государственные люди» весьма редко произносят подобные речи, да и то лишь на таких торжественных собраниях, как с'езды партии, то есть целое крыло в рядах германской социал-демократии, жизненная задача которого заключается в социальной демагогии. Это так называемые «левые», все еще держащие многих рабочих под социал-демократическим влиянием, благодаря своей призрачной оппозиции против официальной политики партии, соперничающие друг с другом в «левых» фразах. Их историческая роль заключается в том, чтобы обманывать рабочих этими фразами, держа их, таким образом, под влиянием социал-демократической партии. С полным правом поэтому Коминтерн и германская компартия считают «левых» социал-демократов опаснейшими врагами пролетариата в рабочем движении. Их разоблачение является необходимой предпосылкой для завоевания широких масс германского пролетариата и вовлечения их в лагерь пролетарской революции.

Благодаря этому разделению труда в рядах германской социал-демократической партии между правым крылом, дающим «государственных людей» и расстреливающим пролетариат, и «левым» крылом, обманывающим массы «революционными» фразами и мнимой оппозицией, удается германской социал-демократической партии до сих пор держать значительные массы пролетариата под своим влиянием. Именно, в этом германская социал-демократия находит средство играть свою историческую роль, а именно: служить сильнейшим оплотом германской буржуазии против пролетарской революции.

Только разрушив этот оплот буржуазии, в Германии победит пролетарская революция.

ФРИЦ КЮН.

ПОЧТА ОТДЕЛА КОНСУЛЬТАЦИИ.

Посланы ответы почтой: тт. Кадер (Тамбов), Павлову (Чивильск), Каптуренко (Киев), Цхэ (Екатерино-Никольское) и Ясниковскому (Борисовка).

ПОПРАВКА.

В № 3—4 «Большевика» за 1930 г. в статье тов. Мингулина «На под'еме мирового революционного движения», на стр. 23, строка 23-я сверху, напечатано: «не может быть», следует читать: «не может НЕ быть».

Главлит № А—54733. Тираж 161.000 экз.

Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48.

БОЛЬШЕВИК

№ 7—8 30 АПРЕЛЯ № 7—8

1930
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“